

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

на правах рукописи

Сидоренко Андрей Игоревич

**ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ: ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ РЕШЕНИЙ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история правовых учений

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель —
доктор юридических наук,
доцент
С.Б. ПОЛЯКОВ

Пермь - 2016

Оглавление

Оглавление	2
Введение.....	3
Глава 1. Понятие правовой определенности	15
§ 1. Характеристика определенности и неопределенности в сфере правового регулирования	15
§ 2. Правовая определенность как принцип права	29
Глава 2. Принцип правовой определенности в практике ЕСПЧ и Конституционного Суда Российской Федерации	42
§ 1. Позиции Европейского Суда по правам человека о правовой определенности.....	42
§ 2. Позиции Конституционного Суда Российской Федерации о правовой определенности	67
Глава 3. Реализация принципа правовой определенности в практике судов первой, апелляционной и кассационной инстанций	97
§ 1. Механизм имплементации практики ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ в российское право.....	97
§ 2. Соотношение принципа правовой определенности, законности и справедливости	114
§ 3. Принцип правовой определенности в практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции	126
Заключение	145
Список использованных источников и литературы	149
Приложение № 1. Значения, придаваемые принципу правовой определенности в Постановлениях ЕСПЧ против России	178
Приложение № 2. Значения, придаваемые принципу правовой определенности в актах Конституционного Суда РФ	182

Актуальность темы исследования. Одной из бесспорных ценностей права является то, что оно упорядочивает общественные отношения, обеспечивает их мирное развитие. Это в юридической науке и практике в последнее десятилетие связывают с категорией правовой определенности. В.Д. Зорькин в одной из своих статей заметил, что немало обращений в Конституционный Суд Российской Федерации обусловлено элементарными дефектами законодательной техники, подрывающими принцип правовой определенности¹. Кроме того, он отмечал, что принцип правового равенства включает в себя также моменты разумной стабильности и правовой определенности, необходимые чтобы люди, не имевшие возможность заранее подготовиться к изменениям в праве, не оказались ущемленными по сравнению с другими².

Толкованию принципа правовой определенности, как проблеме юридической практики, в последние годы было посвящено немало работ, обобщающих большой эмпирический материал, свидетельствующий отсутствию единообразия во мнениях судей различных российских судов по данному вопросу³. Не случайно тема правовой определенности привлекает всё большее внимание теоретиков права. В одной из последних своих монографий видный исследователь этой проблемы Н.А. Власенко указал, что надеется на конструктивную критику и продолжение исследования темы в теории права и отраслевых юридических науках⁴.

После ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) Российская Федерация оказалась под юрисдикцией одного из самых влиятельных судов в мире — Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), что можно полагать одной из отправных точек реформирования отечественного законодательства в соответствии с европейскими стандартами. В своих Постановлениях ЕСПЧ зачастую ссылался на нарушение Российской Федерацией

¹ См.: Зорькин В.Д. Конституция живет в законах // "Российская газета" — Федеральный выпуск №6560 (288) URL: <http://www.rg.ru/2014/12/18/zorkin.html> (дата обращения 06.05.2015).

² См.: там же.

³ См. напр. Султанов А.Р. Жажда справедливости: борьба за суд. М., 2014. 304 с.; Султанов А.Р. Борьба за право на обжалование судебного решения. М., 2014. 527 с.; Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. М., 2012, 368 с.; По ту сторону права: Законодатели, суды и полиция в России: сб. ст. / под ред. В. Волкова, М. Трудюлюбова; авт.: В.Волков, И. Григорьев, А. Дмитриева [и др.] — М., 2014. 332 с.

⁴ Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М., 2014. С. 16.

статей 5 и 6 Конвенции исходя из толкования, содержащегося в ее преамбуле принципа верховенства права, в частности — правовой определенности, как одного из его компонентов¹, который специально в тексте Конвенции не закреплён. В связи с тем, что по сегодняшний день такие Постановления против России продолжают приниматься и их число стремительно увеличивается, достигнув 261 по отношению к 939² принятым против всех стран-участников Конвенции на 27.11.2015, важно установить, какими значениями принцип правовой определенности наделяется ЕСПЧ и как они соотносятся с зарубежной и отечественной правовой доктриной. Кроме того, по состоянию на 23.11.2015 Конституционным Судом Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) данный принцип упоминался в 506 актах, во многих из которых содержатся прямые ссылки на конкретные Постановления ЕСПЧ, что порождает необходимость соотнесения правовых позиций данных судов, как имеющих наибольшее значение для российского правосудия.

Практический замысел темы диссертационного исследования также обусловлен имеющейся потребностью в систематизации существующей практики Европейского Суда по правам человека, касающейся толкования принципа правовой определенности, наработанной в связи с ней практики Конституционного Суда Российской Федерации и иных российских судов по данному вопросу для обеспечения более точного прогнозирования возможных нарушений Конвенции со стороны России и принятия мер для их предотвращения.

Степень научной разработанности темы и теоретическая основа исследования. Проблемы определенности и неопределенности права в отечественной юридической науке изучены широко: начиная с дореволюционных авторов, заканчивая современными. Вместе с тем, в рамках подходов российских ученых правовая определенность исследовалась путем ее рассмотрения в качестве присущего праву признака или свойства, но анализ сущности принципа правовой определенности как таковой не представлен комплексно: специальные монографии и диссертации, посвященные

¹ О компонентах верховенства права см. также: CDL-AD(2011)003 rev, Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия), Доклад о верховенстве права, принятый Венецианской комиссией на ее 86-й пленарной сессии (Венеция, 25-26 марта 2011 года), § 41.

² Учитываются Постановления ЕСПЧ, опубликованные на его официальном сайте <http://hudoc.echr.coe.int>, в которых содержится словосочетание «правовая определенность» («legal certainty»).

данному вопросу, отсутствуют. Кроме того, в зарубежной юридической литературе имеются подходы к пониманию категорий определенности и неопределенности в сфере правового регулирования, которые не проанализированы отечественной наукой.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные труды дореволюционных ученых и специалистов в области теории государства и права, а также гражданского права, прежде всего И.А. Покровского, П.И. Новгородцева, К.П. Победоносцева, Г.Ф. Шершеневича.

Кроме того, были использованы работы бывших и действующих судей, в частности, А.И. Ковлера, Д.И. Дедова, К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, П.А. Гука, Н.С. Бондаря, В.Д. Зорькина, А.Н. Кокотова, Н.А. Колоколова, Т.Н. Назаренко, В.Ф. Яковлева, а также таких известных практиков, как П.Д. Баренбойм, А.Р. Султанов.

В диссертации приводятся работы видных ученых в области теории права, международного, гражданского, уголовного права и сравнительного правоведения: С.С. Алексеева, М.И. Байтина, В.М. Баранова, С.А. Боголюбова, Ю.Е. Винокурова, Н.А. Власенко, А.Г. Волеводза, В.М. Жуйкова, Б.Л. Зимненко, А.Я. Капустина, В.П. Кашепова, В.В. Лазарева, В.В. Лапаевой, В.И. Лафитского, О.Э. Лейста, Н.И. Марышевой, Т.Н. Нешатаевой, А.Ф. Ноздрачева, А.В. Полякова, В.П. Реутова, В.А. Савельева, О.Н. Садикова, В.М. Сырых, А.С. Титова, О.И. Тиунова, Ю.А. Тихомирова, Д.А. Фурсова, Т.Я. Хабриевой, И.О. Хлестовой, А.Н. Черткова, О.А. Кузнецовой, С.Б. Полякова, О.И. Рабцевича, М.В. Шугурова, Р.В. Чикулаева, Е.И. Алексеевской, Т.Т. Алиева, Е.С. Алисиевича, Е.А. Андрущенко, О.А. Беляевой, М.М. Бирюкова, А.А. Булыкина, В.А. Виноградова, М.Р. Воскобитовой, М.Е. Глазковой, Н.А. Гущиной, И.С. Дикарева, И.Г. Дудко, В.И. Еременко, К.П. Ермаковой, М.В. Залоило, П.А. Калининченко, Н.Н. Ковтуна, А.Б. Моисеенко, Р.О. Опалева, М.В. Преснякова, И.В. Рехтиной, Ю.А. Свирина, А.С. Смбатяна, М.А. Филатовой, К.М. Худолея и других.

Кроме того, была исследована зарубежная юридическая литература, касающаяся проблем, рассматриваемых в настоящем диссертационном исследовании, в частности, были использованы работы следующих ученых: М. Де Сальвиа, М. Жерара,

Э. Д'Амато, Ж.Ф. Аканджи-Комбе, У. Бернитца, Ю. Швартза, Д. Дари-Матиацци, Б. Деффайнса, К. Галланта, Б. Хейла, Й. Хаммерофера, П. Махоуни, П. Шляга, Ю. Шайниа, Р. Стейна, М. Куйера, Т. О'Доннела и других.

Большую часть работ приведенных авторов, помимо судей ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ, следует охарактеризовать как касающуюся проблем применения принципа правовой определенности либо вне связи с практикой ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ, либо с рассмотрением отдельных фрагментов такой практики. Однако систематизированное изложение значений, придаваемых принципу правовой определенности, отсутствует. Подобная ситуация влечет за собой неясность смысла принципа правовой определенности, вкладываемого в него Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом РФ, шаблонность и необоснованность его использования в практике судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Поэтому существует потребность в развитии накопленных знаний в данной сфере и их систематизации в соответствии с имеющимся практическим материалом.

Объект исследования: практика ЕСПЧ и российская судебная практика.

Предмет исследования: значения принципа правовой определенности и его функции, а также его соотношение с иными началами права в доктрине, практике ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ, судов первой, апелляционной и кассационной инстанций.

Цель и задачи исследования. Исследование направлено на установление значений принципа правовой определенности, придаваемых ему Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом РФ, соотнесение их с имеющимся теоретическим материалом для дальнейшей систематизации и внедрения в практику использования российскими судами в ходе осуществления правосудия. При этом, решаются следующие задачи:

- анализ общетеоретических положений российской и зарубежной правовой мысли об определенности и неопределенности в сфере правового регулирования;
- определение свойств правовой определенности, позволяющих судить о ней как о принципе права;

- установление порядка толкования ЕСПЧ принципа правовой определенности, как компонента верховенства права;
- выявление значений, придаваемых правовой определенности в решениях Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ, а также сравнение подходов указанных судов к толкованию данного принципа;
- уяснение функций принципа правовой определенности в рамках конвенционного и конституционного правовых режимов;
- анализ проблем имплементации практики ЕСПЧ о принципе правовой определенности в российскую правовую систему и установление наиболее эффективного механизма такой имплементации;
- определение степени заимствования российскими судами практики ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ о принципе правовой определенности и придаваемых ему значений;
- исследование проблемы соотношения принципа правовой определенности с иными принципами права в процессе установления баланса защищаемых интересов ЕСПЧ и Конституционным Судом РФ.
- предложение путей реализации принципа правовой определенности в российской судебной практике.

Научная новизна. Новизна работы заключается в комплексном и всестороннем исследовании практики Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ о принципе правовой определенности, ее систематизации и кратком описании¹. В ходе исследования было изучено 939 Постановлений ЕСПЧ, в которых встречался термин «правовая определенность» (legal certainty)², а также иные акты Европейского Суда, где присутствовали ссылки на правовые позиции, содержащиеся в обозначенных Постановлениях, основанные на толковании принципа правовой определенности. Всего было изучено более 1500 решений ЕСПЧ. В результате каждое такое Постановление, содержащее термин «правовая определенность» в части толкования рассматриваемого принципа, было описано в виде общей таблицы, где осуществлена их классификация

¹ См. Приложение № 1 и Приложение № 2 к диссертации.

² На основании информации, содержащейся на официальном сайте ЕСПЧ: hudoc.echr.coe.int по состоянию на 27.11.2015 г.

в зависимости от выделяемого значения. Аналогичным способом было исследовано 506 актов (Постановлений и Определений, а также Заключения) Конституционного Суда РФ¹, в которых употреблялся термин «правовая определенность» или «формальная определенность». Кроме того, была рассмотрена и проанализирована практика Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного суда РФ, Суда РФ по Интеллектуальным правам, арбитражных судов округов, Семнадцатого арбитражного апелляционного суда, Мосгорсуда и Пермского краевого суда.

Установлены правила толкования принципа правовой определенности применительно к различным фактическим обстоятельствам и обоснована многогранность указанного принципа, его основополагающее общеправовое значение для законодательства и применения права на практике. Критически оценен существующий порядок использования позиций ЕСПЧ о правовой определенности в российской судебной практике путем соотнесения методов ее заимствования Конституционным Судом РФ и иными российскими судами, а также сопоставления смысла, вкладываемого в понятие указанного принципа в актах данных судов.

Предлагается способ разрешения коллизий принципа правовой определенности с иными принципами права путем выделения его функций. Продемонстрирована различная степень значимости правовой определенности в материально-правовых и процессуально-правовых отношениях.

На основании предложенного подхода предлагается порядок толкования принципа правовой определенности во всём многообразии его значений, выявленных ЕСПЧ и Конституционным Судом РФ.

Теоретическая и практическая значимость работы. Значимость работы определена тем, что она посвящена одной из важнейших проблем теории права: порядку толкования общеправового принципа права — принципа правовой определенности.

Теоретическое значение исследования:

¹ На основании информации, содержащейся на официальном сайте Конституционного Суда РФ ksrf.ru, а также в справочно-правовых системах «Консультант Плюс», «Гарант», и официальном интернет-портале правовой информации pravo.gov.ru по состоянию на 23.11.2015.

— сопоставление явлений определенности закона, определенности права, правовой определенности, неопределенности закона, неопределенности права, правовой неопределенности;

— определение содержания принципа правовой определенности в формулировках его значений, выявленных в доктрине и практике ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ;

— установление взаимосвязи значений принципа правовой определенности с учетом конкретных правоотношений;

— сопоставление принципов правовой определенности, законности и справедливости;

— выявление функций принципа правовой определенности.

Выявленные в процессе исследования основные значения принципа правовой определенности могут использоваться при дальнейшей разработке приведенных и смежных проблем теории права, в процессе преподавания общетеоретических и отраслевых дисциплин.

Практическое значение исследования:

— установление возрастающего значения принципа правовой определенности для юридической практики и тенденций ее развития в рамках правового пространства Совета Европы и конституционного режима России;

— оценка эффективности имплементации практики ЕСПЧ о принципе правовой определенности в российское законодательство и правоприменительную практику;

— формулирование нарушений принципа правовой определенности исходя из практики ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ;

— выявление факторов, позволяющих судить о недопустимости нарушения принципа правовой определенности, а также случаев, в которых следует отдать предпочтение иному, конкурирующему с ним принципу права.

Использование приведенных результатов работы позволит уяснить основное назначение данного принципа и разработать порядок применения его на практике. Выводы диссертационного исследования могут послужить основой для

предлагаемого в ней Постановления Пленума Верховного Суда РФ или иного систематизирующего акта, подлежащего применению судами. Кроме того, полученные результаты диссертационного исследования позволяют осуществлять мониторинг правоприменительной практики на соответствие ее правовым позициям ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ, определить пути устранения различий обозначенных правовых позиций и осуществить подготовку законопроектов, направленных на унификацию порядка толкования и применения принципа правовой определенности ЕСПЧ и российскими судами.

Методология и методы исследования. В процессе исследования использовались общенаучные, частные и специальные методы: диалектический, для установления единства и различия категорий определенности и неопределенности; значений принципа правовой определенности, его функций и т.д., а также логические (анализ и синтез), социологический, формально-юридический, сравнительно-правовой и другие. Использование данных методов позволило выявить основные направления эволюции использования принципа правовой определенности в судебной практике.

Положения, выносимые на защиту:

1. «Правовая определенность» и «определенность права» являются разными понятиями, как и противоположные им, соответственно, «правовая неопределенность» и «неопределенность права».

1.1. Неопределенность права — невозможность однозначно определить волю государства в регулировании конкретных отношений вследствие пробелов, коллизий, недостатков юридической техники и высокой степени абстрактности правовых предписаний в совокупности всех форм права.

1.2. Правовая неопределенность — отсутствие возможности однозначно определить в существующих формах права объем и условия реализации субъективных прав, обязанностей, запретов и, вследствие этого, а также противоречивой и изменчивой правоприменительной практики, неуверенность в результате применения права. Правовая неопределенность — показатель негативной неопределенности в праве.

1.3. Определенность права — возможность однозначно определить волю государства в регулировании конкретных отношений. Понятие определенности права является противоположным по отношению к понятию неопределенности права. При этом, определенность права обеспечивается нормами права, либо актами его толкования исходя из допускаемой дискреции правоприменительных органов, устанавливаемой в таких нормах.

2. Правовая определенность является не только свойством, но и принципом права. Как свойство права она подразумевает точность правовых предписаний, обеспечиваемую высоким качеством юридической техники. Как принцип права она требует ясности в объеме субъективных прав, обязанностей и запретов, вытекающей из закона, других форм права, и правоприменительных актов. Значения, придаваемые правовой определенности, не являются застывшими, конкретизируются и эволюционируют в практике Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека, а также других судов. При этом, ЕСПЧ придает данному принципу следующие значения: неопровержимость судебных решений, т.е. недопустимость отмены вступивших в законную силу решений судов при отсутствии судебной ошибки или существенных нарушений; строгость установленных законом сроков, в том числе недопустимости обратной силы закона; ясность правового регулирования. Конституционный Суд РФ, в свою очередь, наряду с обозначенными значениями принципа правовой определенности, также обосновывает с его помощью требование стабильности правового регулирования, а именно, недопустимости резких изменений в праве, касающихся гарантированных гражданам прав и свобод.

3. Каждое значение, придаваемое принципу правовой определенности, подразумевает выполнение одной или нескольких его функций, среди которых: обеспечение ясности прав и обязанностей в рамках действующего правового регулирования; защита от произвола; поддержание доверия граждан к государству; обеспечение эффективности применения права.

4. Необходимость имплементации практики ЕСПЧ в российскую правовую систему диктуется обязательностью исполнения его решений, вытекающей из Конвенции и Конституции РФ. Под механизмом такой имплементации следует пони-

мать процесс перевода правовых позиций Европейского Суда по правам человека в российскую правовую систему. Механизм имплементации практики ЕСПЧ включает в себя следующие элементы:

- уяснение правовых позиций ЕСПЧ в точном и полном их содержании;
- установление соответствия правовых позиций ЕСПЧ Конституции РФ Конституционным Судом РФ;
- внесение изменений в российское законодательство при наличии такой необходимости;
- реализация правовых позиций ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ в судебной практике.

Субъектами реализации механизма имплементации практики ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ являются:

- 1) Европейский Суд по правам человека и иные органы Совета Европы, осуществляющие мониторинг исполнения Конвенции о защите прав человека и основных свобод;
- 2) Конституционный Суд Российской Федерации;
- 3) Федеральные органы законодательной власти Российской Федерации;
- 4) Федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации (Министерство Юстиции РФ, Министерство экономического развития РФ и т.д. в зависимости от компетенции конкретного органа);
- 5) Верховный Суд Российской Федерации.

Следует заметить, что между обозначенными субъектами отсутствует субординация, они самостоятельны, в связи с чем в процессе их деятельности возможны расхождения. Отсюда, факультативными необходимыми субъектами являются научные учреждения, способные дать рекомендацию о наиболее приемлемом варианте такой имплементации.

5. Принцип правовой определенности имеет материально-правовое и процессуально-правовое содержание. Материально-правовой определенности в большей степени соответствуют выделенные значения ясности и стабильности правового регулирования. Неопровержимость судебных решений, строгость установленных за-

коном сроков — значения, в большей степени являющиеся процессуальными. Приоритет должен отдаваться материально-правовому содержанию принципа правовой определенности перед процессуально-правовым.

6. Правовая определенность может находиться в коллизии с другими принципами права. Так принципы правовой определенности, законности и справедливости тесно взаимосвязаны. В решениях Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ, тем не менее, прямо указывается на конкуренцию правовой определенности и справедливости. Приоритет должен отдаваться последней в случае допущения в правоприменении существенного нарушения или ошибки, наличие которых устанавливается судом. Законность в свою очередь, обеспечивается полной реализацией значений принципа правовой определенности. При разрешении возможных противоречий указанных принципов необходимо исходить из значимости воплощаемых с их помощью функций права, а также ценностей, на защиту которых они направлены. Предлагается во главу угла поставить принцип конституционной законности.

7. В подавляющем большинстве случаев российские суды первой, апелляционной и кассационной инстанций используют принцип правовой определенности в одном значении: неопровержимости судебных решений, исключительно для обоснования отказа в пересмотре вступившего в законную силу судебного решения. Сложившаяся ситуация противоречит утвердившейся практике ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ, поскольку направлена не на обеспечение правосудия, а на разгрузку судебного аппарата. Ее изменение возможно путем принятия акта толкования принципа правовой определенности, обязательного для российских судов — Постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором содержались бы основные значения правовой определенности и его функции, а также порядок преодоления коллизий данного принципа с иными принципами права.

8. Имплементация практики ЕСПЧ по воплощению принципа правовой определенности в российской судебной практике может осуществляться двумя способами: непосредственного заимствования текстов Постановлений ЕСПЧ российскими судами, либо через практику Конституционного Суда РФ, которой обобщается и конкретизируется практика Европейского Суда по правам человека. При этом

приоритетным должно являться второе направление, поскольку, во-первых, российские суды имеют доступ к практике Конституционного Суда РФ, изучение его практики не осложнено отсутствием официальных текстов актов ЕСПЧ на русском языке, и, во-вторых, таким образом исключается возможность применения правовой позиции, которая может быть не согласована с российским конституционным режимом.

Степень достоверности и апробация результатов. Полученные результаты основаны на обобщенном эмпирическом материале, представленном структурно в виде таблиц, составленных для возможности их изучения и проверки. Указанные результаты размещены в открытом доступе в сети Интернет, а краткие извлечения из них представлены в приложениях к настоящей диссертации.

Результаты диссертационного исследования использованы при подготовке аналитической записки Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, в учебном процессе Пермского государственного национального исследовательского университета при чтении лекций и семинарских занятий по спецкурсу «Современные проблемы юридической науки». Основные положения диссертации докладывались на заседаниях кафедры теории и истории государства и права, российских и зарубежных научно-практических конференциях, а также круглых столах. По теме диссертационного исследования опубликованы научные статьи.

Структура работы выстроена исходя из необходимости последовательного решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, семи параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Глава 1. Понятие правовой определенности

§ 1. Характеристика определенности и неопределенности в сфере правового регулирования

В юридической науке большое внимание уделяется общенаучным категориям определенности и неопределенности. Так они используются в понятиях «определенность закона»¹, «определенность права»², «правовая определенность»³, «формальная определенность права»⁴, «неопределенность закона»⁵, «неопределенность права»⁶, «правовая неопределенность»⁷. Как будет показано ниже, приведенные понятия зачастую наделяются различным, даже противоположным содержанием. Следовательно, для установления практического значения принципа правовой определенности необходимо вначале рассмотреть с общетеоретических позиций свойства определенности и неопределенности в сфере правового регулирования, а также установить основные черты определенности как принципа права.

Т.Н. Назаренко отмечала, что определенность в праве и неопределенность в праве являются парными взаимосвязанными противоположными правовыми кате-

¹ См. напр. Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции: понятие и множественность институциональных моделей // *Международное уголовное право и международная юстиция*, 2008, № 3, С. 5; Дайчак В. Цивилистическая традиция и современная дискуссия о наднациональных принципах частного права. Замечания относительно неосновательного обогащения // *Вестник ВАС РФ*, 2013, № 10, С. 38

² См. напр. Власенко Н.А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // *Журнал российского права*, 2014, № 7, С. 68; Фогельсон Ю.Б. Мягкое право и верховенство права // *Журнал российского права*, 2014, № 11, С. 28

³ См. напр. Рехтина И.В. Предпосылки принципа правовой определенности (*res judicata*) в источниках права Древней Руси X – XVI вв. // *История государства и права*, 2014, № 15, С. 16 – 21; Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // *Конституционное и муниципальное право*, 2011, № 10, С. 4 – 10.

⁴ См. напр. Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права // *Публично-правовые исследования (электронный журнал)*, 2012, № 2, С. 52; Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М., 2008. С. 44.

⁵ См. напр. Поляков С.Б. Неопределенность закона // *Третий Пермский конгресс ученых-юристов: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (12 октября 2012 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т; Отв. ред. О.А. Кузнецова. Пермь, 2012. 289 с; Беляева О.А. Аннулирование торгов антимонопольным органом по жалобе лица, не принимавшего в них участия // *Комментарий судебно-арбитражной практики / под ред. В.Ф. Яковлева. М.: Юридическая литература*, 2012. Вып. 18, С. 144*

⁶ См. напр. См. напр. Залоило М.В., Черкашина-Шмидт О.В. Интегративное правопонимание: новый подход // *Журнал российского права*, 2014, № 4, С. 146

⁷ См. напр. Чиклаев Р.В. Опыт участия арбитражных заседателей в рассмотрении дел, связанных с ценными бумагами // *Арбитражный и гражданский процесс*, 2010, № 10, С. 24; Моисеенко А.Б. Об определенности правового регулирования в части применения правовых позиций Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации после его упразднения // *Арбитражные споры*, 2014, № 3, С. 112.

гориями¹. Следовательно, «неопределенность» и «определенность» нужно рассматривать с позиции диалектических постулатов об их различии и единстве². Несмотря на противоположность данных свойств права, они необходимо присущи правовому регулированию на всех этапах человеческого развития³.

И.А. Покровский указывал, что требованиями развивающейся личности к праву являются его определенность и прочность, которые «... друг с другом связаны: они оба — только две стороны одной и той же естественной и «неотъемлемой» потребности индивида иметь свое ясное и определенное место в жизни целого социального организма»⁴. Автор, критикуя вульгаризированное понимание естественного права, отмечал, что «... под влиянием тенденций «свободного права» ... законодательство становится на скользкий путь»⁵, поскольку проблема урегулирования правоотношений не исчезает при отказе от определенного законодательного урегулирования, а просто перекладывается на судей⁶. С.С. Алексеев, согласившись с мнением И.А. Покровского о необходимости определенности правового регулирования, как одной из основ защиты прав человека, пояснил, что «... неотъемлемые права человека охватывают не только сами по себе важнейшие социальные ценности высокого порядка ..., но непосредственно и явления сугубо юридического характера, и только через них реализуются важнейшие социальные категории, в данном случае — потребности индивида иметь ясное и определенное место в жизни всего социального организма»⁷.

Близкую позицию занимает О.Э. Лейст, утверждая, что «... под формальной определенностью следует понимать точное обозначение обстоятельств, порождающих правовые последствия, обозначение этих последствий, качеств, присущих

¹ Назаренко Т.Н. Неопределенность в российском праве. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2006. С. 31-32. См. также по этому поводу: Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М. 2014. С. 55-55.

² См. Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 36.

³ См. об этом Назаренко Т.Н. Указ. соч. С. 13.; Власенко Н.А. Указ. соч. С. 38.

⁴ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград, 1917. С. 83.

⁵ Там же. С. 80.

⁶ См. Там же.

⁷ С.С. Алексеев. Восхождение к праву. М., 2001. С. 668.

участникам правоотношений и др.»¹. Общепризнанно правовые нормы и их элементы по степени определенности подразделяют на абсолютно определенные (как правило, императивные) и относительно определенные (как правило, диспозитивные). Последние требуют или допускают при реализации усмотрение правоприменительных органов или участников правоотношений². О.Э. Лейст акцентирует внимание на том, что в традиции нормативизма — придание нормам права абстрактного характера. Абстрактность придает норме универсальный характер, что освобождает ее от лишней казуистичности и позволяет применять правовые нормы многократно при близких фактических обстоятельствах³. Однако чрезмерная абстрактность может нести ущерб определенности и породить ситуацию, когда нормы размыты и не ясны. Кроме того, О.Э. Лейст вводит критерий «формальной неопределенности», т.е. ситуации, когда государство не способно оправдать ожидания, вытекающие из правовой нормы. Так в качестве примера он приводит необходимость издания специальных законов во исполнение норм, продекларированных в Конституции РФ. В частности, О.Э. Лейст замечает, что «... серьезной проблемой отечественного законодателя было отсутствие закона об альтернативной гражданской службе⁴, необходимость которого вытекает из ст. 59 Конституции РФ»⁵. Отсюда можно заключить, что приведенные выше высказывания автора свидетельствуют о его приверженности позиции о том, что формально-неопределенная норма не способна породить правовых последствий, на которые рассчитывают участники правоотношений.

С другой стороны, М.И. Байтин связывает формальную определенность права с тем, что «... правовая норма издается и санкционируется государством и выражается в той или иной установленной или признаваемой им форме. Напри-

¹ Лейст О.Э. Сущность права. М. 2002. С.70; Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др.; под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 960 с.; Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М.: Статут, 2012. 976 с.; Свирин Ю.А. Дивергенция в системе права: монография. М.: Астра Полиграфия, 2012. 392 с.

² См. Лейст О.Э. Указ. соч. С. 70-71

³ См. Лейст О.Э. Указ. соч. С. 76

⁴ Указанный закон был принят в 2002 году. См. Федеральный закон от 25.07.2002 № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе»

⁵ См. Лейст О.Э. Указ. соч. С. 79-80.

мер, в форме закона или подзаконного нормативного акта, договора с нормативным содержанием, правового обычая»¹.

А.В. Поляков отмечает, что «... правовые нормы представляют собой результат интерпретации в социальном сознании определенного правового текста, выраженного в языковой форме»². Автором отдельно выделяются понятия формальной определенности правового текста и формальной определенности правовой нормы. Причем определенность правовой нормы достигается благодаря ее определенному текстовому выражению. Также А.В. Поляков указывает, что «правовые правила, в свою очередь, имеют государственно-признанную текстуальную форму выражения своего содержания (законы, указы, постановления и т.д.)»³ и приходит к выводу, что «... формальная определенность нормы имеет два аспекта: внешний и связанный с ним внутренний. Только определенное содержание правовой нормы может получить внешнюю текстуально-правовую форму выражения (в виде закона, указа и т.д.)»⁴.

Таким образом, исходя из приведенных позиций М.И. Байтина и А.В. Полякова, можно прийти к выводу, что свойство формальной определенности права означает санкционирование содержательного элемента права путем облечения его в определенную форму. Отсюда, требование определенности содержательного элемента правового регулирования можно обозначить в качестве «определенности права». Указанные элементы, в свою очередь, в совокупности образуют такое правовое регулирование, которое является непротиворечивым и ясным, а лица, участвующие в правоотношениях, урегулированных такими нормами права, ощущают на себе действие правовой определенности, обеспечивающей целостный и бездефектный процесс правоприменительной деятельности.

С другой стороны, неопределенность также выделяется многими авторами как средство правового регулирования. Как отмечал Йорг Каммерхофлер, неопределенность позволяет решать проблемы за пределами жесткой регламентации,

¹ Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 180

² Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб, 2001. С. 466.

³ Там же. С. 467.

⁴ Там же.

особенно в сфере международного права¹. Также Ювал Шайни указывал, что «... различные нормы международного права наделены разными уровнями присущей им правовой определенности»². По замечанию Пьера Шляга, сравнившего конкретные правила поведения («rules») и абстрактные нормы («standarts») по правилу «пороки и добродетели», главной добродетелью правил является определенность, а пороком — непреклонность, т.е. невозможность для правоприменителя изменить регулирование³.

Очевидно, что неопределенность в правовой регламентации оставляет участникам правоотношений свободу использования иных, неправовых по своей природе, методов, в том числе политических. В случаях, когда создается определенная правовая норма или устойчивая судебная практика, данная свобода исчезает. Особое значение неопределенность имеет в конституционном правосудии, поскольку сама Конституция РФ построена на «балансировке ценностей»⁴. По справедливому замечанию судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева, в данной сфере зачастую принимаются амбивалентные решения, чтобы учесть мнения всех судей⁵. Негативность этого обстоятельства проявляется в том, что указанные решения в дальнейшем подлежат применению судами, которые получают неопределенную самим Конституционным Судом РФ свободу в осуществлении правосудия⁶.

Большой вклад в исследование проблем соотношения определенности и неопределенности в правовом регулировании внес Н.А. Власенко, по мнению которого определенность и неопределенность являются свойствами познания, поскольку знание всегда неполно (неопределенно) и стремиться к пополнению (определенности). Н.А. Власенко отмечает в этой связи, что право, как продукт познания, по аналогии всегда неопределенно и стремится к определенности, и данный процесс не имеет конца, как и само познание⁷. Неопределенность в правовом регулирова-

¹ Kammerhofer J. Uncertainty in international law. A Kelsenian perspective, New York, P. 6.

² Shany Y. Toward a General Margin of Appreciation Doctrine in International Law? // European Journal of International Law. Issue 16. Firenze, 2005. P. 913.

³ См. Schlang P.J. Rules and Standarts // 33 UCLA L. Rev. 379 California, 1985. P. 412.

⁴ См. Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 16 – 28.

⁵ См. Там же. С. 24.

⁶ См. Гаджиев Г.А., Коваленко К.А. Принцип правовой определенности ... С. 17-19.

⁷ Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М. 2014.С. 55-56.

нии не означает безусловного произвола¹. Законодатель, закрепляя неопределенную правовую норму, зачастую оставляет тем самым выбор правоприменителю для принятия решения, которое наиболее здраво будет отражать потребность общественного регулирования. Н.А. Власенко указывает, что абстрактность правовой нормы также является элементом неопределенности, поскольку формирует универсальное правило исходя из обобщения изучаемых предметов и явлений².

Характеризуя соотношение определенности и неопределенности в праве, Н.А. Власенко выступает против абсолютизации определенности, возведения ее в «золотое правило законотворчества»³, указывая, что «сами правовые механизмы, в необходимых случаях, должны быть сконструированы так, чтобы в практической ситуации, с учетом целесообразности и гибкости как условий оптимального праворегулирования они давали бы возможность достижения определенности в действиях субъектов права»⁴. Понятие «неопределенность» применительно к праву обозначено им в качестве более широкого по отношению к понятию «абстрактность» и включает в себя последнее⁵. Н.А. Власенко, основываясь на постулатах юридической науки, подразделяет нормы права на абсолютно определенные, т.е. не подразумевающие правоприменительного усмотрения, и относительно определенные, которые в свою очередь включают в себя ситуационные, альтернативные и факультативные нормы⁶. Последние имеют в себе «элементы неопределенности» в позитивном ее проявлении — преднамеренном установлении дискреции по отдельным вопросам с целью обеспечения соответствия акта применения права реалиям общественной жизни. Отсюда вытекает заключение: обозначение альтернативы действий субъектов права и правоприменителей уже привносит определенность⁷. Данный вывод согласуется с установленной Н.А.

¹ Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 37.

² Власенко Н.А. Неопределенность в праве... С. 37.

³ См. Власенко Н.А. Указ. соч. С. 58.

⁴ Власенко Н.А., Назаренко Т.Н. Неопределенность в праве: понятие и формы // Государство и право. М., 2007. № 6. С. 5-12.

⁵ Там же. С. 51-59.

⁶ Там же. С. 70.

⁷ Власенко Н.А. Указ. соч. С. 79

Власенко целью неопределенности в праве — гармоничного правового регулирования, основанного на альтернативе¹.

Как указывал П.А. Гук, «... современный бум законотворчества пытается урегулировать весь круг общественных отношений, принимаемые законы имеют настолько общий характер, что им требуется дополнительная проработка, детализация, толкование со стороны судебных инстанций»². «Этого требует сама природа закона, как общего (абстрактного) правила, которое в процессе его применения должно регулировать многообразные, конкретные индивидуальные отношения. В этом случае закон в сочетании с выработанными судьей (судьями) при уяснении смысла закона и конкретизированными на его основе правилами в процессе его применения выполняет служебную роль, регулируя охватываемые им общественные отношения»³.

Н.А. Власенко также заметил, что «... свойство неопределенности нередко используется при заключении самых различных договоров, поскольку это тот инструмент, с помощью которого достигается точность и гибкость правового регулирования»⁴. Действительно, используя диспозитивные нормы в правовом регулировании, законодатель сознательно выражает свою волю неполно, окончательно не формулирует правило поведения, как это он делает императивными нормами, оставляя часть «работы» по определению прав и обязанностей их субъектам в договоре. Такие формы права, как нормативные договоры и индивидуальные договоры предусмотрены российским законодательством как средства регулирования общественных отношений (см., например, ст. 9 Трудового кодекса РФ). Неопределенность закона — одной из форм права в случае, когда закон предусматривает регулирование отношений другими формами права, еще не означает неопределенности в праве.

Стороны могут в договоре неполно предусмотреть обстоятельства, при которых возникают, изменяются или прекращаются их права и обязанности, что

¹ Там же. С. 77

² Гук П.А. Судебное нормотворчество: Теория и практика. Монография / LAP LAMBERT Academic Publishing. Saarbrücken, 2012 С. 88

³ Гук П.А. Указ. соч. С. 88-89.

⁴ Там же. С. 58-59

влечет неопределенность в их содержании и объемах. Это порождает споры, для разрешения которых предусмотрены правила в ст.431 ГК РФ: «При толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом».

Неопределенность в праве, возникшая по вине сторон договора, не может им гарантировать исход дела в соответствии с их противоположными, не приведенными к единому знаменателю в договоре ожиданиями, поскольку суд, реализуя свое усмотрение в соответствии со ст. 431 ГК РФ, как и стороны, не имеет однозначных критериев для своих выводов о том, какие юридические факты и действия при их возникновении имели в виду стороны при заключении договора. Но законодатель в том не виноват. Неопределенность закона в виде диспозитивных норм должна была и могла быть дополнена сторонами договора, наилучшим образом устраняя неопределенность в праве. Если стороны договора подробно изложили в его тексте конкретные обстоятельства своих отношений, которые в законе невозможно предусмотреть, то нет и споров об условиях договора. В случае нарушения ясных условий договора исход дела об ответственности нарушителя очевиден ввиду отсутствия неопределенности в праве. В данном случае можно назвать действия сторон договора, связанные с согласованием его условий, таким же «мостиком» от неопределенности к определенности, каким представляются конкретизация, правовые позиции и т.д.

С другой стороны, Н.А. Власенко отмечает, что чрезмерное насыщение законодательства конструкциями, допускающими свободу правоприменительного усмотрения, например, оценочными понятиями, ставит субъекта применения права в ситуацию негативной правовой неопределенности. Автор соглашается с мнением К.П. Ермаковой о наличии двух средств необходимого ограничения пределов правоприменительного усмотрения: законных и нравственных. Среди последних в работе особо отмечаются категории разумности и справедливости¹.

¹ См. Разумность и определенность в правовом регулировании... С. 101-105

Отсюда Н.А. Власенко указывает по существу искомый критерий различия положительной и отрицательной неопределенности в праве, обнаруживаемый не в формальном анализе текста закона, а в реализации законодательных норм с той или иной степенью абстракции, т.е. в следствиях этих норм. Неопределенная норма закона, являющегося одной из форм права, не ведет неизбежно к неопределенности иных форм права, а напротив, обеспечивает их определенность.

Таким образом, неопределенность в праве рассматривается Н.А. Власенко как необходимое положительное свойство права и как дефект правового регулирования, что условно можно обозначить в качестве позитивной и негативной неопределенности. Близкое данному заключению мнение было выражено Г.А. Гаджиевым и К.А. Коваленко: «Феномен правовой неопределенности в правовом регулировании является, по сути, онтологической характеристикой правовой реальности и не ограничивается только лишь неясностью, противоречивостью нормы позитивного закона»¹. Негативная неопределенность в праве, как отмечено Н.А. Власенко, является «нежелательным для личности состоянием, от которого она старается уйти»²; «правовая неопределенность в ее негативном значении может иметь место в таких важнейших компонентах правовой системы, как законодательство, система права и правоприменительная практика»³.

Неопределенность в сфере законодательства подразделяется Н.А. Власенко на языковую, логическую и графическую⁴. Причем если два первых вида влияют на смысловое содержание текста нормативного акта, то последний относится к трудности его восприятия. Все эти дефекты можно объединить одним понятием «недостатки юридической техники», которые распространяются автором также и на неопределенность в правоприменительной практике (акты, принимаемые органами исполнительной и судебной власти в соответствии с законом). Неопределенность в системе права по мнению Н.А. Власенко выражается в наличии колли-

¹ Гаджиев Г.А., Коваленко К.А. Принцип правовой определенности в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 5. С. 16.

² Власенко Н.А. Указ. соч. С. 99

³ Там же. С. 105

⁴ См. там же. С. 106–108

зий равнозначных по своей природе норм, а также пробелов в праве¹. При этом, наличие указанных коллизий и пробелов порождает необходимость восполнения правового вакуума путем совершения нормотворческой работы, что позволяет заключить о единой природе указанных дефектов.

В отечественной юридической литературе весомый вклад в исследование пробелов в праве внес В.В. Лазарев, отмечавший, что если неопределенность в праве есть отсутствие ясности в правовом регулировании, то ее выражением может быть пробел, имеющий место при отсутствии нормы или ее неполноте². Указанные ситуации, наряду с коллизией норм, порождают пробелы в правовом регулировании, которые, по своей сути, неизбежны для любой правовой системы³. В то же время, как замечал В.В. Лазарев, понятие «пробел» следует рассматривать как упущение, дефект, не допуская расширительного определения, включающего преднамеренное усмотрение законодателя⁴. «Пробелом в праве будет только такое соответствие между волей законодателя и ее словесным оформлением, когда ни один из приемов толкования не позволяет обнаружить ее во всех подробностях и полноте, необходимых для практического решения»⁵. Отсюда можно заключить, что пробел в праве имеет место, когда присутствует дефект в содержании правовой нормы, что порождает негативную неопределенность в праве.

По замечанию А.С. Смбатяна, «... выявление органами правосудия неопределенностей и «серых зон» в области правового регулирования с последующим их уточнением и наполнением содержанием представляет собой неотъемлемую часть судебной функции, направленной не только на урегулирование конкретного спора, но и на развитие самого права»⁶. Отсюда, даже в случае наличия неопределенности в праве, в том числе пробела, результат правового регулирования всегда должен носить определенный и ясный характер, обеспечивать точность, разумность и справедливость правового регулирования, осуществляемого на сты-

¹ См. Власенко Н.А. Указ. соч. С. 108–109

² См. Лазарев В.В. Избранные труды. [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. М., 2010. С. 51

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же. С. 42

⁵ Там же. С. 48

⁶ Смбатян А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М.: Статут, 2012. С. 143.

ке права и не права. В противном случае неопределенность закона способна породить неопределенность в праве.

В странах общего права учеными и юристами также рассматривается проблема неопределенности права с позиции наличия или отсутствия конкретных прецедентов. Исследования правовой неопределенности в рамках англосаксонского правового пространства несколько отличается тем, что осуществляются через призму экономики и социологии в большей степени, чем через философский и юридический инструментарий.

Так, известный калифорнийский профессор и юрист-практик Энтони Д'Амато связывает правовую неопределенность с невозможностью предугадать судебное решение. Полемизируя в своей статье с Р. Дворкиным, он указывает, что неопределенность со временем только возрастает, поскольку сам факт увеличивающегося уровня регулирования лишь повышает уровень правовой информации¹. Автор приводит в качестве примера постулат теории информации, согласно которому ценность любого сообщения возрастает в такой степени, в какой сообщение отличается от переданного ранее. Так как «предсказание любого юриста официальной правовой реакции на фактическую ситуацию [его] клиента является предсказанием содержания сообщения, которое должно быть получено от официального источника, результат, противоречащий предсказанию информированного юриста, будет иметь более высокую информационную ценность»². Автор доказывает, что официальные лица, как принимающие решения (судьи), так и комментаторы права (ученые), стремятся максимизировать ценность информации³. Объясняется это явление тем, что судьи стремятся к обозначению своей независимости и отсутствия «связанности» имевшими место ранее прецедентами, а ученые — к критике действующих законов и иных форм правового регулирования. И те, и другие обслуживают тем самым личные амбиции и интересы⁴.

В совместной статье профессоров права и экономики амстердамского университета Джузеппе Дари-Матиацци и Бруно Деффаинса проведен анализ правовой

¹ A. D'Amato Legal Uncertainty / California Law Review Vol. 71 Issue 1. California, 1983. P. 2.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 20-21

⁴ Там же. С. 20

неопределенности с позиции социологических и экономических теорий. Так ими отмечается, что «неопределенность права имеет место в случаях, когда трудно предугадать *ex ante* каким образом право будет применено *ex post* судом»¹. Авторы ссылаются на работы Вебера и указывают, что в социологии правовая определенность тождественна «беспробельности» правовой системы, в которой все решения являются результатом применения права, когда абстрактное право применяется к конкретным случаям путем использования логики, и любое поведение может быть определено как соответствие или нарушение права. Авторы также, не соглашаясь и не опровергая, приводят тезисы Карбонньера, Перельмана, Боббио о том, что право беспробельно по своей природе, так как любой *ex ante* пробел будет восполнен *ex post* судом, который не может отказать в правосудии².

Кроме того, ученые, анализируя специальную литературу по данной теме, определяют проблему неопределенности с трех сторон: соотношения правил и стандартов; теории незавершенного права; сложности права.

Первая означает, что невозможно добиться определенности из-за наличия в праве стандартов³, например, таких, как разумность, добросовестность. Разрешение вопроса о применении стандарта в пользу той или иной стороны осуществляется в каждом конкретном деле судом.

Вторая — теория незавершенности права — берет свое начало из теории незавершенности контрактов. Как стороны договорных отношений не всегда могут предсказать все обстоятельства, которые возникнут в процессе действия заключенного контракта, так и законодатель не может знать заранее обо всех возможных жизненных ситуациях.

Третья сторона — сложности права — отвечает на вопрос: кто выигрывает от неопределенности?⁴ Кратко ее суть можно представить в виде замкнутого круга: при количественном возрастании практики по конкретному вопросу уровень неопределенности уменьшается, что позволяет разрешать сторонам спора право-

¹ G. Dari-Mattiacci, B. Deffains Uncertainty of Law and the Legal Process // Amsterdam Center for Law & Economics Working Paper №о. 2005-10. Amsterdam, 2005. P. 5

² Там же.

³ Для отечественной юридической литературы более близким будет употребление понятий «оценочные нормы» или «нравственные нормы».

⁴ G. Dari-Mattiacci, B. Deffains Указ соч. С. 6

вые вопросы, не прибегая к суду, во избежание высоких издержек правосудия. Однако такая ситуация уменьшает рост практики, что вновь приводит к возрастающей неопределенности¹ и желанию сторон перенести спор в суд, увеличивая при этом количество издержек правосудия².

В этой связи следует согласиться с позицией Ульфа Бернитца, который указывал: «Что касается правовой определенности, важно, как для отдельных граждан, так для организаций и иных лиц, чтобы они могли понять законность и правовые последствия запланированных действий до их осуществления»³.

Отсюда следует, что правовая неопределенность может быть следствием неопределенности закона или правоприменительной практики⁴. В свою очередь правоприменительная практика, порождающая правовую неопределенность, может быть, во-первых, результатом противопоставления своей воли правоприменителями воле законодателя (нарушения законности, превращение судебной практики из субсидиарной формы права в форму, искажающую и замещающую закон), во-вторых правовой неопределенности самих правоприменителей, оказывающихся в таком состоянии из-за неопределенности закона. Таким образом, неопределенность правоприменительной практики, являющаяся во многом порождением неопределенности правовых предписаний и диагностическим её показателем, есть также следствие факторов, определяющих правосознание, социально-психологические условия деятельности правоприменителя и его усмотрение как в пределах, допустимых законодателем, так и произвольное.

Итак, представляется верным использовать следующие понятия.

Неопределенность в праве — невозможность однозначно определить волю государства в регулировании конкретных отношений вследствие пробелов, коллизий, недостатков юридической техники и высокой степени абстрактности правовых предписаний в совокупности всех форм права.

¹ Там же. С. 8.

² Там же. С. 8-9.

³ Bernitz U. Retroactive Legislation in a European Perspective – On the Importance of General Principles of Law // Scandinavian Studies in Law. Stockholm. 2000. P. 43

⁴ «...феномен правовой неопределенности в правовом регулировании является, по сути, онтологической характеристикой правовой реальности и не ограничивается только лишь неясностью, противоречивостью нормы позитивного закона» (Гаджиев Г.А., Коваленко К.А. Указ. соч.. С. 16).

Неопределенность закона — невозможность однозначно определить волю государства в регулировании конкретных отношений вследствие пробелов, коллизий, недостатков юридической техники и высокой степени абстрактности содержания законодательства. Неопределенность закона может быть «техничко-юридическим дефектом текста права как внешней, письменной формы его выражения»¹ (отрицательное значение) и средством правового регулирования (положительное значение).

Правовая неопределенность — отсутствие у субъекта права возможности однозначно определить в существующих формах права объем и условия реализации своих прав, юридических обязанностей и запретов и вследствие этого, а также противоречивой и изменчивой правоприменительной практики неуверенность в исходе дела о своих правах и обязанностях. Правовая неопределенность — показатель негативной неопределенности в праве.

¹ Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М., 2008 С. 69.

§ 2. Правовая определенность как принцип права

В словаре международного права принцип правовой определенности отождествляется с правовой безопасностью и определяется как «принцип, согласно которому законодательство Европейского союза должно быть ясным и предсказуемым для всех субъектов. Данный принцип, в частности, не разрешает придавать обратную силу мерам, ухудшающим положение лиц по сравнению с действующим правовым регулированием»¹. В литературе встречаются позиции, согласно которым принцип правовой определенности был известен еще праву Древней Руси². Однако современные тенденции применения данного принципа в российском судопроизводстве демонстрируют направленность в заимствовании европейских доктринальных положений о правовой определенности в связи с активным применением его на практике Европейским Судом по правам человека.

В соответствии с Федеральным законом от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» Российская Федерация признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции³ и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов. Следовательно, правовые позиции ЕСПЧ в отношении России являются обязательными и подлежащими применению на ее территории⁴. Как заметил Д.В. Юзвиков: «Указанные судебные акты косвенно присваивают принципы прецедентного права правовой системе Российской Федерации»⁵. Вместе с тем, П.В. Волосюк отметил, что если согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ Конвенция действует как международно-правовой ис-

¹ Словарь международного права / Т.Г. Авдеева, В.В. Алешин, Б.М. Ашавский и др.; отв. ред. С.А. Егоров. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 236.

² См. Рехтина И.В. Предпосылки принципа правовой определенности (*res judicata*) в источниках права Древней Руси X – XVI вв. // История государства и права. 2014. № 15. С. 16 – 21.

³ Здесь и далее имеется в виду Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (ETS № 5).

⁴ Также в соответствии с Протоколом от 13.05.2004 № 14 «К Конвенции о защите прав человека и основных свобод, вносящий изменения в контрольный механизм Конвенции» в статью 46 Европейской конвенции были внесены изменения, в соответствии с которыми «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами».

⁵ Юзвиков Д.В. Вопросы уголовного права в практике Европейского Суда по правам человека // Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М., 2004. С. 10.

точник российского права непосредственно, то через практику ЕСПЧ она действует опосредованно¹.

Как указал Комитет министров Совета Европы в п. 3 Рекомендации Res (2004) 5, «необходимое условие эффективной защиты прав человека в Европе с помощью Конвенции состоит в том, что государства применяют Конвенцию в своих правовых системах, как она понимается в практике Европейского Суда. Это предполагает, в особенности, обеспечение государствами соответствия законов и правоприменительной практики Конвенции»².

Правовая определенность с позиции ЕСПЧ является принципом права, который «неотъемлемо присущ праву конвенции и праву сообщества»³. ЕСПЧ неоднократно «напоминал», подчеркивая обычно-правовой характер данного принципа и его устойчивость в практике суда, что правовая определенность «является компонентом верховенства права (rule of law)»⁴, закрепленного в статье 3 Устава Совета Европы⁵ и преамбуле Конвенции. В большинстве актов ЕСПЧ, отсюда, правовая определенность определяется в качестве принципа права, который, однако, формально нигде не закреплен. Для российских судов использование принципа права, отсутствующего в тексте закона, может быть затруднительным, поскольку такой порядок судопроизводства предполагает существование устойчивой правоприменительной практики высших судебных инстанций и соответствующего доктринального обоснования, для формирования которых требуется значительное время.

Таким образом, восприятие приведенных выше европейских правовых традиций является задачей российской юридической науки. Среди них ведущую роль за-

¹ Волосюк П.В. Решения Европейского Суда по правам человека как источник уголовного права России // Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. Ставрополь, 2005. С. 7.

² Рекомендация Комитета министров Совета Европы Res(2004)5 государствам — участникам Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод по вопросу контроля за соответствием проектов законов, действующих законов и практики их применения стандартам, закрепленным в Европейской конвенции по правам человека (принята Комитетом министров 12 мая 2004 г. на 114-й сессии) // URL: http://sutyajnik.ru/rus/ECtHR/gescomm/rec2004_5_rus.htm (дата обращения — 12.02.2014)

³ См. напр.: Постановление Европейского суда по правам человека от 13.06.1979 «Маркс (Marckx) против Бельгии» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1.- М.: Норма, 2000. С. 231 – 270.

⁴ Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 по делу «Рябых (Ryabukh) против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) § 51 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 12.

⁵ Устав Совета Европы (ETS № 1) (Принят в г. Лондоне 05.05.1949) // Бюллетень международных договоров. 1997. № 5. С. 12 – 21.

нимает концепция верховенства права¹, объединяющая государства Европейского союза и Совета Европы и являющаяся столпом европейской государственности². Так председателем Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькиным в 2005 году приводилось мнение, что романо-германское «правовое государство» эквивалентно англосаксонскому «верховенству права» (rule of law) и данные понятия используются в правовом пространстве, соответственно, стран общего и континентального права³. В последующих работах В.Д. Зорькина отмечалось, что верховенство права включает в себя понятие правового государства наряду с иными признаками⁴. Зачастую верховенство закона отождествляется с верховенством права⁵. Иногда данные понятия представляются принципами правового государства⁶.

По мнению Т.Н. Нешатаевой принцип верховенства права является весьма объемным принципом, состоящим из нескольких элементов: правовой определенности, правовой эффективности и баланса интересов или пропорциональности⁷. Следовательно, данные понятия не тождественны. По ее замечанию, «...совместно с признанием прав человека верховенство права является условием членства в Совете Европы»⁸.

Как указывала С.А. Грачева: «...современные теоретики английского конституционного права обогатили представления о верховенстве права, сделав акцент на ограничении публичной власти с помощью права, на определении связанности деятельности судов только правом, а не законом и на особом значении су-

¹ Указанный термин «rule of law» возможно перевести также как «господство права» или «правление права». Однако термин «верховенство» права встречается наиболее часто и закреплён в официальных текстах нормативных актов, в том числе в официальном переводе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1959 года.

² См. официальный сайт Совета Европы: www.coe.int.

³ См. Зорькин В.Д. Верховенство права и конституционное правосудие // Журнал российского права, 2005, № 12. С. 31-32.

⁴ См. Зорькин В.Д. Верховенство права и встреча цивилизаций // Журнал конституционного правосудия, 2008, № 1.

⁵ См. Грачева С.А. Доктрина верховенства права и судебные правовые позиции // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 33 – 45; Баренбойм П.Д. Разграничение, конвергенция или замена доктрин правового государства и верховенства права? // Законодательство и экономика. 2013. № 4. С. 5 – 12.

⁶ См. Баренбойм П.Д. Концепция Зорькина – Танчева о соотношении современных доктрин верховенства права и правового государства // Законодательство и экономика. 2011. № 10. С. 17 – 25; Виноградов В.А. Правовое государство и верховенство права: теоретические конструкции и реализация // Закон. 2013. № 12. С. 97 – 101; Интервью: Верховенство права и новое всемирное движение в его поддержку (интервью с американским адвокатом Джеймсом Силкенатом) // «Адвокат», 2007, № 9, с. 14.

⁷ Нешатаева Т.Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М.: Городец, 2007. С. 53.

⁸ Там же. С. 484

дебной власти в деле защиты прав и свобод человека. При этом важное внимание уделяется взаимосвязи верховенства права с общепризнанными принципами международного права и фундаментальными правами человека, гарантированными Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г.»¹.

В американской юридической литературе сложилась позиция, согласно которой значение понятия верховенства права «хамелионоподобно» и в рамки него можно включить любой смысл, выгодный для того или иного автора². Данное обстоятельство, по мнению профессора Роберта Стейна, служит поводом для дачи ясного универсального определения, т.к. при его отсутствии принцип «значащий всё» по существу не будет значить ничего³. Действительно, стоит согласиться с данной позицией, принимая во внимание тот факт, что верховенство права — один из наиболее часто применяемых принципов при правотворчестве и применении права, в том числе в сфере российского правосудия⁴, что порождает необходимость конкретизации содержания этого принципа.

Американской ассоциацией юристов в рамках «Проекта мировое правосудие»⁵ выделяется четыре аспекта верховенства права, влияющих на качество правосудия в любом государстве: «1. Правительство, его должностные лица и агенты, в равной степени как физические лица и частные организации, несут ответственность в соответствии с законом. 2. Законы ясны, обнародованы, стабильны и справедливы, применяются одинаково и защищают фундаментальные права, включая безопасность лиц и имущества. 3. Процесс, которым законы установлены, применены и исполне-

¹ Грачева С.А. Доктрина верховенства права и судебные правовые позиции // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 37.

² См.: Stein R. Rule of Law: What Does it Mean? // Minnesota Journal of International Law, Volume 18, Issue 2. 2009. P. 296.

³ Там же.

⁴ См. напр. Определение Верховного Суда РФ от 26.09.2008 № 82-В08-5; Определение Верховного Суда РФ от 09.02.2007 № 41-В06-80; Определение Московского городского суда от 20.12.2013 № 4г/1-12603; Определение Московского городского суда от 20.12.2013 № 4г/1-12603;

⁵ В рамках данного проекта публикуется ежегодный индекс верховенства права среди стран-участниц проекта, на основании показателей ограничения власти государства, отсутствия коррупции, порядка и безопасности, фундаментальных прав, открытости правительства, регулятивного правоприменения, гражданского и уголовного правосудия. Так по итогам 2012 года Российская Федерация находится по данным показателям в границах 65-92 мест из 97 стран. См.: World Justice Project. The Rule of Law Index 2012-2013 Report. P. 158-181. // URL: http://worldjusticeproject.org/sites/default/files/WJP_Index_Report_2012.pdf (дата обращения 08.01.2013)

ны, является доступным, честным и эффективным. 4¹. Правосудие обеспечивается своевременно компетентными, этичными и независимыми представителями и нейтралитетом, состоящими из достаточного количества, имеющими достаточные средства и отражающими интересы общин, которым они служат»². Как видно, приведенная структура верховенства права достаточно абстрактна.

В докладе Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) от 4 апреля 2011 года «О верховенстве права» отмечается, что «понятие «верховенство права» трудно найти в бывших социалистических странах, которые имели опыт жизни в условиях «социалистической законности». Классический марксистский подход основывается на идее отмирания государства и, следовательно, законов, от него исходящих»³. В докладе указано, что для советского государства достаточно трудно было выйти за пределы первого этапа определения верховенства права — «верховенство закона» («rule by law») или «управление на основе законодательства» («rule by the law»)»⁴. Также Венецианской комиссией отмечено, что в качестве консенсуса могут быть обозначены следующие компоненты верховенства права: «(1) Законность, в том числе прозрачный, подотчетный и демократичный процесс принятия законодательства (2) Правовая определенность (3) Запрет на произвол (4) Доступ к правосудию, обеспечиваемому независимыми и беспристрастными судами, в том числе судебное рассмотрение административных актов (5) Соблюдение прав человека (6) Недискриминация и равенство перед законом»⁵.

Таким образом, правовая определенность является компонентом верховенства права, что признано в официальной европейской правовой доктрине. В Ком-

¹ По смыслу данного пункта имеется в виду, что лица, связанные с осуществлением правоприменения, не должны быть зависимы в той или иной степени от временной загруженности и своего материального состояния, а также должны обладать высоким профессионализмом и нравственностью. Кроме того, они должны отражать интересы всего общества, на службе у которого они находятся.

² The World Justice Project. What is the Rule of Law? // URL: <http://worldjusticeproject.org/what-rule-law> (дата обращения 08.01.2013)

³ CDL-AD(2011)003 rev, Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия), Доклад о верховенстве права, принятый Венецианской комиссией на ее 86-й пленарной сессии (Венеция, 25-26 марта 2011 года), § 33

⁴ См. там же.

⁵ CDL-AD(2011)003 rev, Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия), Доклад о верховенстве права, принятый Венецианской комиссией на ее 86-й пленарной сессии (Венеция, 25-26 марта 2011 года), § 41

муникации Европейской комиссии в Европейский Парламент и Совет «Новая основа ЕС укрепления верховенства права» от 11.03.2014 отмечается, что принцип верховенства права и его компоненты, выделяемые в Коммуникации, полностью отражаются на уровне Совета Европы¹ со ссылкой на приведенный выше доклад Венецианской комиссии. Отсюда, обозначенная концепция распространяется и на институты Европейского Союза.

Сравнивая понятие верховенства права «Проекта мировое правосудие» и официальных текстов документов ЕС и Совета Европы, можно заметить, что его интерпретация прямо зависит от цели его использования. Если «Проект мировое правосудие» направлен на демонстрацию качества государств по максимальному числу критериев² и построения их условного рейтинга, что обуславливает необходимость наибольшей абстракции, то для Совета Европы верховенство права является одним из столпов его существования, определяющим основы его функционирования. В обоих случаях определение данного принципа дано исходя из целей его использования.

Основываясь на понимании верховенства права в рамках Совета Европы, как наиболее значимого для российского правосудия в области прав человека, следует уяснить, какие черты присущи его компоненту, принципу правовой определенности. В первую очередь, необходимо выяснить, какие его черты позволяют судить о нем именно как о принципе права, имеющем непосредственное правоприменительное значение для судов. Ответ на данный вопрос способен внести ясность в порядок использования европейской доктрины о принципе правовой определенности в российском законодательстве и правоприменительную практику.

Так О.А. Рабцевич выделяет три подхода к пониманию понятия «принципы права»: традиционный, романо-германский и англосаксонский, отмечая, что в приведенной классификации нет места пониманию права, свойственных россий-

¹ Там же Annex 1 p. 2 – 3.

² Критериями являются: 1) Ограничение государственной власти; 2) Отсутствие коррупции; 3) Открытое правительство; 4) Основные права; 5) Порядок и безопасность; 6) Правоприменительная практика; 7) Гражданское правосудие; 8) Уголовное правосудие. На основании данных критериев осуществлено ранжирование 99 государств. Россия находится на 80 месте в указанном рейтинге за 2014 год. См. WJP Rule of Law Index 2014. URL: <http://data.worldjusticeproject.org/#/index/RUS> (дата обращения 03.02.2015).

ской правовой науке¹. По ее мнению, «при всем разнообразии определений принципов права в российской теории права суть у них в общем-то одна. Сводится она к тому, что принципы права — это руководящие идеи, характеризующие содержание права, его сущность и назначение в обществе. С одной стороны, они выражают закономерности права, а с другой — представляют собой наиболее общие нормы, которые действуют в сфере правового регулирования и распространяются на всех субъектов»².

Как отмечается С.С. Алексеевым, принципы права — это его сквозные идеи, отражающие его содержание, выражающие основы права, закрепляемые в нем закономерности общественной жизни, которые реально выражены в самой правовой материи. «Они как бы «растворены» в праве, «разлиты» в нем, пронизывают собой многие правовые нормы»³.

О.А. Кузнецова отмечала, что «принципы права, прямо входящие в правовую систему, являются нормами-принципами, а другие продолжают существовать в виде принципов-идей»⁴. Вместе с тем, «... принципы права, существующие в правосознании, не могут быть полностью отделены от действующего текстуального законодательства. Они и формируются не без влияния писанного права»⁵. О.А. Кузнецовой справедливо указывается, что, не смотря на отсутствие в гражданском законодательстве принципа справедливости, нельзя утверждать об отсутствии его преломления в отдельных частных гражданско-правовых нормах⁶.

Также О.А. Кузнецова отмечала: «Нормы-принципы содержат правила самого общего характера, поэтому в их гипотезах не могут содержаться конкретные условия действия правовых норм. Действие того или иного принципа права обусловлено типом и формой государства, его политической системой, системой ценностей и традиций общества»⁷.

¹ См. Рабцевич О.И. Проблема общих принципов права в международном праве // «Право и политика», 2007, № 11 С. 80 – 85.

² См. там же. С. 82 – 83

³ Алексеев С.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М., 2010. С. 101.

⁴ Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М, 2006. С.42.

⁵ Там же.

⁶ См. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права С. 42-43

⁷ Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. С. 35.

Кроме того, как заметил В.П. Реутов, «... правовое регулирование, как известно, достаточно сложный процесс, осуществляемый целым арсеналом правовых средств, среди которых центральное место занимают правовые нормы. Каждый из элементов, участвующих в правовом регулировании, играет свою роль, или, другими словами, имеет свои специфические функции в процессе регулирования»¹.

Таким образом, в рамках отечественной правовой доктрины правовая определенность может обозначаться в качестве принципа права, а именно, принципа-идеи, оказывающего особое влияние на правовое регулирование, имеющего следующие функции: обеспечения предсказуемости правоприменительного процесса, а также оправдания законных ожиданий граждан. Данный принцип является общим для всего правового регулирования и относится ко всем нормам права, а также к практике его применения.

Необходимо также учитывать, что способы применения (интерпретации) принципов права могут отличаться в зависимости от категории органа, осуществляющего правоприменительные функции, и характера нормы права, с которой он имеет дело. Например, по замечанию Г.А. Гаджива, Конституционный Суд РФ в процессе толкования принципов права формулирует новые представления о них, а «изменение представлений о конституционных принципах — результат конституционно политики, осуществляемой всеми органами государства»². Действительно, спецификой конституционного правосудия является толкование конституционных норм и норм-принципов на основании критериев разумности, справедливости и иных «принципов-идей», «нравственных принципов» или, как они именуются в зарубежной доктрине, «стандартов»³.

Во многом аналогично приведенному выше способу ЕСПЧ применяет положения Конвенции по правилу *stare decisis*⁴ исходя из толкования ее положений, основанного на понимании сути европейского конвенционного устройства. Учитывая, что позиции ЕСПЧ приводятся в качестве аргументов во всем большем количестве

¹ Реутов В.П. Функциональная природа системы права. Пермь. 2002. С. 5.

² Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов // СПС Консультант Плюс

³ См. Schlang P.J. Rules and Standarts // 33 UCLA L. Rev. 379 California, 1985. P. 412 – 413.

⁴ Принцип следования собственной прецедентной практике.

Постановлений Конституционного Суда РФ, представляется особо значимым установить основополагающие принципы применения права Европейским Судом.

Юрисконсульт ЕСПЧ Микеле де Сальвиа, рассуждая о порядке осуществления правосудия ЕСПЧ, отмечал, что «... не нужно смешивать абстрактность, необходимо присущую в определениях прав и основных свобод с неточностью норм, которые их определяют. В системе ЕСПЧ, которая включает в себя перечень прав, составляющих *основное ядро европейской конституционности*, норма не является самоцелью. Она необходима для того, чтобы выявить суть права, которое следует из судебной интерпретации»¹.

В соответствии со ст. 31 Венской конвенции от 23 мая 1969 о праве международных договоров «договор должен толковаться согласно общему смыслу, вложенному в положения договора, исходя из контекста договора и в свете его предмета и цели»². По поводу толкования ЕСПЧ Европейский Суд указывал, что «при толковании Конвенции необходимо учитывать ее особый характер как договора о коллективной гарантии прав человека и основных свобод»³.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод трактуется ЕСПЧ на основе пяти принципов: автономности, эволюционности, эффективности, сферы применения и пропорциональности⁴ (или «соразмерности»⁵).

Автономность означает, что права и свободы должны пониматься в соответствии с ЕСПЧ и вне связи с национальным законодательством⁶.

Принцип эволюционности основан на приведенном положении о том, что ЕСПЧ является договором о коллективной гарантии прав человека, и означает,

¹ Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека. СПб. 2004. С. 67.

² Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (Заключена в г. Вене 21.03.1986) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1.- М.: БЕК, 1996. С. 87 – 113.

³ Постановление Европейского суда по правам человека от 07.07.1989 «Серинг против Соединенного Королевства» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1.- М.: Норма, 2000. С. 637 – 658.

⁴ См. Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека ... 68-69

⁵ См. особое мнение судьи Х.Л. Розакиса в Постановлении ЕСПЧ от 10.05.2001 по делу «Z. и другие против Соединенного Королевства» (§ 2).

⁶ См. Андрущенко Е.А. Концепции автономности и субсидиарности в деятельности Европейского суда по правам человека // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 20 – 25.

что данная конвенция является инструментом обеспечения соответствия практики ЕСПЧ современным тенденциям общественного развития¹.

Эффективность предписывает при толковании Конвенции делать ее положения конкретными и эффективными², т.е. направленными на воплощение действительной реализации ее положений³. Также Конвенция должна толковаться в свете социального развития, воплощая ее прогрессивный характер⁴.

Принцип сферы применения предписывает обеспечить при необходимости ограничения прав и свобод должную степень такого ограничения⁵, соответствующую ситуации и месту ограничиваемого права или свободы в системе ценностей демократического государства⁶.

Пропорциональность (соразмерность) означает, что ограничения, накладываемые на конкретного человека, «должны быть соразмерны необходимости их наложить»⁷. Следует отметить, что эффективность и пропорциональность — основные требования, предъявляемые к наднациональному правосудию в рамках ЕС⁸.

Кроме того, при толковании ЕКПЧ Европейский Суд также учитывает свой субсидиарный характер по отношению к национальным правовым системам⁹. Субсидиарность выражается в недопустимости универсализации стандартов обеспечения прав и свобод¹⁰. Г.А. Гаджиев в связи с этим отметил: «Для того чтобы не потерять доверие, а значит, и легитимность, Европейский Суд в силу прин-

¹ Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека ... С. 70

² Де Сальвиа М. Указ. соч. С. 71

³ Как указано в Постановлении ЕСПЧ от 18.12.1996 по делу «Лоизиду против Турции» «Поскольку совершенно очевидно, что Республика Кипр не может нести ответственность за положение дел на оккупированной Турцией части острова, ответственность за это лежит на Турции. Иначе северная часть Кипра представляла бы собой правовой вакуум в плане ответственности за нарушение прав человека. Признание такого правового вакуума противоречило бы принципу эффективности защиты прав человека, лежащему в основе Конвенции» (§ 50).

⁴ Akandji-Kome J.F. Positive obligations under the European Convention on Human Rights. A guide to the implementation of the European Convention on Human Rights. Human Rights Handbooks, №7. Strasbourg, 2007. P. 5.

⁵ Как указано в Постановлении ЕСПЧ от 18.11.2011 по делу Дело «Компания «Эм-джи-эн лимитед» против Соединенного Королевства «В отсутствие автоматического приоритета статьи 8 или 10 Конвенции должен рассматриваться вопрос о том, в какой степени необходимо ограничить одно право с целью защиты основополагающей ценности, защищаемой другим, и степень ограничения должна быть пропорциональна необходимости» (§ 51).

⁶ См. Информация о постановлении ЕСПЧ от 20.10.2005 по делу «Политическая партия «Уранио Токсо» и другие заявители против Греции» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2006, № 4; Постановление Европейского суда по правам человека от 07.07.1989 «Серинг против Соединенного Королевства» (§ 88).

⁷ Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека ... С. 72

⁸ Бирюков М.М. Европейское право: до и после Лиссабонского договора: учебное пособие. М.: Статут, 2013. С. 114.

⁹ См. Schwarze J. Deficiencies in European Community Competition Law // Critical analysis of current practice and proposals for change. Stuttgart, 2008. P. 50

¹⁰ См. Андрущенко Е.А. Концепции автономности и субсидиарности ... С. 22.

ципа субсидиарности должен проявлять сдержанность в вопросах, являющихся спорными для отдельных государств. Его целью должно быть сглаживание различий в представлениях о правах человека, но не полное их устранение»¹.

Описанные положения порождают обширное поле для обсуждения роли Европейского Суда о процессе направления им эволюции национальных правовых систем. По своему смыслу ЕКПЧ была задумана, как конвенция, обеспечивающая минимальную часть основных прав и свобод, изложенных во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года. Однако ЕСПЧ, пользуясь своим универсальным полномочием на толкование положений Конвенции, зачастую придает ее положениям такой смысл, о котором не могли подозревать составители ЕКПЧ².

В отечественной и зарубежной правовой доктрине широко обсуждается правотворческий характер выносимых Европейским Судом решений, содержащих толкование Конвенции. В частности, исследователей интересуют вопросы, насколько справедливо ограничение государства юрисдикцией Европейского Суда³ и по какой причине ЕСПЧ имеет право оставить за собой итоговую позицию по делу⁴. Председатель Конституционного Суда РФ профессор В.Д. Зорькин, рассуждая о современных тенденциях издания пилотных постановлений ЕСПЧ, не без оснований отмечал, что, применяя постановления Европейского Суда не в рамках конкретного дела, а распространяя его на все аналогичные ситуации, российское государство расширяет юрисдикцию ЕСПЧ до наднациональной законодательной, не входящей ни в одну систему сдержек и противовесов, что недопустимо⁵. Автор придерживается позиции о том, что европейские стандарты правосудия, справедливости и прав человека, не всегда отвечают реалиям современного российского государства, особо акцентируя внимание, как на примере, на приостановление вынесения приговоров к смертной казни на территории России⁶.

¹ Гаджиев Г.А. Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 24.

² См. Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 5. С. 6.

³ См. напр. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. с. 452-471.

⁴ См. напр. Hale B. Argentoratum Locutum: Is Strasbourg or the Supreme Court Supreme? / Human Rights Law Review 12:1 p. 6.

⁵ Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013, с. 464-467.

⁶ См. там же. С. 465.

Представляется удачным данное Т.Н. Нешатаевой понятие «эволюционирующего прецедента», т.е. «... нормы, которая создается не в едином решении, но в нескольких, на протяжении продолжительного времени»¹. Данное правило в контексте правоприменительной деятельности ЕСПЧ приобретает особый смысл, поскольку зачастую акты ЕСПЧ по отдельным вопросам наполняются, со временем, новым содержанием, равно как и акты Конституционного Суда РФ. Так Европейским Судом была разработана целая система прецедентов, содержащая различные значения правовой определенности, которые будут рассмотрены ниже.

Также Т.Н. Нешатаева заметила, что в ходе развития эволюционирующего прецедента появились два его вида: жесткий и мягкий. Первый применяется при нарушении основополагающих (естественных) прав человека и содержит предложения по изменению национального законодательства, а второй — обеспечивает меры относительно прав частного лица: выплату ущерба или компенсации².

В.Д. Зорькин указывал, что ЕСПЧ является «живым инструментом», текст которой находится в постоянном развитии. По мнению автора «... в методологии и практике использования данных концепций и заключается, на наш взгляд, один из главных вызовов целостности конвенционной системы»³.

Таким образом, следует сделать вывод, что правовая определенность является не только свойством, но и принципом права. Как свойство права она подразумевает точность правовых предписаний, обеспечиваемую высоким качеством юридической техники. Как принцип права она требует ясности в объеме субъективных прав, обязанностей и запретов, вытекающей из закона, других форм права, и правоприменительных актов. Значения, придаваемые правовой определенности, не являются застывшими, конкретизируются и эволюционируют в практике Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека, а также других судов.

¹ Нешатаева Т.Н. Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику: монография. М., 2013. С. 51.

² См. Там же. С. 55-56.

³ Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 5. С. 6.

Глава 2. Принцип правовой определенности в практике ЕСПЧ и Конституционного Суда Российской Федерации

§ 1. Позиции Европейского Суда по правам человека о правовой определенности

В процессе глобального взаимодействия систем правосудия любого уровня, касающихся прав человека, авторитет Европейского Суда по правам человека (далее — Европейский Суд, ЕСПЧ) неоспорим. К примеру, Межамериканский суд по правам человека в своих делах ссылается на практику Европейского Суда по правам человека, признавая значимость его выводов по некоторым категориям дел¹. Судьи ЕСПЧ имеют высокий авторитет в научных кругах и являются известными профессионалами в области правосудия, что придает обоснованию принимаемых ими решений особый вес². Указанные решения зачастую вносят свой вклад в развитие юридической науки и практики. В.Д. Зорькин отмечал, что «... переплавляясь в общем котле практики Европейского Суда, этот продукт воплощается в его решениях по конкретным делам и в отношении конкретных стран и в дальнейшем оказывает влияние на все европейское пространство, получая в рамках этого пространства свое распространение»³.

По статистике на 31 декабря 2014 года ожидают рассмотрения ЕСПЧ 69 900 жалоб, более половины из которых поданы против четырех государств: Украины, Италии, России и Турции. За 2014 год Европейским Судом было вынесено в отношении России 129 решений, среди которых в 122 содержатся сведения о наличии хотя бы одного нарушения⁴, что вновь выводит российское государство в лидеры нарушителей Конвенции⁵.

¹ См.: I/A Court H. R., Case of the Supreme Court of Justice (Quintana Coello et al.) v. Ecuador. Preliminary Objection, Merits, Reparations and Costs. Judgment of August 23, 2013. Series C №. 266 // URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_266_ing.pdf (дата обращения 01.04.2014)

² См. Шугуров М.В. Вопросы этики судей в деятельности ЕСПЧ // Закон. 2013. № 11. С. 46 – 57.

³ Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия на современном этапе: новые перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 5. С. 47.

⁴ The ECHR in facts & figures 2014. // URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Facts_Figures_2014_ENG.pdf (дата обращения 11.02.2015)

⁵ Далее находятся Турция, Румыния, Греция и Венгрия. См. там же.

По мнению И.С. Метловой, сами по себе решения Европейского Суда носят правоприменительный характер, но содержащиеся в них правовые позиции имеют нормативный характер¹. Кроме того, ей отмечается, что «... наряду с общими функциями источника права, решения Европейского Суда выполняют ряд своих специфических функций: толковательную, формирования опыта применения Конвенции и Протоколов к ней, совершенствования законодательства и правоприменительной практики, совершенствования правосудия, информационную, воздействия на правосознание, взаимодействия с наукой и развития правовой доктрины»².

Отсюда активное влияние юрисдикции ЕСПЧ на российскую правовую систему приводит к большому числу заимствований формулировок из текстов Постановлений Европейского Суда, как в законодательство, так и в судебную практику, и порождает полемику относительно некоторых методов толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод³ (далее также — Конвенция, ЕКПЧ), применяемых ЕСПЧ⁴, особенно при его разногласиях с позициями национальных судов⁵. Данные обстоятельства обуславливают необходимость уяснения сути правовых позиций, содержащихся в актах Европейского Суда, для их эффективного и адекватного учета в последующем. Особый интерес представляют ситуации признания в таких Постановлениях нарушения принципов права, вытекающих из Конвенции, в частности, верховенства права и его компонента — правовой определенности.

Так необходимо учесть, что методы толкования ЕСПЧ принципов права, вытекающих из Конвенции, специфичен по причине особой природы таких норм, отличающей их от других конвенционных положений. В работах О.А. Кузнецовой обозначено, что правоприменительное значение норм-принципов может выражаться как для усиления аргументации по делу, так и в процессе юридического толкования,

¹ См. Метлова И.С. Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников российского права Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М., 2007. С. 9

² Там же. С. 10.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS № 5) (Заклучена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров. 1998. № 7. С. 20 – 35.

⁴ См. напр.: Худолей К.М. Конституционность решений ЕСПЧ и их исполнимость // Вестник Пермского университета. 2013. № 2. С. 93 – 101; Алисиевич Е.С. О значении толкования Европейским судом положений Конвенции о защите прав человека // «Право и политика», 2005, № 7 С. 18-26.

⁵ См. Гущина Н.А., Глухоедов М.С. Коллизии отдельных постановлений ЕСПЧ и актов Конституционного Суда Российской Федерации // Современное право. 2013. № 9. С. 71 – 75.

применения аналогии права, а также при непосредственной реализации норм-принципов¹. Как будет показано ниже, в практике ЕСПЧ особенно важна именно последняя составляющая, так как нормы Конвенции сами по себе носят неопределенный характер и подлежат уточнению, в том числе эволюционирующему, согласно обозначенным в Конвенции принципам права.

Впервые принцип правовой определенности был отмечен в Постановлении ЕСПЧ по делу Голдер против Соединенного Королевства от 21.02.1975, правда, только в особом мнении судьи Вердросса, и касался недопустимости расширительного толкования Конвенции². Вторым Постановлением, в котором упоминается данный принцип, является Постановление по делу Санди Таймс против Соединенного Королевства от 26.04.1979, где ссылку на данный принцип осуществили заявители³. В третьем по счету Постановлении, содержащем упоминание о принципе правовой определенности, по делу «Маркс против Бельгии» от 13.06.1979 его трактовку уже предложил ЕСПЧ в следующем виде: «С учетом этих обстоятельств принцип правовой определенности, который неотъемлемо присущ праву Конвенции и праву сообщества, позволит Бельгии не прибегать к пересмотру судебных решений или ситуаций, имевших место до принятия настоящего Судебного решения»⁴. Таким образом, впервые принцип правовой определенности был истолкован Европейским Судом как принцип, не допускающий ретроактивного действия права.

В дальнейшем ЕСПЧ многократно напоминал⁵, что принцип правовой определенности «... неотъемлемо присущ праву конвенции и праву сообщества»⁶, однако в самом тексте Европейской конвенции не закреплён. Правовая определенность «...

¹ См. напр. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М., 2006. С.94-127.

² См. Judgment on Case of Golder v. The United Kingdom of 21.02.1975 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57496> (дата обращения 07.03.2015).

³ См. Judgment on Case of Sunday Times v. The United Kingdom of 26.04.1979 § 47 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57584> (дата обращения 07.03.2015).

⁴ См. Judgment on Case of Marckx v. Belgium of 13.06.1979 § 58 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57534> (дата обращения 07.03.2015).

⁵ В теории международного права формулировка «напоминает» (reiterates) обозначает обычно-правовой характер нормы или принципа международного права. Как отмечено в курсе лекций Зименко Б.Л. «Резолюции Совета Безопасности ООН, не являющиеся самостоятельным источником международного права, могут рассматриваться в качестве доказательства существования международной обычной нормы. Употребление Советом Безопасности глагола «напоминает» может свидетельствовать о международно-обычном характере соответствующего положения, закреплённого в данном акте». См. Зименко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть: Курс лекций. М., 2010. С. 46.

⁶ См. напр.: Постановление ЕСПЧ от 13.06.1979 «Маркс против Бельгии» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М., 2000. С. 231 – 270.

является компонентом принципа верховенства права (rule of law)¹, закрепленного в статье 3 Устава Совета Европы² и преамбуле ЕКПЧ.

Н.А. Власенко справедливо отмечал, что необходимо в определенной мере обобщить стандарты определенности в правореализации по принципу от судебной практики к общей правоприменительной³. Им выделяются такие стандарты определенности правового регулирования, вытекающие из практики ЕСПЧ, как «предсказуемость», «стабильность», «точность» и «закон обратной силы не имеет». Также Н.А. Власенко указывает, что ЕСПЧ достаточно ясно и совершенно справедливо видит определенность в предсказуемости будущего решения. Право по его замечанию «... не терпит неожиданности, так как основано на простой и ясной логике человеческой жизни»⁴. Предсказуемость решений ЕСПЧ и стабильность выраженных в них правовых позиций позволяет участникам правоотношений иметь адекватные представления о характере и объеме их обязательств в соответствии с Конвенцией. Кроме того, Н.А. Власенко отмечает, что судебное решение не должно отменяться, но должно быть основанном на принципе единства судебной практики и законе, отвечающем требованиям к его качеству (точности) и недопустимости придания ему обратной силы⁵.б

На основе анализа более одной тысячи Постановлений ЕСПЧ⁶, используя приведенную выше методику выделения значений, возможно рассмотреть позиции Европейского Суда о правовой определенности. Так можно выделить ряд значений данного принципа, которые являются устойчивыми и могут быть внедрены в отечественную правоприменительную практику. При этом особое внимание уделяется Постановлениям Европейского Суда по делам против России, где упоминается исследуемый принцип. По состоянию на 10.03.2015 таких актов насчи-

¹ Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 по делу «Рябых (Ryabykh) против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) § 51 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 12.

² Устав Совета Европы (ETS № 1) (Принят в г. Лондоне 05.05.1949) // Бюллетень международных договоров. 1997. № 5. С. 12 – 21.

³ Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании... С. 119.

⁴ Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании... С. 120.

⁵ См. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании... С. 120-125.

⁶ По информации сайта базы Постановлений ЕСПЧ (<http://hudoc.echr.coe.int/>) словосочетание «правовая определенность» по состоянию на 09.03.2015 употребляется в 941 Постановлении. Однако, зачастую, Постановления ЕСПЧ, не содержащие упоминания данного принципа, содержат ссылки на прецеденты ЕСПЧ по делам, в которых вывод о нарушении Конвенции был сделан именно в связи с раскрытием смысла правовой определенности. См. об этом ниже практику по делу «Насруллоев против России».

тывается 271¹. Условно значения принципа правовой определенности в практике ЕСПЧ можно обозначить следующим образом²:

- Неопровержимость судебных решений (165 Постановлений против России).
- Строгость установленных законом сроков (28 Постановлений против России).
- Ясность правового регулирования (68 Постановлений против России).

Следует отметить, что приведенные значения принципа правовой определенности отличаются сходством, поскольку основаны на едином принципе права, но, в некоторых случаях, имеют разные, иногда противоположные функции.

1. Неопровержимость судебных решений.

Наибольшее число Постановлений ЕСПЧ против России содержит указания на нарушение принципа правовой определенности в случаях отмены вступивших в законную силу решений государственных органов. И.С. Дикарев справедливо заметил: «Как правило, в судебной практике и юридической литературе принцип правовой определенности связывается прежде всего с требованием стабильности окончательных судебных решений (именно в этом контексте в основном встречаются ссылки высших судебных органов на данный принцип)»³.

Наиболее значимыми по данной категории дел являются постановления по делам «Брумареску против Румынии» и «Рябых против России». Так в деле «Брумареску против Румынии» ЕСПЧ было замечено, что «одним из основополагающих аспектов верховенства права является принцип правовой определенности, который требует *inter alia*, чтобы при окончательном разрешении дела судами их постановления не вызывали сомнения»⁴.

¹ Сумма указанных Постановлений не сходится с общим их количеством по следующим причинам. Среди указанных Постановлений ЕСПЧ 13 содержит указание на принцип правовой определенности заявителями или властями Российской Федерации без анализа данных доводов ЕСПЧ. В одном из Постановлений («Российская консервативная партия предпринимателей против России») принцип правовой определенности употреблен в двух разных значениях. Кроме того, Постановления о процессуальных сроках содержат также ссылки на недопустимость ретроактивного действия права.

² Форма обобщения результатов эмпирического исследования показана извлечением из таблицы в приложении № 1 к диссертации, полный текст которой размещен по адресу URL: legal-certainty.ru

³ Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и стабильность окончательных судебных решений в уголовном процессе // Судья. 2014. № 10. С. 33.

⁴ Постановление ЕСПЧ от 28.10.1999 «Брумареску против Румынии» § 61 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58337> (дата обращения – 27.07.2013).

В развитие обозначенной позиции ЕСПЧ в Постановлении по делу «Рябых против России» указал, что «принцип правовой определенности предполагает соблюдение принципа *res judicata*, который является принципом окончательности судебных решений»¹. Принцип закрепляет, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления. Полномочие вышестоящего суда по пересмотру дела должно осуществляться в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу. Пересмотр не может считаться скрытой формой обжалования, в то время как лишь возможное наличие двух точек зрения по одному вопросу не может являться основанием для пересмотра².

В то же время, в Постановлении делается оговорка о том, что отступления от этого принципа оправданны, только когда являются обязательными в силу обстоятельств «существенного и непреодолимого характера»³. Постановление по делу Рябых было первым из целого ряда аналогичных постановлений против Российской Федерации, внесших значительный вклад в судебную реформу, касающуюся отмены множественности надзорных инстанций и неограниченности срока возможного обжалования судебного постановления, вступившего в законную силу⁴.

В последующем в развитие данных позиций ЕСПЧ указывал, что нарушение правовой определенности может быть оправдано только необходимостью, вызванной существенными и непреодолимыми обстоятельствами, такими как исправление фундаментальных и судебных ошибок⁵, либо появлением вновь открывшихся обстоятельств по делу⁶. Подобными замечаниями в своих решениях Европейский Суд напоминает о конкурентном характере данного принципа, который всегда должен

¹ Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 «Рябых против Российской Федерации» § 51 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 12.

² См. Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 «Рябых против Российской Федерации» ... § 51.

³ Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 «Рябых против Российской Федерации» ... § 52.

⁴ См. Козлова Н.В. Изменения гражданского процессуального законодательства в свете требований ЕСПЧ // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 20 – 23; Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 3. С. 3 – 9.

⁵ Постановление ЕСПЧ от 04.11.2010 по делу «Эйдельман и другие «пенсионеры-эмигранты» против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 1.

⁶ См. напр. Постановление ЕСПЧ от 18.11.2004 по делу «Праведная против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 5, СПС Консультант Плюс.

применяться разумно во избежание придания правосудию цели правового пуризма¹ (юридического формализма²) вместо обеспечения справедливости.

По поводу вновь открывшихся обстоятельств наиболее показательными являются постановления ЕСПЧ по делам «Праведная против России», «Ведерникова против России» и «Сутяжник против России», в которых Европейский Суд указал, что процедура отмены окончательного судебного решения предполагает наличие доказательств, которые ранее не были объективно доступными и которые могут привести к иному результату судебного разбирательства. Отмена решения ввиду вновь открывшихся обстоятельств сама по себе не нарушает правовой определенности, но способ, которым она произведена, может ее нарушить. Поэтому лицо, требующее отмены судебного решения, должно доказать, что у него не было возможности представить доказательство до окончания судебного разбирательства и что такое доказательство имеет решающее значение в деле. Если будет установлено, что ранее у лица имелась возможность представить доказательства, то Европейским Судом это квалифицируется как «завуалированное обжалование», которое недопустимо³.

В решениях о нарушении разумных сроков на судопроизводство используются такие формулировки: «Европейский Суд напоминает свою устойчивую прецедентную практику, согласно которой отмена в порядке надзора окончательного и имеющего обязательную силу решения может делать право заявителя на суд иллюзорным и нарушить принцип правовой определенности»⁴. Однако требование неопровержимости судебных решений касается не только надзорного производства и трактуется шире. Так в деле «Безруковы против России» ЕСПЧ констатировал факт нарушения правовой определенности по причине продления срока на подачу кассационной жалобы. Европейский Суд уточнил, что российское законодательство в ча-

¹ Постановление ЕСПЧ «Безруковы против Российской Федерации» от 10.05.2012 § 36 // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2013, № 11

² Приравнивание понятия «правового пуризма» к «юридическому формализму» было осуществлено, например, в Постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 18.07.2012 по делу № А20-3347/2011 // СПС Гарант.

³ См. напр. Постановление ЕСПЧ от 18.11.2004 «Праведная против Российской Федерации» от 18.11.2004 § 32 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2005. № 5. С. 47, 76 – 83.

⁴ См. напр.: Постановление ЕСПЧ от 01.04.2010 «Царева против Российской Федерации» § 22 // Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2010. № 3.

сти продления сроков на обжалование соответствует ЕКПЧ¹. По мнению ЕСПЧ, «... в то время как продление срока подачи кассационной жалобы остается в основном в пределах усмотрения национальных судов, они должны проверить, оправдывали ли причины для такого продления вмешательство в принцип *res judicata*, особенно когда усмотрение судов в соответствии с внутренним законодательством не ограничено ни в длительности, ни в основаниях для восстановления сроков»².

В рамках значения «неопровержимости судебных решений» следует также обратить внимание на правило о недопустимости бездействия государства при отсутствии согласованной компетенции государственных органов.

Так отсутствие юрисдикции у государственного органа на вынесение решения по делу не является основанием для отмены данного акта, если такой отменой будет нарушена правовая определенность, на которую рассчитывают лица, участвующие в деле. Несмотря на то, что подобные ситуации рассматриваются ЕСПЧ не часто, постановления по такого рода делам имеют большое значение для понимания позиции Европейского Суда относительно соотношения ценностей соблюдения формальных требований закона и принципа правовой определенности.

Так в Постановлении от 04.10.2011 «Зафранас против Греции» ЕСПЧ указал, что «... согласен с властями Греции в том, что компетентный суд, несомненно, может разрешить по существу вопрос. Тем не менее, это не должно означать, что законные административные акты, принятые компетентными органами, лишены правовых последствий в связи с простой ссылкой на неясность или отсутствие предполагаемой согласованности между различными органами государственной власти. Такой подход противоречит принципу правовой определенности, на которую неизбежно рассчитывают лица, участвующие в разбирательстве. ... Более того, отмена решения государственного органа по причине отсутствия у него компетенции на вынесение решения также может быть признана незаконной, *если в государстве нет*

¹ Постановление ЕСПЧ от 10.05.2012 «Безруковы против Российской Федерации» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2013, № 11.

² Там же.

четкой согласованности в отношении юрисдикции определенного органа по конкретным категориям дел»¹ (курсив мой — А.С.).

Подобная ситуация имела место в известном деле «Сутяжник против России», где заявитель оспаривал законность норм арбитражного процессуального кодекса, допускающих двусмысленность по вопросу юрисдикции арбитражных судов в отношении некоммерческих организаций. ЕСПЧ указал, что «... правила, касающиеся юрисдикции, в принципе должны соблюдаться. Однако при конкретных обстоятельствах настоящего дела Европейский Суд не усматривает какую-либо настоятельную общественную необходимость, которая бы оправдала отступление от принципа правовой определенности. Решение (арбитражного суда) было отменено, прежде всего, в интересах правового пуризма, а не с целью устранения ошибки, имеющей существенное значение для судебной системы»².

Вместе с тем, по делу «Сутяжник против России» следует рассмотреть совпадающее особое мнение судей Ковлера и Штейна, указавших, что «отсутствие подведомственности ведет не к оспоримости, а к недействительности решений арбитражных судов, а также на то, что при рассмотрении дела Большой Палатой само понятие «существенной ошибки» могло бы быть раскрыто более детально. Подобное разъяснение могло бы быть значимым, так как принцип правовой определенности зачастую вступает в конкуренцию с принципами законности и справедливости судебного разбирательства. ЕСПЧ пояснял, что при определенных обстоятельствах правовая определенность может быть нарушена для исправления «существенного нарушения» или «судебной ошибки». Однако эти понятия на сегодняшний день не имеют точного определения. Европейский Суд должен решить в каждом деле, насколько оправданным был отход от принципа правовой определенности»³.

Таким образом, в каждом конкретном случае при рассмотрении вопроса об отмене судебного решения по формальным основаниям необходимо учитывать значимость принципа правовой определенности и не допускать нарушения баланса

¹ Постановление ЕСПЧ от 04.10.2011 «Зафранас против Греции» // Избранные постановления Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2012. № 3. С. 107 – 116.

² Постановление ЕСПЧ от 23.07.2009 «Сутяжник против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2010. № 3.

³ Постановление ЕСПЧ от 23.07.2009 «Сутяжник против Российской Федерации» ...

защищаемых законом интересов. Постановление по делу «Сутяжник против России» демонстрирует не столько необходимость вслепую следовать требованиям правовой определенности, сколько направляет правоприменителя на индивидуальную критическую оценку норм права и фактических обстоятельств каждого дела в целях поиска наиболее подходящего баланса защищаемых правом интересов. Имевшая место допустимость двусмысленного толкования норм о подведомственности (т.е. правовой дефект) привела ЕСПЧ к заключению о недопустимости отхода от правовой определенности, а не возведение последней в Абсолют вопреки законности. Допустимо предположить, что при наличии изначально надлежащего правового регулирования нарушение правил о подведомственности могло стать как раз тем «существенным нарушением», которое допускает отход от правовой определенности, но, опять же, в зависимости от срока и последствий такого отхода.

Следовательно, неопровержимость судебных решений не является абсолютной ценностью, но диктуется разумной потребностью в определении соотношения стабильности и гибкости процессуального регулирования в рамках каждого дела индивидуально. Так в Постановлении по делу «Никитин против России» ЕСПЧ противопоставил справедливость и определенность, указав, что требования правовой определенности не являются абсолютными. По уголовным делам они должны приниматься во внимание в совокупности, например, с пунктом 2 Статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции, который прямо позволяет государствам возобновлять производство по делу ввиду открытия новых обстоятельств или в случае, когда обнаружены существенные недостатки, допущенные в ходе предыдущего судебного разбирательства, которые могли повлиять на исход судебного разбирательства. Также ЕСПЧ в данном Постановлении обозначил применимость рекомендации Комитета Министров Совета Европы № R (2000) 2 от 19 января 2000 года¹, призывавшую государства-члены Совета Европы к обеспечению того, чтобы

¹ См. Рекомендация № R (2000) 2 по пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями ЕСПЧ // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 61 – 64

национальные правовые системы предусматривали процедуру, в ходе которой дело могло быть пересмотрено или возобновлено¹.

Еще одним важным аспектом значения неопровержимости судебных решений является обязанность их исполнения в разумный срок. Европейским Судом неоднократно устанавливалось, что российские власти обосновывают неисполнение судебного акта его отменой в порядке, признаваемом ЕСПЧ противоречащим требованиям правовой определенности².

Следует отметить, что длительное неисполнение обязательств государства в разумный срок является предметом двух пилотных Постановлений ЕСПЧ против России: «Бурдов (№2) против России»³ и «Герасимова против России»⁴. Однако, в Постановлениях по данным делам ЕСПЧ не упоминал принцип правовой определенности. Тем не менее, в Постановлениях по делам «Вельская против России», «Попов против России», «Сухобоков против России» и ряде других ЕСПЧ, помимо стандартных формулировок о защите принципа *res judicata* также указывал, что «...отмена судебного решения, несовместимая с принципом правовой определенности и правом заявителя на суд, не может быть признана основанием, оправдывающим неисполнение судебного решения»⁵.

Таким образом, ЕСПЧ указал на следствие нарушения правовой определенности — неисполнение судебного решения, вступившего в законную силу. Отсюда, можно заключить, что неопровержимость судебных решений имеет функцию защиты интересов участников спора от произвола.

2. Строгость установленных законом сроков.

¹ См. Постановление ЕСПЧ от 20.07.2004 по делу «Никитин против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99) // СПС Консультант Плюс.

² См. напр. Постановления Европейского Суда по делу «Сухобоков против Российской Федерации» от 13.04.2006, § 26 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2007. № 3. С. 51, 59 – 65, и по делу «Вельская против Российской Федерации» от 05.10.2006, § 19 – 21 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2008. № 3. С. 85 – 88.

³ Постановление ЕСПЧ от 15.01.2009 «Бурдов против Российской Федерации (№ 2)» // Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2009. № 4. С. 79 – 106.

⁴ Judgment on case «Gerasimov and others v. Russia» of 01.10.2014 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-145212> (дата обращения 03.01.2015).

⁵ См. Постановление ЕСПЧ от 21.06.2007 «Кудрина против Российской Федерации» § 30 // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», М. 2008, № 9.

Согласно ст. 35 ЕКПЧ «Суд может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, как это предусмотрено общепризнанными нормами международного права, и в течение шести месяцев с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу».

Во многих Постановлениях ЕСПЧ интерпретирует данный шестимесячный срок как императивное правило, благодаря которому обеспечивается правовая определенность. Например, в Постановлении по делу «Джабраилов и другие против России» ЕСПЧ напоминает, что цель правила шестимесячного срока заключается в содействии правовой определенности, в обеспечении того, чтобы дела рассматривались в разумный срок, а также в защите сторон от неопределенности в течение длительного периода времени. Правило также закрепляет возможность установления фактов по делу, прежде чем о них забудут»¹. В дополнение к этому следует также привести в пример Постановление по делу «Хлюстов против России», где данные доводы были дополнены позицией о том, что Европейский Суд «не может не применять правило шестимесячного срока только на том основании, что государство-ответчик не выступило с предварительным возражением, основанным на этом правиле, поскольку рассматриваемый критерий, отражая желание Договаривающихся Сторон предотвратить обжалование по прошествии неопределенного срока событий, имевших место в прошлом, служит не только интересам государства-ответчика, но и принципу правовой определенности как самостоятельной ценности»².

В Постановлении по делу «Шишков против России» ЕСПЧ отмечает, что «... хотя сроки по существу являются законными ограничениями права на доступ в суд, поскольку их применение преследует законные цели, а именно обеспечить правовую определенность и завершенность судопроизводства, а также защитить потенциальных ответчиков от заявленных несвоевременно притязаний, порядок, в котором они применяются в конкретном деле, может привести к нарушению пункта 1 статьи 6 ... В этом отношении внутригосударственным судам при при-

¹ Постановление ЕСПЧ от 27.02.2014 по делу «Джабраилов и другие против Российской Федерации» §260 // «Прецеденты Европейского Суда по правам человека», 2014, № 10(10)

² Постановление ЕСПЧ от 11.07.2013 по делу «Хлюстов против Российской Федерации» §57 // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2014, № 4.

менении процессуальных норм надлежит избегать как чрезмерного формализма, так и чрезмерной гибкости, которые могут привести к отмене процессуальных требований, установленных законом»¹.

Также в Постановлении по делу «ОАО Нефтяная компания ЮКОС против России» ЕСПЧ напоминал, что «... ранее определял срок давности как предусмотренное законом право нарушителя не подвергаться преследованию или суду по истечении определенного срока после совершения правонарушения. Сроки давности, которые характерны для национальных правовых систем государств-участников, отвечают нескольким целям, в числе которых обеспечение правовой определенности и окончательности, предупреждение нарушений прав обвиняемых, которые могли бы быть умалены, если бы судам приходилось рассматривать их дела на основе доказательств, которые могли быть неполными из-за прошествия времени»².

В Постановлении ЕСПЧ по делу «Итслаев против России» указано, что «... правила о формальных действиях, которые нужно осуществить, а также временных рамок на их совершения для подачи апелляции, имеют своей целью обеспечение надлежащего управления правосудием и соответствие, в частности, принципу правовой определенности. Лица, участвующие в деле, должны быть готовы к применению данных правил»³.

Таким образом, в приведенных случаях принцип правовой определенности подразумевает справедливость и обоснованность установления императивных сроков осуществления процессуальных действий. Сам ЕСПЧ неукоснительно следует данному принципу и считает его «самостоятельной ценностью», которую необходимо защищать. Отсюда, функцией правовой определенности, в рассматриваемом случае, является обеспечение эффективности применения права, воплощаемой наличием доказательственной базы, исследуемой судом всесторонне и в срок, а также ясности о правах и обязанностях сторон правоотношений. С данным значением тесно

¹ Постановление ЕСПЧ от 20.02.2014 по делу «Шишков против Российской Федерации» § 110 // «Прецеденты Европейского Суда по правам человека», 2014, № 2 (02)

² Постановление ЕСПЧ от 20.09.2011 по делу «ОАО «Нефтяная компания Юкос» против Российской Федерации» § 570 // «Российская хроника Европейского Суда», 2012, № 3.

³ ECtHR judgment on Case «Itslayev v. Russia» of 09.10.2008 § 35 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-88790> (дата обращения 19.01.2014).

связан принцип недопустимости обратной силы закона (значение «закон обратной силы не имеет» в интерпретации Н.А. Власенко).

Так в Постановлении по делу «Наговицын против России» указано: «Кроме того, власти Российской Федерации утверждали, что Федеральный закон от 22 августа 2004 г. отменил те положения Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», которые явились основой для принятия судебных решений в пользу заявителя. В то же время власти Российской Федерации не пояснили, почему второе судебное решение оставалось неисполненным более двух лет до того, как Федеральный закон от 22 августа 2004 г. вступил в силу. Более того, из Федерального закона от 22 августа 2004 г. не следует, что все судебные решения, которые были приняты ранее на основании действовавшего законодательства, должны быть признаны недействительными. Если бы у Федерального закона от 22 августа 2004 г. была такая цель, возникли бы противоречие с принципом правовой определенности, гарантированным пунктом 1 статьи 6 Конвенции, и несоразмерное вмешательство в право на имущество тех лиц, в пользу которых были приняты судебные решения по искам к государству, что нарушило бы положения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции».

Как видно из представленного Постановления ЕСПЧ, принцип правовой определенности устанавливает требование в данном конкретном случае о недопустимости придания закону обратной силы с целью неисполнения судебного решения. Следовательно, значение неопровержимости судебных решений тесно связано со значением строгости установленных законом сроков, поскольку последнее значение не допускает нарушение первого. Принцип правовой определенности при этом имеет функцию защиты граждан от произвола, т.е. недопустимость отказа государства от принятых на себя обязательств вопреки законным ожиданиям граждан.

Также Европейский суд в Постановлении по делу «Булгакова против России», рассматривая вопрос о законности пересмотра судебного решения вследствие появ-

ления Постановления Президиума ВАС РФ, имеющего обратную силу¹, указывал, что, несмотря на возможность принятия по гражданским вопросам отдельных «ретроспективных положений», если стороной процесса является государство, то исключается любое вмешательство законодателя при отправлении правосудия, за исключением случаев, когда такое вмешательство продиктовано «непреодолимыми основаниями общего интереса»².

Данное Постановление ЕСПЧ по сути вновь наводит правоприменителей на правило о необходимости качественного отправления правосудия исходя из учета интересов всех сторон. Интересы граждан по делам против государства должны учитываться, но они не имеют абсолютного характера в случаях противоречия иным общественно-значимым ценностям. Следовательно, действие права, осуществляемое путем правосудия, должно быть разумным и основанном на балансе интересов общества и государства, а также сторон спора.

3. Ясность правового регулирования.

Правовая определенность подразумевает недопустимость осуществления мер государственного принуждения при отсутствии соответствующей уполномочивающей государственные органы нормы. Так, согласно устоявшейся практике ЕСПЧ, когда речь идет о лишении свободы, особенно важно, чтобы был соблюден общий принцип правовой определенности³. В постановлении по делу «Шапошников против России» Европейский Суд отметил, что «судебное решение, в соответствии с которым заявитель содержался под стражей, не соответствовало требованиям правовой определенности, предсказуемости и защиты от судебного произвола, которые в совокупности являются важнейшими элементами законности содержания под стражей

¹ 29 декабря 1999 г. Министерство труда и социального развития Российской Федерации утвердило Разъяснение «О применении ограничений, установленных Федеральным законом «О порядке исчисления и увеличения государственных пенсий», где пояснялся порядок применения пенсионного законодательства. Указанное разъяснение было признано законным решением Президиума ВАС РФ, что послужило поводом для пересмотра дела заявительницы (Булгаковой) по вновь открывшимся обстоятельствам и перемены порядка расчета ее пенсии.

² См. указанное выше Постановление Европейского суда по правам человека от 18.01.2007 по делу «Булгакова против России» §35, а также содержащее аналогичную позицию Постановление Европейского суда по правам человека от 28.10.1999 по делу «Зелински и Прадаль и Гонсалес и другие против Франции» § 57 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. Постановление ЕСПЧ от 10.01.2012 по делу «Арутюнян против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 9.

по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции»¹. Следует заметить, что проблема справедливости судебного разбирательства по уголовным делам является предметом необычайно богатой прецедентной практики ЕСПЧ. Как отмечал Пол Махоуни, «на ее основе практически возможно составить кодекс уголовного судопроизводства»².

ЕСПЧ принимал постановления против России, указывая на недопустимость совершения противоправных действий, способных подорвать доверие граждан к государственным органам и нарушить требование правовой определенности. Например, в деле «Искандеров против России» заявитель был захвачен представителями российского государства и перевезен в Таджикистан для осуществления тайной выдачи, несмотря на то, что в Москве ему было предоставлено политическое убежище. ЕСПЧ указал, что подобные непрозрачные методы нарушают правовую определенность³. Отсюда, одной из функций правовой определенности является поддержание доверия граждан к государству, а именно, действенное воплощение «законных ожиданий» граждан.

Кроме того, Европейский Суд устанавливал несоблюдение российскими властями принципа правовой определенности путем нарушения сроков заключения под стражу или лишения свободы. В деле «Шапошников против России» ЕСПЧ указал на отсутствие согласованности у различных компетентных государственных органов относительно срока заключения под стражу заявителя жалобы, что противоречит требованиям правовой определенности, предсказуемости и защиты от судебного произвола⁴. В деле «Барановский против Польши» ЕСПЧ заключил, что «... в вопросах лишения свободы в целях обеспечения правовой определенности необходимо соблюдение требования «качества закона». Применительно к пункту 1 статьи 5 Европейской конвенции это означает, что «нормы национального законодательства, которые санкционируют лишение свободы,

¹ Постановление ЕСПЧ от 29.07.2010 «Шапошников против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2011. № 7.

² Mahoney P. Right to a Fair Trial in Criminal Matters under Article 6 E.C.H.R. // Judicial Studies Institute Journal Volume 4 No. 2 Dublin. 2004 P.107.

³ См.: Постановление ЕСПЧ от 23.09.2010 «Искандеров против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2011. № 6.

⁴ См.: Постановление ЕСПЧ от 29.07.2010 «Шапошников против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2011. № 7.

должны быть в достаточной степени доступны, четко определены и предсказуемы в своем применении во избежание любой вероятности произвола»¹.

23 мая 2013 года было принято Постановление ЕСПЧ по делу К. против Российской Федерации, которое было инициировано по жалобе, поданной 9 ноября 2011 года, т.е. после утвердившейся практики в отношении России по схожим делам, рассматриваемым в рамках выделенного нами значения. Предметом жалобы являлся неопределенный срок содержания обвиняемого под стражей и отсутствие согласованности между государственными органами по вопросу необходимости применения того или иного закона. Постановления с аналогичными формулировками принимались Европейским Судом против России в 2005², 2007³ годах, а также против Литвы⁴ и Польши⁵ в 2000 году.

11 октября 2007 года Европейским Судом было принято решение по жалобе, поданной 6 декабря 2005 года гражданином Таджикистана Хабибулло Насруллоевым (Постановление ЕСПЧ по делу «Насруллоев против Российской Федерации»). По смыслу указанного Постановления Европейский Суд констатировал, что в России не определен порядок задержания под стражей лица, ожидающего выдачи государству-участнику Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам⁶. Статьей 61 данной Конвенции по требованию о выдаче, по ходатайству, а также при отсутствии какого-либо ходатайства, лицо может быть взято под стражу.

Данное Постановление имеет серьезное значение для раскрытия смысла принципа правовой определенности в рамках статьи 5 ЕКПЧ, поскольку выделенные в

¹ European Court of Human Rights Judgment «Case of Poitr Baranowski v. Poland» of 02.01.2008 Application no. 39742/05 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-82496> (дата обращения – 09.10.2013).

² Постановление ЕСПЧ от 08.11.2005 по делу «Худоеров против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 7. С. 57 – 99.

³ Постановление ЕСПЧ от 11.10.2007 по делу «Насруллоев против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2008. № 3. С. 101 – 115.

⁴ Judgment on Case of Jecius v. Lithuania of 31 July 2000 Application no. 34578/97 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58781> (дата обращения 24.03.2014).

⁵ Judgment on Case of Baranowski v. Poland of 28 March 2000 Application no. 28358/95 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58525> (дата обращения 24.03.2014).

⁶ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 2. С. 3 – 28.

нем прецедентные позиции Европейского Суда многократно были применены по многим последующим делам.

В рамках дела Насруллоева ЕСПЧ констатировал, что Россия нарушила подпункт f статьи 5 Европейской конвенции¹, требующий обеспечения «законности» при задержании лица под стражу. В частности, ЕСПЧ отметил, что при проверке соответствия положениям статьи 5 Конвенции действий государства должно также рассматриваться соблюдение государством цели данной статьи, а именно, защиты лица от произвола (см. §70²). Подобный вопрос решается Европейским Судом путем соотнесения внутригосударственного права с общими принципами права, провозглашенными в Конвенции, «включая общие принципы, выраженные в ней или подразумеваемые»³, в частности, с принципом верховенства права (см. §71).

Так в очередной раз ЕСПЧ отразил позицию, согласно которой «если речь идет об ограничении свободы, особенно важно, чтобы соблюдался общий принцип правовой определенности ...» закрепляя, что «... любое ограничение свободы должно осуществляться в соответствии с «предусмотренной законом процедурой» По замечанию Европейского Суда, пункт 1 статьи 5 Конвенции не просто отсылает к внутригосударственному праву. Как и содержащиеся в пунктах 2 статей 8 — 11 Конвенции выражения «в соответствии с законом» и «предусмотрено законом», она [статья 5] также подразумевает и «качество закона»⁴, требуя, чтобы он отвечал принципу верховенства права — концепции, содержащейся во всех положениях Конвенции. «Качество закона» в этом смысле подразумевает, что, если внутригосударственное право разрешает лишение свободы, оно должно быть достаточно доступным, точно сформулированным и позволяющим предвидеть последствия его применения, чтобы избежать любого риска произвола.

¹ Законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче

² Здесь и далее приводятся параграфы Постановления ЕСПЧ по делу «Насруллоев против России».

³ Данный оборот ввело Постановление ЕСПЧ от 12.02.2009 Дело «Нолан и К. против Российской Федерации» (§98) // «Российская хроника Европейского Суда», 2010, № 1

⁴ См. также Постановление ЕСПЧ от 18.04.2013 по делу «Агеевы против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2014. № 1. С. 8, 118 – 154; Постановление ЕСПЧ от 14.03.2013 по делу «Касымахунов и Сайбаталов против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2014. № 2. С. 11, 60 – 83.

На основании постановления по делу Насруллоева ЕСПЧ сформировал прецедентную практику, используемую в других делах. В частности, данное постановление упоминается в шестидесяти решениях ЕСПЧ, из которых против России принято тридцать четыре¹. Европейский Суд констатировал нарушения предсказуемости действия права в следующих формах.

4.1. Непоследовательность применения права²

По тексту Постановления по делу Насруллоева (далее по тексту ссылки на параграфы этого постановления) ЕСПЧ неоднократно констатирует отсутствие согласованности у государственных органов России по поводу правил применения отечественного законодательства. Особо примечательным в данном ракурсе является § 75 Постановления, где ЕСПЧ прямо указывает на нелогичность действий властей, сначала отказывавшихся применять национальные нормы о максимальном сроке содержания под стражей, а затем воспользовавшихся ими, чтобы продлить срок на 14 дней к проведенному уже заявителем под стражей трехлетнему сроку вместо положенных 18 месяцев.

Также ЕСПЧ привел в тексте Постановления позицию Конституционного Суда РФ, который в своем Определении от 4 апреля 2006 г. № 101-О указал, что в соответствии с ч. 1. ст. 8 Минской конвенции при исполнении поручения об оказании правовой помощи запрашиваемое учреждение применяет законодательство своей страны³. Следовательно, данное правило распространяется и на правила выдачи. Отсюда, к рассматриваемым правоотношениям применяется правило о максимальном сроке содержания под стражей, предусмотренном ст. 109 УПК РФ. Однако ЕСПЧ в

¹ Статистика приведена по состоянию на 19.05.2014 и получена с официального сайта ЕСПЧ <http://hudoc.echr.coe.int/> путем выборки всех постановлений, где упоминается фамилия заявителя в том или ином значении.

² Постановление ЕСПЧ от 24.04.2008 по делу «Исмоилов и другие против Российской Федерации»; «Российская хроника Европейского Суда», 2009, № 2; Постановление ЕСПЧ от 12.06.2008 по делу «Щебет против Российской Федерации» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2009, № 5; Постановление ЕСПЧ от 19.06.2008 по делу «Рябкин против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2009. № 1. С. 106 – 123 и др.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 № 101-О «По жалобе гражданина Республики Таджикистан Насруллоева Хабибулло на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 10.07.2006, № 28, ст. 3118. См. также Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 № 158-О «Об отказе в удовлетворении ходатайства Генерального прокурора Российской Федерации об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2006 года № 101-О» // Документ опубликован не был.

§76 Постановления, приводя вопрос о взаимоисключающих позициях Московского городского (кассационного) суда по поводу применимости положений ст. 109 УПК РФ в данном деле, не учел, что данный суд, применяя при вынесении второго решения по делу ст. 109 УПК РФ, принял во внимание Определение Конституционного Суда № 101-О. Отсюда, действия данного суда всё же являются логичными, т.к. были произведены с учетом новых обстоятельств по делу. Тем не менее, отсутствие согласованности в действиях государства очевидно¹.

ЕСПЧ в Постановлении по делу «Каримов против России» заключил, что наличие указанного Определения Конституционного Суда РФ № 101-О не обеспечивает наличия правовой определенности в вопросе содержания под стражей лиц, ожидающих выдачи². Следовательно, Европейским Судом было, фактически, сделано предложение о внесении изменений в национальное законодательство.

4.2. Отсутствие возможности у задержанного инициировать разбирательство относительно законности содержания его под стражей³

▪ Отсутствие специальной нормы о праве заключенного на обжалование⁴

В §88 Постановления Европейский Суд отмечает, что ст. 108 УПК РФ регулирует первоначальное помещение под стражу, статья 109 Кодекса устанавливает определенные сроки, в рамках которых прокурор должен ходатайствовать перед судом о продлении срока содержания лица под стражей.

Рассматривая ходатайство о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, суд должен решить, было ли продление законным и обоснованным, и если нет, то освободить лицо из-под стражи. Предполагается, что заключенный имеет право участвовать в этой процедуре, заявлять доводы перед судом и ходатайствовать об освобождении из-под стражи.

Однако в текстах статей 108 и 109 УПК РФ ничто не заставляет предположить, что эти процедуры могут осуществиться по инициативе заключенного, поскольку

¹ Аналогичные выводы были сделаны в Постановлении по делу Исмоилов и другие против Российской Федерации.

² Постановление ЕСПЧ от 29.07.2010 по делу «Каримов против Российской Федерации» // «Российская хроника Европейского Суда», 2011, № 4. § 115.

³ См. напр. Постановление ЕСПЧ от 04.11.2010 по делу «Муминов против Российской Федерации» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2011, № 12; Постановление ЕСПЧ от 12.05.2010 по делу «Ходжаев против Российской Федерации» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2011, № 3

⁴ См. напр. Щебет против Российской Федерации ...

для этого обязательно необходимо наличие ходатайства прокурора о продлении срока содержания под стражей.

- **Отсутствие нормы, закрепляющей статус задержанного лица, подлежащего выдаче, как участника уголовного процесса¹.**

В § 89 Постановления ЕСПЧ указал, что УПК РФ в принципе закреплял судебное рассмотрение жалоб на предполагаемые нарушения прав и свобод, к которым предположительно относилось и конституционное право на свободу личности. Однако эти положения наделяли правом подачи таких жалоб только «подозреваемых» или «обвиняемых» (статья 199) или, в более общем плане, «участников уголовного процесса» (статья 125)².

В соответствии с УПК РФ заявитель не являлся ни «подозреваемым», ни «обвиняемым», поскольку в Российской Федерации в отношении него не расследовалось уголовное дело. Кроме того, власти Российской Федерации регулярно отказывались признать статус заявителя как участника уголовного процесса на том основании, что в РФ в отношении него не расследовалось уголовное дело (см. § 26, 28, 31 и 33). Этот подход явно негативно сказывался на возможности заявителя добиться судебного рассмотрения вопроса о законности содержания его под стражей.

В этой связи следует отметить, что согласно статье 220-1 УПК РСФСР 1960 года, лицо, содержащееся под стражей, могло обратиться с ходатайством о пересмотре постановления о его содержании под стражей³. Представляется, что наличие подобной нормы в УПК РФ сняло бы все вопросы, касающиеся п. 2 выявленных нарушений.

Как видно из последующей практики ЕСПЧ, данный суд квалифицирует нарушения по указанным основаниям только в том случае, если попытки обжаловать содержание под стражей оказались тщетными⁴. В ситуациях, когда заявителям удавалось подать жалобу и обеспечить ее рассмотрение, нарушение статьи 5 Конвенции

¹ См. напр. Постановление ЕСПЧ от 17.12.2009 по делу «Джураев против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2010. № 5. С. 3, 54 – 62.

² Постановление ЕСПЧ от 20.05.2010 по делу «Хайдаров против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2011. № 3. С. 10, 76 – 95.

³ «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // «Свод законов РСФСР», т. 8, С. 613.

⁴ Постановление ЕСПЧ от 20.05.2010 по делу «Хайдаров против Российской Федерации»

не констатировалось¹. Отсюда, правомерность действий государства по подобной категории дел возможна и при условии изменения правоприменительной практики, не касаясь текста закона, учитывая, что Европейский Суд данные понятия рассматривает в единстве.

4.3. Отсутствие обеспечения безотлагательности рассмотрения судом вопроса о законности задержания под стражу²

Данное нарушение установлено в соответствии с ч. 4 ст. 5 Конвенции, в соответствии с которой каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

В § 86 Постановления по делу Насруллоева ЕСПЧ пояснил, что во время содержания под стражей лицу должно быть предоставлено средство правовой защиты, позволяющее добиться безотлагательного судебного рассмотрения вопроса о законности содержания под стражей, способное при необходимости привести к освобождению лица из-под стражи. Наличие средства правовой защиты, требуемого пунктом 4 Статьи 5 Конвенции, должно быть достаточно определенным не только в теории, но и на практике, поскольку в отсутствие этого качества средство правовой защиты не будет отвечать требованиям доступности и эффективности, предъявляемым в целях указанной статьи.

4.4. Необходимость обеспечения периодичности пересмотра постановления о заключении под стражу³

С данным положением связана оговорка ЕСПЧ, сделанная в § 73 Постановления о том, что стороны расходятся в вопросе, было ли судебное постановление достаточным для содержания заявителя под стражей на протяжении любого срока — не важно, насколько длительного — или этот вопрос должен был пересматриваться

¹ Постановление ЕСПЧ от 08.01.2009 по делу «Худякова против Российской Федерации» // «Российская хроника Европейского Суда», 2009, № 4

² См. Постановление ЕСПЧ от 26.02.2009 по делу «Эминбейли против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2010. № 1. С. 81 – 95.

³ См. Постановление ЕСПЧ от 08.07.2010 по делу «Абдулажон Исаков против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2011. № 3. С. 10, 95 – 113; Постановление ЕСПЧ от 21.10.2010 Дело Гафоров против России // СПС «Консультант Плюс»

через определенные промежутки времени¹. Заявитель настаивал, что все положения главы 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в частности, статья 109, которая устанавливала определенные сроки пересмотра вопроса о содержании под стражей, должны были применяться в деле заявителя. Власти Российской Федерации отрицали, что законодательство Российской Федерации устанавливало бы какие-либо сроки содержания лица под стражей с целью выдачи.

На основании изложенного параграфа ЕСПЧ неоднократно делал вывод, что правила о периодическом пересмотре постановления о заключении под стражу лица в целях экстрадиции должно пересматриваться по правилам статей 108 и 109 УПК РФ. В дальнейшем ЕСПЧ неоднократно констатировал, что российские суды не верно используют ст. 108 УПК РФ вместо ст. 109 УПК РФ при продлении срока содержания под стражей, т.к. ст. 108 УПК РФ касается первоначального заключения под стражу, а не последующего². Следует отметить, что в рамках дела «Колесник против Российской Федерации» заявительница подала подобную жалобу на содержание под стражей и она была удовлетворена. Однако ее освобождения не последовало, т.к. суд последующей инстанции отменил решение об освобождении по причине отсутствия у заявительницы статуса участника уголовного процесса³. В этом случае ЕСПЧ констатировал нарушение права на обжалование заключения под стражу.

На основании приведенного анализа взаимосвязанных Постановлений ЕСПЧ, основанных на правовых позициях, отраженных в решении по делу «Насруллоев против России» можно сделать вывод, что требование правовой определенности направлено на защиту от произвола со стороны государства, а также на ясность для лица его правового статуса, прав и обязанностей. Основываясь на данной посылке можно сделать вывод, что для ясности правового регулирования, вытекающей из принципа правовой определенности согласно практике ЕСПЧ, имеет большое зна-

¹ См. Постановление ЕСПЧ от 29.10.2010 «Кононцев против Российской Федерации» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2011, № 3.

² Постановление ЕСПЧ от 12.05.2010 «Ходжаев против Российской Федерации» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2011, № 3; Постановление ЕСПЧ от 20.05.2010 «Хайдаров против Российской Федерации» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2011, № 3

³ См. §88 Постановления ЕСПЧ от 17.06.2010 «Колесник против Российской Федерации» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2011, № 7

чение недопустимость совершения государством действий, которые могут ввести лицо в заблуждение относительно последствий его участия в правоотношении (нарушение требования воплощения «законных ожиданий»).

В Постановлении по делу «Гиорги Николаишвили против Грузии» от 13.01.2009 Европейский Суд установил, что органы уголовного преследования, имея мотив привлечения к ответственности заявителя, пригласили его для дачи показаний под иным предлогом. Так судя по документам, имевшимся в материалах дела, до того, как заявитель добровольно явился в качестве свидетеля по не связанному с ним делу об убийстве, власти не указывали, что существует возможность возбуждения уголовного дела против него самого, несмотря на то, что доказательства по обвинению, касающемуся наличия у заявителя огнестрельного оружия, были получены за несколько месяцев до этого. Заявитель был введен в заблуждение относительно того, что подлинная причина интереса к нему со стороны правоохранительных органов заключается в желании оказать давление на другое лицо, а именно, его брата. ЕСПЧ сделал вывод о том, что «... скрытые методы уголовного преследования могут подорвать правовую определенность, внушить чувство незащищенности лицам, привлекаемым в качестве свидетелей, и поставить под сомнение уважение и доверие общества к органам преследования»¹.

Следовательно, Европейский Суд сделал вывод о том, что лица, привлекаемые к участию в деле в качестве свидетелей, должны быть уверены в своем статусе в целях обеспечения правовой определенности. Любое преднамеренное введение в заблуждение лица относительно последствий его участия в том или ином правоотношении может служить поводом для признания нарушения принципа правовой определенности.

Исходя из изложенного, можно заключить, что требование ясности правового регулирования, в равной степени, как и неопровержимости судебных решений, строгости установленных законом сроков, в том числе недопустимости обратной силы закона, вытекает из принципа правовой определенности. Данный

¹ См. ECHR Judgment on Case «Giorgi Nikolashvili v. Georgia» of 13.01.2009 § 56 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-90590> (дата обращения 01.04.2013)

принцип наделяется указанными значениями Европейским Судом с целью подчеркнуть важность воплощения законных ожиданий, вытекающих из норм права, судебного решения или действий государственных органов.

Отсюда, наиболее важной функцией правовой определенности является защита граждан от произвола со стороны государства. Вместе с тем, благодаря правовой определенности также воплощаются в жизнь функции обеспечения ясности прав и обязанностей в рамках действующего правового регулирования, поддержания доверия граждан к государству и обеспечения эффективности применения права.

По причине того, что подавляющее большинство Постановлений ЕСПЧ содержат констатацию нарушения принципа правовой определенности в значении неопровержимости судебных решений, на практике действие данного принципа связывается с недопустимостью пересмотра в порядке надзора вступивших в законную силу судебных решений. Однако, в соответствии с выделенными значениями и функциями принципа правовой определенности в целом его можно представить обобщенно, как, во-первых, ясность правовых норм, во-вторых, ясность прав и обязанностей, и, в-третьих, уверенность в окончательности результата правоприменительной деятельности. Основываясь на изложенном, следует рассмотреть трактовку принципа правовой определенности Конституционным Судом РФ.

§ 2. Позиции Конституционного Суда Российской Федерации о правовой определенности

В своих решениях Конституционный Суд РФ зачастую обобщает практику ЕСПЧ, касающуюся принципа правовой определенности и придаваемых ему значений. Вместе с тем, при осуществлении правосудия Конституционный Суд РФ интерпретирует нормы Конституции РФ, применяя их в рамках поступивших жалоб или запросов на рассмотрение соответствия норм закона нормам Конституции. Следовательно, конституционное правосудие по своей природе шире предусмотренного Европейской конвенцией, поскольку последнее касается только вопросов о нарушении прав человека и основных свобод.

Таким образом, активное внедрение принципа правовой определенности в российское конституционное правосудие является значительным элементом эволюционного реформирования отечественного законодательства и практики его применения.

Конституционным судом РФ принцип правовой определенности в период с 19.06.2002 по 31.12.2014 употреблялся в 405 решениях (постановлениях и определениях). Ранее данный суд не использовал понятие «правовая определенность», однако дела, связанные с принципом правовой определенности в современной его интерпретации, рассматривались им путем использования иных обозначений, например, более узкого — «формальная определенность»¹ или «правовая формальная определенность»². Среди этих решений в 2002 году было вынесено 1 Постановление и 0 Определений; в 2003 — 1 Постановление и 0 Определений; в 2004 — 6 Постановлений и 0 Определений; в 2005 — 6 Постановлений и 6 Определений; в 2006 — 1 Постановление и 10 Определений; в 2007 — 2 Постановления и 19 Определений; в 2008 — 3 Постановления и 7 Определений; в 2009 — 3 Постановления и 12 Определений; в 2010 — 7 Постановлений и 17 Определений;

¹ См. напр. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.2001 № 3-П // «Собрание законодательства РФ», 05.03.2001, № 10, ст. 996; Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2000 № 5-П // «Собрание законодательства РФ», 03.04.2000, № 14, ст. 1533.

² См. Заключение Конституционного Суда РФ от 23.03.1993 № 3-1 // «Собрание законодательства РФ», 01.04.1993, № 13, ст. 466.

в 2011 — 4 Постановления и 23 Определения; в 2012 — 7 Постановлений и 34 Определения; в 2013 — 11 Постановлений и 38 Определений; в 2014 — 6 Постановлений и 181 Определение¹. Приведенная статистика демонстрирует активное внедрение Конституционным Судом РФ своих правовых позиций о принципе правовой определенности в российскую правоприменительную практику. И не только Постановлениями, но и Определениями.

В процессе рассмотрения указанных решений была выявлена тенденция использования принципа правовой определенности Конституционным Судом РФ в определенных значениях. В частности, данные значения можно обозначить следующим образом:

1. Ясность правового регулирования (63 решения).
2. Стабильность правового регулирования (40 решений).
3. Неопровержимость судебных решений (100 решений).
4. Строгость установленных законом сроков (202 решения).

Следует отметить, что все приведенные значения имеют общее системное единство, т.к. основаны на едином принципе права. Разделение является условным и было произведено на основе стилистического единства используемой Конституционным Судом РФ интерпретационной техники применительно к схожим по своей сути категориям дел. Чтобы более предметно рассмотреть приведенную классификацию и описать значения принципа правовой определенности в российском федеральном конституционном правосудии, следует детально описать каждое из приведенных выше значений.

1. Ясность правового регулирования

Указанное значение является наиболее содержательным, поскольку было применено к наибольшему кругу правоотношений в процессе конституционного правосудия. Первым актом Конституционного Суда РФ, описывающим правовую определенность в значении ясности правового регулирования, является По-

¹ Данные получены путем сопоставления информации, содержащейся на официальном сайте Конституционного суда РФ (<http://www.ksrf.ru/>), а также баз решений Конституционного суда СПС Консультант Плюс и СПС «Гарант». Постановления, которые содержали указание на принцип правовой определенности исключительно в особых мнениях судей или только со стороны Заявителей, и никак не раскрывались Конституционным Судом РФ в тексте самого решения, во внимание не принимались.

становление от 18.07.2003 № 13-П, где предметом рассмотрения явился вопрос о допустимости определения соответствия Конституций Республик в составе России Конституции РФ. Как было отмечено в данном Постановлении, факт принятия Конституции Республики всенародным референдумом еще не означает отсутствие подведомственности Конституционного Суда при рассмотрении вопроса указанного соответствия, хотя бы потому, что в соответствии с Конституцией РФ субъект РФ может изменить свой статус, что автоматически сменит и юридическую природу основополагающего нормативного акта этого субъекта. Обратная ситуация не соответствовала бы принципу правовой определенности, «поскольку уровень охраны конституций (уставов) субъектов Российской Федерации, который непосредственно влияет и на их конституционный статус, может изменяться субъектом РФ в одностороннем порядке в нарушение требований статьи 66 (часть 5) Конституции Российской Федерации»¹. Следовательно, в данном случае Конституционный Суд обеспечил правовую определенность, как ясность и недопустимость произвольного толкования законных положений о равенстве субъектов.

В Постановлении от 06.04.2004 № 7-П установлено, что «неопределенность содержания правовой нормы не может обеспечить ее единообразное понимание, создает возможность злоупотребления исполнительной властью своими полномочиями, порождает противоречивую правоприменительную практику, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к произволу и, следовательно, к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона; самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы, влекущее ее произвольное толкование правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции РФ ... Поскольку положения пункта 2 статьи 87 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и находящееся с ними в нормативном единстве Постановление Правительства Российской Федерации «О деятельности негосударственных организа-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 № 13-П // «Собрание законодательства РФ», 28.07.2003, № 30, ст. 3101

ций по лоцманской проводке судов» в системе действующего нормативного регулирования создают правовую неопределенность, влекущую их произвольное толкование правоприменителем, они противоречат статьям 19, 34 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации»¹. В рамках данного дела Конституционный Суд признал системное единство законов и подзаконных актов и свою подведомственность в вопросах рассмотрения таких взаимосвязанных нормативных актов.

Понятием ясности правового регулирования охватывается как ясность правовых норм (формальная определенность²), так и их непротиворечивость, включенность в действующую целостную систему правового регулирования. По мнению Конституционного Суда, «правовая определенность как элемент нормативного содержания принципа правового государства означает, что из сферы правового регулирования необходимо устранять двойственные, амбивалентные нормы с неопределенным юридическим смыслом»³. Ограничение в конституционно значимых целях прав и свобод человека и гражданина, определяющих смысл, содержание и применение законов, «должно быть для поддержания правовой определенности нормативного регулирования выражено в федеральном законе ясно, четко и недвусмысленно»⁴.

Также Конституционный Суд указывал, применительно к правовой определенности в сфере налоговых отношений, что законодательное регулирование в этой области «должно отвечать требованиям предсказуемости ... которое должно обеспечивать разумное согласование конституционных ценностей, в частности касающихся реализации фискального интереса и связанных с ним иных публично значимых интересов государства, с одной стороны, и создания максимально благоприятных условий для развития экономической системы в целом на

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 № 7-П // «Собрание законодательства РФ», 12.04.2004, № 15, ст. 1519; Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2005 № 6-П // «Собрание законодательства РФ», 06.06.2005, № 23, ст. 2311; Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П // «Собрание законодательства РФ», 28.05.2007, № 22, ст. 2686

² См. напр. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2012 № 22-П // «Собрание законодательства РФ», 29.10.2012, № 44, ст. 6071.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 174-О-О // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 4, 2012

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.03.2012 № 9-П // «Собрание законодательства РФ», 09.04.2012, № 15, ст. 1811

основе стабильности гражданского оборота и поддержания достаточно высокого уровня взаимного доверия между всеми его участниками — с другой»¹.

Также примером рассматриваемого значения будет приведенное в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20.12.2011 № 29-П, где указано, что «закрепляя в пункте 2 статьи 790 ГК Российской Федерации положение, согласно которому плата за перевозку грузов, пассажиров и багажа транспортом общего пользования определяется на основании тарифов, утверждаемых в порядке, установленном транспортными уставами и кодексами, федеральный законодатель не раскрыл само понятие «льготный тариф» и не установил пределы его конкретных значений на уровне федерального закона, который мог бы внести необходимую правовую определенность в отношении исполнения авиакомпанией-перевозчиком обязанности, возложенной на нее подпунктом 3 пункта 2 статьи 106 Воздушного кодекса Российской Федерации. ... Прямо не предусматривая возможность включения авиаперевозчиком в пассажирский тариф понесенных им расходов на перевозку детей в возрасте от двух до двенадцати лет по льготному тарифу с предоставлением им отдельных мест, подзаконные (ведомственные) нормативные акты, регламентирующие вопросы тарифной политики в области перевозок пассажиров воздушным транспортом, порождают, таким образом, неопределенность относительно того, вправе ли авиаперевозчик компенсировать свои расходы на льготную перевозку детей, включив их в пассажирский тариф и, соответственно, в провозную плату за перевозку пассажира, допуская тем самым, что он должен нести эти расходы за свой счет»².

Следовательно, отсутствие определенности, ясности в порядке применения правовой нормы, создает возможность произвольного ее толкования. Функцией правовой определенности в значении ясности правового регулирования в конституционном правосудии является защита от произвола.

Также следует подробно рассмотреть Постановление от 17.06.2004 № 12-П, которым Конституционный Суд признал не соответствующим Конституции РФ,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 17-П // «Собрание законодательства РФ», 15.07.2013, № 28, ст. 3882

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2011 № 29-П // «Собрание законодательства РФ», 09.01.2012, № 2, ст. 397

положение абзаца двадцать второго статьи 283 Бюджетного кодекса РФ, поскольку в системе действующего правового регулирования «оно не отвечает требованиям определенности нормативного содержания»¹. В частности, в данном акте было отмечено, что «общеправовые требования непротиворечивости, ясности, определенности правового регулирования предполагают ... необходимость установления как критериев отнесения субъектов РФ к недотационным, дотационным (высокодотационным), так и требований, предъявляемых к сторонам и условиям заключения договоров об обслуживании счетов бюджетов субъектов РФ в кредитных организациях. ... требования о правовой определенности норм в таких случаях относятся не только к содержанию, но и к надлежащей форме правового акта ...»². Похожая ситуация описана в Постановлении от 14.07.2005 № 8-П, где установлено, что правило Федерального закона «О федеральном бюджете на 2003 год», обязывающее Министерство финансов РФ к принятию исполнительных листов по искам к РФ для исполнения, не противоречат Конституции РФ постольку, поскольку направлены на установление механизма исполнения судебных решений данной категории в части определения федерального органа государственной власти, ответственного за их исполнение. Вместе с тем включение данных положений в специальные законы, каковыми являются федеральные законы о федеральном бюджете на очередной год, приводит к тому, что механизм исполнения соответствующих судебных решений не опирается на стабильную правовую основу, чем нарушается принцип верховенства права, включающий в качестве обязательного элемента правовую определенность»³.

Кроме того, Конституционным Судом было отмечено, что из конституционного принципа равенства ... вытекает требование определенности, ясности и недвусмысленности законодательного регулирования, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания⁴ и

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 № 12-П // «Собрание законодательства РФ», 05.07.2004, № 27, ст. 2803

² Там же.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 8-П // «Собрание законодательства РФ», 25.07.2005, № 30 (ч. II), ст. 3199

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П // «Собрание законодательства РФ», 03.06.2013, № 22, ст. 2861

толкования правовой нормы всеми правоприменителями¹. Неопределенность содержания законодательного регулирования, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит — к нарушению принципов равенства и верховенства закона².

Конституционным Судом в Определении от 08.11.2005 № 438-О была также рассмотрена ситуация отсутствия в законе (Налоговом кодексе РФ) определенных положений о взаимодействии государственных (налоговых) органов. В частности, Конституционный Суд указал: «поскольку Налоговый кодекс Российской Федерации не разграничивает компетенцию указанных налоговых органов, их полномочия должны осуществляться с надлежащей степенью взаимодействия, с тем, чтобы исключить возможность проведения параллельных контрольных процедур и, как следствие, — возложения на крупнейших налогоплательщиков дополнительных обременений, связанных с выполнением требований сразу нескольких налоговых органов. Иное противоречило бы принципам равенства и правовой определенности»³. Следовательно, принцип правовой определенности предполагает, что государственные органы должны самостоятельно обеспечивать ясность правового регулирования.

Кроме того, как указал Конституционный Суд в Определении от 04.12.2007 № 966-О-П, «неопределенность в понимании нормы может быть преодолена — в целях обеспечения единого, непротиворечивого правового регулирования — путем систематического толкования с учетом иерархической структуры правовых норм, предполагающей, что толкование норм более низкого уровня должно осуществляться в соответствии с нормами более высокого уровня. При невозможности же использования аналогии закона ... возможна аналогия права и требования добросовестности, разумности и справедливости ... В качестве подобного общего начала может рассматриваться требование правовой определенности как один из основополагающих аспектов требования верховен-

¹ См. также Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2012 № 29-П // «Собрание законодательства РФ», 17.12.2012, № 51, ст. 7323.

² Там же.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 438-О // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 2, 2006

ства права, вытекающего из принципа правового государства ... В данном случае требование правовой определенности предполагает необходимость обеспечения стабильности сложившихся правоотношений, возникающих на основе официально признанного государством изобретения и при добросовестности патентообладателя»¹.

Приведенная в указанном Определении позиция основана на принятом 10.04.2003 Постановлении № 5-П, где анализировались нормы закона «Об акционерных обществах». Несмотря на то, что данное постановление по своей сути похоже на представленное ниже Определение от 24.12.2013 № 2152-О в значении стабильности правового регулирования, оно основано на анализе системности законодательства², и именно данное свойство представлено в качестве обеспечивающего правовую определенность, а не обязанность законодателя вносить изменения постепенно, не нарушая стабильности правового регулирования³.

Также ясность правового регулирования обеспечивается надлежащей правовой основой правоотношений. Так в Постановлении Конституционного Суда РФ от 29.10.2010 № 19-П указано, что из закрепляющего данное полномочие абзаца третьего пункта 2 статьи 6 Закона Алтайского края «Об Алтайском краевом Законодательном Собрании» не следует, что вопрос о числе депутатов, осуществляющих свою деятельность на постоянной профессиональной основе, может быть поставлен в зависимость от закона о краевом бюджете на очередной год, поскольку иное — по смыслу правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2005 года № 8-П, — означало бы, что механизм реализации депутатами соответствующего права не опирается на стабильную правовую основу, без которой невоз-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 966-О-П // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 2, 2008.

² Как указано в Определении Конституционного суда РФ от 28.05.2013 № 710-О «оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона и используемых в нем формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний (Постановление от 27 мая 2003 года № 9-П), а регулятивные нормы, устанавливающие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же нормативном правовом акте, что и нормы, устанавливающие юридическую ответственность за их нарушение (определения от 21 апреля 2005 года № 122-О и от 2 ноября 2006 года № 537-О)».

³ О стабильности правового регулирования, как значении принципа правовой определенности, см. п. 3 настоящего параграфа «Справедливость правового регулирования».

можно верховенство права, включающее в качестве обязательного элемента правовую определенность»¹.

Помимо приведенных примеров, также выражением ясности правового регулирования, как значения правовой определенности, можно назвать обязательное опубликование нормативных правовых актов². Позиция Конституционного Суда корреспондирует мнению ЕСПЧ по данному вопросу³.

Следует отметить указание Конституционного Суда на то, что изменение практики применения (толкования) права также может порождать неопределенность в рассматриваемом контексте. Так в Постановлении от 23.12.2013 № 29-П указано, что «необходимая степень определенности правового регулирования может быть достигнута путем выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний в их действии по кругу лиц, во времени и в пространстве с помощью даваемых Верховным Судом Российской Федерации разъяснений по вопросам судебной практики, целью которых является устранение неопределенности нормы, обеспечение ее однозначного истолкования и единообразного применения ... при этом, однако, необходимо соблюдение принципа поддержания доверия граждан к закону, предполагающего сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также в случае необходимости — предоставление гражданам возможности, в частности посредством временного регулирования, в течение разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям. ... Вследствие этого в отношении участников, возникших до 29 мая 2012 года наследственных правоотношений, которые соотносили свои действия с законом в его прежнем официальном толковании и полагали, что они могут предвидеть последствия этих действий и быть уверенными в неизменности приобретенных ими прав, гарантированных статьей 35 (части 2 и 4) Конституции Российской Федерации, оказывается нарушен-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.10.2010 № 19-П // «Собрание законодательства РФ», 15.11.2010, № 46, ст. 6027

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 8-П // «Собрание законодательства РФ», 09.04.2012, № 15, ст. 1810.

³ См. Постановление ЕСПЧ от 12.02.2009 по делу «Нолан и К. (Nolan and K.) против Российской Федерации» (жалоба № 2512/04) // «Российская хроника Европейского Суда», 2010, № 1. См. также Определение Конституционного Суда РФ от 03.04.2012 № 476-О // СПС Консультант Плюс

ным принцип правовой определенности. Тем самым подрывается доверие граждан к закону и действиям государства»¹. Следовательно, единообразие практики означает не только ясность правового регулирования, но и его стабильность. Отсюда, приведенная цитата Конституционного Суда РФ демонстрирует связь таких значений правовой определенности, как ясность правового регулирования и стабильность правового регулирования, обеспечивающих защиту от произвола.

В качестве отдельного блока примеров применения принципа правовой определенности в значении ясности правовых норм следует выделить позиции Конституционного суда РФ о произвольном применении мер уголовного принуждения в виду неопределенности правового регулирования. Данное выделение обусловлено тем, что Конституционный Суд РФ в подобных случаях заимствует позиции ЕСПЧ о том, что при лишении свободы, или иных случаях нарушения статьи 5 ЕКПЧ, *особо значимо*, чтобы соблюдался принцип правовой определенности и защиты от произвола².

Конституционный суд РФ указывал, что «принцип *формальной определенности закона*, предполагающий точность и ясность законодательных предписаний, будучи, *неотъемлемым элементом верховенства права*, выступает и в законотворческой деятельности, и в правоприменительной практике необходимой гарантией обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания»³, а также что «использование для защиты прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения применяется заключение под стражу, судебных механизмов, основанных на конституционных принципах равенства всех перед законом и судом, справедливости, состязательности и равноправия сторон, обеспечивает режим правовой определенности»⁴.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П // «Собрание законодательства РФ», 06.01.2014, № 1, ст. 79

² См. напр. Постановление ЕСПЧ от 23.09.2010 по делу «Искандаров (Iskandarov) против Российской Федерации»// Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2011. № 6.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П // «Собрание законодательства РФ», 19.07.2010, № 29, ст. 3983.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П // «Собрание законодательства РФ», 04.04.2005, № 14, ст. 1271. Как указывал судья Гаджиев в особом мнении по данному делу, «убедить суды общей юрисдикции

Как видно из Постановлений от 27.05.2008 № 8-П и от 27.11.2008 № 11-П принцип правовой определенности отождествляется Конституционным Судом с принципом формальной определенности. Однако в обоих актах в качестве ссылки приводится Постановление ЕСПЧ по делу Санди Таймс и указывается, что «нарушение принципа формальной определенности норм ... допускает неограниченное усмотрение в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу»¹. По смыслу приведенных Постановлений формальная определенность подразумевает необходимость определенности и формы и содержания правовой нормы, что отождествлено самим Конституционным Судом с правовой определенностью по смыслу Постановлений ЕСПЧ². Следовательно, в рамках отечественного конституционного правосудия указанные термины могут рассматриваться в качестве тождественных.

Также необходимо отметить, что при назначении санкций по мнению Конституционного Суда необходимо не допускать их использования для несоразмерного и произвольного ограничения прав и свобод в целях обеспечения правовой определенности, как компонента конституционного равенства³. Данное положение обращено не только к правоприменителю, но и к законодателю, назначающему предельные границы санкций.

Особым по своему характеру в рассматриваемом значении принципа правовой определенности является Определение от 07.02.2012 № 275-О-О, в котором отражена позиция Конституционного Суда, согласно которой «предполагается обязательность проведения выборов главы муниципального образования населением во всех случаях, когда решение об указанном изменении порядка избрания главы муниципального образования вступает в силу не ранее даты, начиная с которой представительный орган муниципального образования был бы вправе принять решение о назначении очередных или досрочных выборов главы

в том, что они не только вправе, но и обязаны применять конституционные принципы соразмерности (пропорциональности) и правовой определенности при разрешении каждого конкретного дела».

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П // «Собрание законодательства РФ», 16.06.2008, № 24, ст. 2892; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.11.2008 № 11-П // «Собрание законодательства РФ», 22.12.2008, № 51, ст. 6205.

² См. напр. Постановление ЕСПЧ от 23.09.2010 по делу «Искандаров (Iskandarov) против Российской Федерации ...

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 № 11-П // «Собрание законодательства РФ», 13.07.2009, № 28, ст. 3581.

муниципального образования». Данное правило обеспечивает реализацию принципов правовой определенности и «поддержания взаимного доверия между гражданами и органами местного самоуправления»¹. Подобная трактовка Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» во взаимосвязи с принципом правовой определенности позволяет предположить, что с одной стороны она означает стабильность правового регулирования, но с другой, наиболее важной — защиту жителей муниципального образования от произвольного изменения сроков полномочий выборного должностного лица благодаря ясности правового регулирования.

Следует также обратить внимание на позицию Конституционного Суда относительно обязанности органов законодательной власти для действительности принимаемых решений строго соблюдать внутренние регламенты. Так в Постановлении от 14.02.2013 № 4-П указано, что «для оценки федерального закона на предмет соответствия Конституции Российской Федерации по порядку принятия принципиальное значение имеет нарушение тех процедурных правил, которые оказывают определяющее влияние на принятие решения, т.е. основаны непосредственно на предписаниях ее статей 104-108 либо закрепляют такие существенные условия порядка принятия федеральных законов, без соблюдения которых невозможно с достоверностью установить, отражает ли принятое решение действительную волю законодателя, а следовательно — и представляемого им многонационального народа России»². По смыслу данная позиция соотносится с выраженной в Постановлении ЕСПЧ от 9 января 2013 года по делу «Александр Волков против Украины», где указано, что соблюдение требования парламентской процедуры при принятии решений, затрагивающих права и свободы, осуществляется при условии соответствия решения принципу правовой определенности³. Таким образом, нарушением требования защиты от произвола будет решение парламента, которое принято без должной уверенности в репрезентативности парламентом

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 07.02.2012 № 275-О-О // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 5, 2012.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П // «Собрание законодательства РФ», 25.02.2013, № 8, ст. 868.

³ См. Там же.

позиции народа¹. Как видно из приведенного примера, благодаря действенному воплощению такой функции правовой определенности, как защита от произвола, обеспечивается также функция поддержания доверия граждан к государству.

2. Стабильность правового регулирования.

Первым решением Конституционного суда РФ по данной категории дел было Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2002 № 11-П, где указано, что порядок индексирования размера возмещения вреда ... должен быть основан на эффективном индексировании в соответствии с меняющимися показателями прожиточного минимума, а также принципа правовой определенности и стабильности правовых отношений, исходя из которых государство должно стремиться обеспечить достойную жизнь этих граждан². Таким образом, было установлено, что принцип правовой определенности имеет также социальную направленность и выражает необходимость устойчивости социального развития. В Постановлении от 29.01.2004 № 2-П Конституционный Суд не противопоставил принципы справедливости, равенства и правовой определенности, а указал, что последний означает предсказуемость законодательной политики в сфере правового регулирования и, следовательно, является элементом обеспечения первых³. Необходимо, чтобы участники соответствующих правоотношений «могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в том, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано, т.е. *в неизменности своего официально признанного статуса*, приобретенных прав, действенности их государственной защиты»⁴. Также «отмена либо приостановление федеральным законодателем предоставления выплат либо льгот компенсаторного характера допустимы только при уста-

¹ См. также Определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2013 № 322-О // «Собрание законодательства РФ», 01.04.2013, № 13, ст. 1636.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2002 № 11-П // «Собрание законодательства РФ», 08.07.2002, № 27, ст. 2779.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.01.2004 № 2-П // «Собрание законодательства РФ», 09.02.2004, № 6, ст. 450.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2005 № 11-П // «Собрание законодательства РФ», 28.11.2005, № 48, ст. 5123.

новлении надлежащего механизма соответствующего возмещения, формы и способы которого могут меняться, но объем не должен уменьшаться»¹.

Также в Постановлении от 03.06.2004 № 11-П правовая определенность связывается с поддержанием доверия граждан к закону и действиям государства, что предполагает недопустимость произвольного изменения норм, содержащих социальные гарантии, или, при необходимости внесения изменений, обязанность обеспечить возможность *в течение некоторого переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям*². Под указанный переходный период, в частности, попадает рассмотренная Конституционным Судом ситуация разграничения понятий «сход граждан» и «собрание граждан», произведенная Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ³, где федеральный законодатель предусмотрел наличие переходного периода — со дня официального опубликования данного Федерального закона до 1 января 2009 года⁴. Отсюда, как указал Конституционный Суд, стабильность правового регулирования и правовая определенность нарушены не были. В качестве примера нарушения данного правила можно привести рассмотренную Конституционным Судом в Постановлении 17.06.2013 № 13-П ситуацию, когда законодатель, изменив порядок взносов на дополнительное социальное обеспечение членов летных экипажей воздушных судов гражданской авиации, распространил их на правоотношения, имевшие место до принятия соответствующего федерального закона. Подобное ретроспективное действие закона поставило добросовестных плательщиков этих взносов в ситуацию, когда они из-за отсутствия срока на адаптацию к новому правовому регулированию оказались должниками Пенсионного фонда РФ.

В Постановлении от 23.12.2004 № 19-П к указанным позициям добавлено, что правовая определенность и предсказуемость законодательной политики в сфере пенсионного обеспечения предполагает «взаимную согласованность законодательного регулирования собственно пенсионных отношений и иных сопря-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 01.12.2005 № 521-О // СПС Консультант Плюс

² Там же; Постановление Конституционного Суда РФ от 03.06.2004 № 11-П // «Собрание законодательства РФ», 14.06.2004, № 24, ст. 2476.

³ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 06.10.2003, № 40, ст. 3822

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 № 454-О-О // «Вестник Центризбиркома РФ», № 9, 2010

женных с ними отношений — налоговых, жилищных, трудовых и др.»¹. На согласованность полномочий органов публичной власти, как на элемент ясности правового регулирования, Конституционный Суд указывал в Постановлении от 24.12.2013 № 30-П, где обратная ситуация, отсутствие согласованности по вопросам осуществления деятельности, предусмотренной законом (обязанности предоставлять жилые помещения лиц, больных заразными формами туберкулеза), признавалась «нормативной неопределенностью»².

В Постановлении от 20.04.2010 № 9-П Конституционный Суд ввел важный признак «длительности правовых ожиданий», рассмотрев ситуацию, когда «приобретение стажа работы в качестве судьи и формирование тем самым права на получение ежемесячного пожизненного содержания в полном размере, а также других материальных и социальных гарантий происходит в течение длительного времени»³. Отсюда «при исключении из стажа работы в качестве судьи периодов той или иной профессиональной деятельности по юридической профессии, предшествовавших назначению на судейскую должность, федеральный законодатель — исходя из необходимости соблюдения принципа правовой определенности и предсказуемости законодательной политики в указанной сфере — должен был обеспечить возможность исчисления такого стажа на основе правового регулирования, действовавшего в период его приобретения»⁴. Таким образом, данным Постановлением установлен указанный важный признак правовой определенности.

В Постановлении от 14.05.2013 № 9-П Конституционный Суд отметил, что льготы, установление которых является правом законодателя, напрямую не вытекает из Конституции РФ и относится к сфере его дискреционных полномочий, не может быть произвольно отменена по причинам, описанным выше: недопу-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2004 № 19-П // СПС Гарант

² Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 30-П // «Собрание законодательства РФ», 06.01.2014, № 1, ст. 80.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2010 № 9-П // «Собрание законодательства РФ», 03.05.2010, № 18, ст. 2277.

⁴ Там же.

стимости произвольного изменения правовых норм, т.к. это подрывает уровень доверия граждан к закону и правовую определенность¹.

Следует отметить, что все приведенные позиции Конституционного Суда в той или иной мере относились к социальным обязательствам государства. В то же время в значении стабильности правового регулирования толкование принципа правовой определенности дано Конституционным Судом в Определении от 24.12.2013 № 2152-О, где указано, что «закрепление права изобретателя на сохранение вознаграждения, полученного от лицензиата, воспользовавшегося достигнутым изобретателем результатом интеллектуальной деятельности, обусловленное требованием правовой определенности, которая предполагает необходимость обеспечения стабильности сложившихся правоотношений, возникающих на основе официально признанного государством изобретения и при добросовестности патентообладателя»². Отсюда можно заключить, что признак стабильности правового регулирования является универсальным и не распространяется лишь на социальные гарантии и поддержание доверия граждан к праву. Вместе с тем, следует отметить, что в рассматриваемом значении правовая определенность имеет функцию поддержания доверия граждан к государству и закону, достигаемого, в основном, ограничением дискреционности полномочий законодателя и правоприменителей.

3. Неопровержимость судебных решений

Значительное число дел, касающихся принципа правовой определенности, рассмотренных Конституционным судом РФ, имеют предметом возможность отмены вступивших в законную силу решений судов инстанцией более высокого уровня, уполномоченной осуществлять судебный контроль над качеством правосудия.

Так 24.07.2003 было принято Постановление ЕСПЧ по делу Рябых против России, которое во многом и определило развитие российской судебной системы. Первым актом Конституционного суда, касающимся недопустимости отмены вступившего в законную силу решения суда, стало Определение от

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2013 № 9-П // «Собрание законодательства РФ», 27.05.2013, № 21, ст. 2692

² Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 2152-О // СПС Консультант Плюс

12.04.2005 № 113-О¹, в котором в п. 3.3. Конституционный суд процитировал положения Постановления ЕСПЧ по делу Рябых о том, что «ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления ...»².

Кроме того, необходимо учитывать, что принцип правовой определенности, в случае решения вопроса о неопровержимости судебных решений, неминуемо вступает в конкуренцию с принципом справедливости судебного разбирательства. Суду необходимо в каждом конкретном случае решить, было ли допущенное нарушение существенным³. В связи с этим, вслед за приведенным Определением, через месяц Конституционный Суд принял Постановление от 11.05.2005 № 5-П, в котором разъяснил порядок пересмотра дел в виду новых и вновь открывшихся обстоятельств. В частности, в указанном Постановлении приведена следующая позиция: «требования правовой определенности и стабильности не являются абсолютными и не препятствуют возобновлению производства по делу в связи с появлением новых или вновь открывшихся обстоятельств или при обнаружении существенных нарушений, которые были допущены на предыдущих стадиях процесса и привели к неправильному разрешению дела. ... возможность рассмотрения требования о пересмотре оправдательного приговора только в течение одного года с момента вступления его в силу согласуется с требованиями Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Постановление от 20 июля 2004 года по делу «Никитин против России», параграфы 39, 55 и 56)»⁴. Также Конституционный суд добавил, что «из Конституции РФ вытекает необходимость законодательного закрепления точных и четких оснований, условий и порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных решений; иное

¹ См. Определение Конституционного Суда РФ от 12.04.2005 № 113-О // «Собрание законодательства РФ», 30.05.2005, № 22, ст. 2195

² См. Там же.

³ См. Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 по делу «Рябых (Ryabykh) против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) § 51 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 12; Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П // «Собрание законодательства РФ», 12.02.2007, № 7, ст. 932; Определение Конституционного Суда РФ от 15.11.2007 № 788-О-О // СПС Консультант Плюс

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П // «Собрание законодательства РФ», 30.05.2005, № 22, ст. 2194.

приводило бы к нестабильности правовых отношений, произвольности изменения установленного судебными решениями правового статуса их участников»¹. В последнем на 2005 год, третьем Определении от 20.10.2005 № 459-О, судом была вновь подтверждена эта позиция². В Постановлении от 19.03.2010 № 7-П Конституционный Суд заметил, что отмена постановления в виду данных обстоятельств еще не предрешает исхода дела»³.

Вместе с тем, Конституционный Суд затронул проблему использования его решений в качестве новых обстоятельств в Определении от 12.05.2006 № 135-О, указав, что в случаях, когда принимается решение Конституционного Суда, имеющее значение для дела определенного лица, не являвшегося заявителем жалобы к Конституционный Суд по данному поводу, то в отношении него должны соблюдаться стандартные сроки на обжалование судебных постановлений⁴. Следовательно, Конституционный Суд РФ устранил универсальный характер своих решений, ограничив его конкретными сроками.

В Постановлении от 20.02.2006 № 1-П Конституционный Суд указал, что «действие принципа правовой определенности предполагает стабильность судебных актов, что, в свою очередь, обуславливает перенос основного бремени пересмотра решений судов на ординарные судебные инстанции — апелляционную и кассационную с соблюдением в качестве основополагающих принципов окончательности и стабильности решений...; отступления от указанных принципов возможны только по обстоятельствам существенного и неопровержимого характера в целях исправления судебной ошибки»⁵. В то же время, лишь возможность наличия двух точек зрения по одному и тому же вопросу не может являться основанием для пересмотра⁶.

¹ Там же.

² См. Определение Конституционного Суда РФ от 20.10.2005 № 459-О // СПС Консультант Плюс

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2010 № 7-П // СПС Консультант Плюс

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2006 № 135-О // СПС Консультант Плюс; Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2014 № 134-О // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 17.02.2014

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.2006 № 1-П // «Собрание законодательства РФ», 06.03.2006, № 10, ст. 1145

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2007 № 423-О-П // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 6, 2007

Также из практики Конституционного Суда следует необходимость соблюдения баланса процессуальной эффективности, экономии и прозрачности, недопустимости затягивания процесса (справедливости) и признание законной силы судебных решений, их неопровержимости (правовой определенности)¹. Судам необходимо устанавливать соразмерность выявляемого нарушения норм материального или процессуального права последствиям нарушения правовой определенности². Увеличение числа надзорных инстанций сверх одной недопустимо³, как и неограниченность или существенная протяженность обжалования по времени⁴. Кроме того, «из положений Конституции РФ не вытекает безусловное право обжалования судебных постановлений в Президиум Верховного Суда Российской Федерации»⁵.

Также следует отметить, что Конституционный Суд признал недопустимым рассмотрение при обжаловании доводов относительно досудебного производства по уголовному делу. Порядок обжалования должен касаться незаконности вынесенного приговора и всех обстоятельств, которые привели к его незаконности⁶.

Кроме того, Конституционный Суд, раскрывая критерий «существенности» и «фундаментальности» нарушения указал, что «в качестве существенных нарушений норм материального или процессуального права ... могут выступать лишь такие ошибки в толковании и применении закона, повлиявшие на исход дела, без исправления которых невозможны эффективное восстановление и защита нарушенных прав и свобод, а также защита охраняемых законом публичных интересов»⁷. Фундаментальные нарушения «неоспоримо свидетельствуют о

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 289-О-П // СПС Консультант Плюс; Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2010 № 7-П ...

² Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2012 № 865-О // СПС Консультант Плюс; Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1419-О // СПС Консультант Плюс

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П ...; Определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2007 № 836-О-О // СПС Консультант Плюс

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2007 № 536-О-О // СПС Консультант Плюс

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2009 № 1512-О-О // СПС Консультант Плюс

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 19.04.2007 № 317-О-О // СПС Консультант Плюс

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П; Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 590-О-О // СПС Консультант Плюс

судебной ошибке, без устранения которой компетентным судом невозможно возмещение причиненного ею ущерба»¹.

Следует отметить, что единственным решением по поводу рассмотрения соответствия принципам правовой определенности действий кассационной (а не надзорной) инстанции было Определение Конституционного Суда РФ от 18.10.2012 № 1946-О, где указано, что по мнению Европейского Суда по правам человека, вступившее в силу решение не обязательно является окончательным с точки зрения Конвенции о защите прав человека и основных свобод; кассационная инстанция в российском арбитражном процессе (третий уровень судебной системы) является эффективным средством правовой защиты, подлежащим исчерпанию на основании пункта 1 статьи 35 Конвенции, несмотря на то что постановление, вынесенное судом апелляционной инстанции (второй уровень судебной системы), вступило в силу (постановление от 25 сентября 2008 года по делу «Глухих против Российской Федерации», решение от 25 июня 2009 года по вопросу приемлемости жалобы «Галина Васильевна Ковалева и другие против Российской Федерации»))².

Из требования неопровержимости судебных решений вытекает институт преюдиции. При рассмотрении вопроса о преюдициальности фактов, установленных в ходе судопроизводства, Конституционным Судом было отмечено, что «признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела. Тем самым преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности»³.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П ...; Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П ...; Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2008 № 193-О-П // «Собрание законодательства РФ», 05.05.2008, № 18, ст. 2090

² Определение Конституционного Суда РФ от 18.10.2012 № 1946-О // СПС Консультант Плюс

³ Определение Конституционного Суда РФ от 06.11.2014 № 2528-О

Конституционный Суд в Постановлении от 21.12.2011 № 30-П, обращая вновь внимание на конкуренцию правовой определенности и справедливости, подчеркивает, что «как признание, так и отрицание преюдициального значения окончательных судебных решений не могут быть абсолютными и имеют определенные, установленные процессуальным законом пределы ... принятые в порядке гражданского судопроизводства и вступившие в законную силу решения судов по гражданским делам не могут рассматриваться как предрешающие выводы суда ... Именно возможность преодоления в таких случаях законной силы судебного акта посредством его пересмотра в предусмотренных законом процедурах обеспечивает искомый баланс общеобязательной юридической силы судебного решения и возможности проверки его законности и обоснованности, с тем, чтобы при подтверждении судебной ошибки преюдициальность данного судебного решения могла быть преодолена путем его отмены в специально установленных процедурах»¹. После принятия указанного Постановления Конституционный Суд принял еще 17 Определений об отказе в принятии жалоб, предметом которых были вопросы преюдиции.

Отсюда, справедливость преюдиции обеспечивается возможностью обжалования судебных актов доступными способами. Принцип правовой определенности устанавливает неопровержимость судебного решения, проверенного в надзорном порядке. В трактовке Конституционного Суда РФ «наделение судебных решений, вступивших в законную силу, свойством преюдициальности — сфера дискреции федерального законодателя, который мог бы прибегнуть и к другим способам обеспечения непротиворечивости обязательных судебных актов в правовой системе, *но не вправе не установить те или иные институты, необходимые для достижения данной цели*. Введение же института преюдиции требует соблюдения баланса между такими конституционно защищаемыми ценностями, как общеобязательность и непротиворечивость судебных решений, с одной стороны, и независимость суда и состязательность судопроизводства — с

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П // «Собрание законодательства РФ», 09.01.2012, № 2, ст. 398

другой. Такой баланс обеспечивается посредством установления пределов действия преюдициальности, а также порядка ее опровержения»¹.

Важно также подчеркнуть, что Конституционный Суд РФ обратил внимание на взаимосвязь таких неопровержимости судебных решений и ясности правового регулирования следующей формулировкой: «при установлении оснований для обжалования и пересмотра вступивших в законную силу судебных актов, сроков, в пределах которых допускается такое обжалование, а также при определении судебных инстанций, которые правомочны рассматривать соответствующие жалобы (представления), законодателю — в силу указанного принципа — надлежит исходить из того, что участники гражданских правоотношений *должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей*»².

Кроме того, неопровержимость судебных решений связана с необходимостью обеспечения стабильности правового регулирования, так как, по замечанию Конституционного Суда, судам надзорных инстанций при рассмотрении вопросов, связанных с реализацией социальных прав, следует обеспечивать баланс между публичными интересами и интересами конкретного гражданина³. Также, «критерием правомерности отмены решения в порядке надзора признается направленность на защиту приобретенного статуса гражданина или объединения граждан как заведомо более слабой стороны в отношениях с государством, что обеспечивает действие принципа правовой определенности в отношении правового статуса гражданина»⁴. Следовательно, в данном случае определенность гражданина в своем статусе, как слабой стороны, превалирует над определенно-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 № 2317-О

² Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2008 № 1054-О-П // «Собрание законодательства РФ», 30.03.2009, № 13, ст. 1574; Определение Конституционного Суда РФ от 02.04.2009 № 471-О-П // СПС Консультант Плюс

³ Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2007 № 423-О-П ...; Определение Конституционного Суда РФ от 19.02.2009 № 501-О-О // СПС Консультант Плюс; Определение Конституционного Суда РФ от 23.03.2010 № 437-О-О // СПС Консультант Плюс

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П ...; Определение Конституционного Суда РФ от 01.03.2010 № 430-О-О // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 4, 2010

стью в его взаимоотношениях с государством по поводу судебного разбирательства, что подчеркивает важность поддержания доверия граждан к государству.

4. Строгость установленных законом сроков

Выделение данного значения правовой определенности в качестве самостоятельного стало результатом рассмотрения Конституционным Судом жалоб на сроки обжалования судебных решений и дискреционность суда при определении существенности причин пропуска срока на такое обжалование.

В частности, Конституционный Суд указывал, что «одним из важных факторов, определяющих эффективность восстановления нарушенных прав в судебном порядке, является *своевременность защиты прав участвующих в деле лиц*. Это означает, что правосудие можно считать отвечающим требованиям справедливости, если рассмотрение и разрешение дела судом осуществляется в разумный срок. Применительно к делам, отнесенным к компетенции судов общей юрисдикции, соблюдением разумного срока судопроизводства обеспечивается также правовая определенность и стабильность в сфере гражданского оборота. Этим целям служат, согласно статье 107 ГПК Российской Федерации, сроки совершения процессуальных действий, назначаемые судом или установленные федеральным законом. К числу последних относится срок для подачи Председателю Верховного Суда Российской Федерации или заместителю Председателя Верховного Суда Российской Федерации жалобы или представления о внесении в Президиум Верховного Суда Российской Федерации представления о пересмотре судебных постановлений в порядке надзора (часть вторая статьи 391.11 ГПК Российской Федерации)»¹.

Также Конституционный Суд указывал, что «установление срока на обжалование решения арбитражного суда само по себе не может рассматриваться как нарушение конституционного права на судебную защиту, поскольку обусловлено необходимостью гарантировать правовую определенность в спорных материальных правоотношениях и стабильность гражданского оборота. Вместе в тем

¹ См. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2196-О; Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1851-О; Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1171-О; Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 № 925-О

федеральный законодатель на основе баланса между принципами правовой определенности и справедливого судебного разбирательства, не совместимого с ошибочным судебным актом, при установлении порядка обжалования должен обеспечить реальную возможность участвующим в деле лицам воспользоваться правом на пересмотр судебного решения»¹.

Данные примеры наглядно демонстрируют конкуренцию принципов справедливости судебного разбирательства и правовой определенности, аналогично как в случае разрешения вопроса об отмене судебного решения в порядке надзорного производства. В этой связи следует согласиться с замечанием Г.А. Гаджиева о том, что «противоречивость конституционных принципов является рефлексией как противоречивой природы устремлений человека, так и тех многочисленных противоречий, из которых соткана современная общественная жизнь»². Утверждение процессуальных сроков вытекает из требования неопровержимости судебных решений, обеспечивающего ясность прав и обязанностей участников судебного разбирательства, но не в ущерб установлению истины по делу.

По поводу широты усмотрения суда по делам о продлении срока на обжалование, в Определении от 19.04.2007 № 300-О-Р указано, что «статья 112 ГПК Российской Федерации направлена на расширение гарантий судебной защиты прав и законных интересов участников гражданского судопроизводства; отсутствие в ней перечня оснований для восстановления пропущенного срока на подачу надзорной жалобы заинтересованными лицами не означает наличие у суда неограниченных дискреционных полномочий, поскольку суд, признавая те или иные причины уважительными, решает этот вопрос — в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения — с учетом всех обстоятельств конкретного дела»³.

Кроме того, «предназначение исковой давности — правовая определенность в правоотношениях»⁴. Это означает, что «установление в законе срока, в течение ко-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2007 № 234-О-П // «Собрание законодательства РФ», 28.05.2007, № 22, ст. 2688; Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2007 № 233-О-П // «Собрание законодательства РФ», 28.05.2007, № 22, ст. 2687; Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 № 1035-О-О // СПС Консультант Плюс.

² Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов // СПС Консультант Плюс

³ Определение Конституционного Суда РФ от 19.04.2007 № 300-О-О // СПС Консультант Плюс

⁴ См. Постановление ЕСПЧ от 7 июля 2009 года по делу «Станьо (Stagno) против Бельгии»

торого не только во взаимоотношениях частных лиц, но и во взаимоотношениях частного лица с государством могут наступать неблагоприятные последствия, имеет в виду обеспечение правовой определенности и стабильности в сфере гражданского оборота, прежде всего в интересах частных лиц. ... введение в правовое регулирование правила о нераспространении исковой давности, установленной гражданским законодательством РФ, на требования РФ, возникшие в связи с предоставлением на возвратной и (или) возмездной основе бюджетных денежных средств, не согласуется с вытекающим из Конституции РФ принципом правовой определенности, недвусмысленности и ясности правового регулирования»¹.

Также Конституционный Суд РФ указывал, что «ограничительные сроки возможности пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам судебных актов ... направлены на обеспечение принципа правовой определенности и стабильности гражданского оборота»².

Правовая определенность в рамках данного значения тесно связана с ясностью правового регулирования и может рассматриваться как обеспечение уверенности гражданина в своем статусе до и после принятия нового закона. В частности, такую уверенность наличие срока давности за правонарушение³, недопустимость ретроактивного действия закона⁴, ухудшающего правовое положение граждан⁵, а также применение положений законов, которые улучшают такое положение. «Действие закона распространяется на отношения, права и обязанности, возникшие после введения его в действие, и только законодатель вправе распространить новые нормы на факты и порожденные ими правовые последствия, возникшие до введения соответствующих норм в действие, т.е. придать закону обратную силу (ретроактивность), либо, напротив, допустить в определенных случаях возможность применения утративших силу норм (ультраактивность)»⁶.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 20-П // «Собрание законодательства РФ», 15.08.2011, № 33, ст. 4948.

² Определение Конституционного Суда РФ от 19.02.2009 № 98-О-О // СПС Консультант Плюс.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 9-П // «Собрание законодательства РФ», 25.07.2005, № 30 (ч. II), ст. 3200.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2009 № 795-О-О // СПС Консультант Плюс.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2010 № 1428-О-О // СПС Консультант Плюс.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 № 12-П // «Российская газета», № 98, 30.04.2014.

В Постановлении Конституционного Суда от 21.01.2010 № 1-П указано на «недопустимость придания обратной силы нормативному регулированию посредством толкования, ухудшающего положение лица в его отношениях с государством, обусловлена также требованием *формальной определенности правовой нормы, которое предполагает, что участники соответствующих правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса* ... Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней предполагают в качестве составляющей права на справедливое судебное разбирательство возможность исправления ошибочных судебных актов, однако лишь с учетом действия принципа правовой определенности в отношении правового статуса гражданина. Исходя из недопустимости повторного рассмотрения дела, завершившегося вынесением окончательного судебного акта»¹. Следует отметить, что по тексту Постановления правовая определенность трактуется в ракурсе неопровержимости судебных решений, в то время, как формальная определенность — как принцип, не допускающий обратной силы закона. Однако, допустимо предположить, что такая разница не означает разграничения Конституционным Судом РФ указанных принципов, а использована для большей ясности текста Постановления, поскольку, как было показано выше, приведенные понятия в иных актах данного суда по смыслу тождественны.

Подробно следует рассмотреть позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Постановлении от 10.10.2013 № 20-П. Во-первых, в данном акте принцип правовой определенности подразумевает, помимо прочего, разумность правового регулирования, что соответствует сложившейся картине конституционного правосудия в исследуемой области. Во-вторых, в данном Постановлении выражено мнение о том, что изменение статуса преступного деяния (исключение из тяжких и особо тяжких) не влечет каких-либо последствий для лиц с уже сня-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П // «Собрание законодательства РФ», 08.02.2010, № 6, ст. 699.

той судимостью, касающихся их пассивного избирательного права. «Каждый из находящихся под защитой статьи 17 (часть 3) Конституции РФ участников правоотношений должен иметь возможность быть уверенным в неизменности официально признанного правового статуса — как своего, так и других лиц (в том числе осужденных за преступления, направленные против него или против общественных интересов), с которым он соизмерял свое поведение и его последствия». Как следствие, Конституционный Суд РФ признал распространение ограничения избирательного права на лиц, чья погашенная или снятая судимость была следствием деяния, статус которого был изменен, противоречащим требованиям принципа правовой определенности, равенства и обратной силы закона¹.

Большое количество дел в рамках описываемого значения было рассмотрено в 2014 году: 147 дел, в то время, как за весь исследуемый период насчитывается 202 дела, из которых 170 касаются недопустимости обратной силы закона. Т.е. за 2014 год было рассмотрено в приведенном значении правовой определенности более 70 %. Подавляющее большинство решений являются Определениями об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан на положения подпункт «б» пункта 2 статьи 2 Федерального закона от 23 июля 2013 года № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства», которым часть 5 статьи 3 Федерального закона от 29 декабря 2010 года 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» была дополнена абзацем вторым.

Доводы заявителей данных жалоб сводятся к тому, что данная норма, не позволяя после 1 января 2014 года определенной в статье 402 УПК Российской Федерации категории лиц обжаловать вступившие в законную силу до 1 января

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П

2013 года судебные решения в порядке главы 48 этого Кодекса, противоречит принципу равенства всех перед законом и судом в праве на обжалование вступившего в законную силу приговора. Практически все Определения содержали следующую формулировку: «Статья 4 УПК Российской Федерации, конкретизируя общий принцип действия закона во времени, направлена на обеспечение правовой определенности и стабильности закона и сама по себе права заявителя не затрагивает»¹. Не вдаваясь в дискуссию с Конституционным Судом РФ, следует отметить, что приведенная статистика по количеству жалоб на указанную норму права может свидетельствовать о наличии в данном случае правовой неопределенности.

Отсюда, недопустимость обратной силы закона, помимо защиты от произвола и поддержания доверия граждан к государству, также подразумевает действие такой функции правовой определенности, как *обеспечение ясности прав и обязанностей в рамках действующего правового регулирования*.

Следует заметить, что строгость установленных законом сроков по процессуально-правовой природе близка по смыслу неопровержимости судебных решений, поскольку данные значения имеют единую функцию: эффективность применения права. В то же время, указанная функция по мнению Конституционного Суда РФ в спорах гражданина и государства менее значима, чем поддержания доверия граждан к государству.

Таким образом, Конституционным Судом РФ, зачастую в свете Постановлений ЕСПЧ, в течение последних двенадцати лет была проделана большая работа, связанная с внедрением принципа правовой определенности в отечественное правосудие. Данный факт позволяет сделать заключение об эволюционном развитии отечественной судебной системы в соответствии с европейскими стандартами.

Приведенные значения правовой определенности, основанные на практике Конституционного Суда РФ, позволяют выделить следующие ее функции:

¹ См. Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2014 № 415-О; Определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2014 № 653-О.

1. Обеспечение ясности прав и обязанностей в рамках действующего правового регулирования.
2. Защита от произвола.
3. Поддержание доверия граждан к государству.
4. Обеспечение эффективности применения права.

Практика Конституционного Суда РФ о принципе правовой определенности, отсюда, сходна с позициями ЕСПЧ, а, зачастую, идентична. Вместе с тем, конституционная интерпретация правовой определенности относится к большому числу ситуаций в виду большего круга правоотношений, которые могут рассматриваться в ходе конституционного правосудия. Однако, смысловое значение правовой определенности является неизменным и означает ясность правовых норм, прав и обязанностей, а также уверенность сторон в окончательности результата правоприменительной деятельности.

В настоящее время существует потребность восприятия позиций о правовой определенности в процесс применения права ординарными судебными инстанциями на федеральном, региональном и местном уровнях, что невозможно без уяснения сути данного принципа, его содержательного многообразия.

Конституционный Суд РФ обозначает принцип правовой определенности в качестве компонента верховенства права¹ или равенства², т.е. он только подразумевается и нормативно нигде не закреплён, что не совсем обычно для российских судов. В связи с этим, на сегодняшний день затруднительно найти судебное решение первой, апелляционной или кассационной инстанции, где приводился бы принцип правовой определенности без соответствующих ссылок на акт Конституционного Суда РФ или, гораздо реже, ЕСПЧ. Отсюда правовые позиции Конституционного Суда РФ о принципе правовой определенности, рассмотренные в динамике их развития, имеют большое значение для российской судебной системы.

Также для поиска *справедливой* определенности одним из важнейших моментов познания сущности исследуемого принципа является уяснение порядка

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.10.2010 № 19-П // «Собрание законодательства РФ», 15.11.2010, № 46, ст. 6027

² См. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 № 11-П // «Собрание законодательства РФ», 13.07.2009, № 28, ст. 3581.

его соотнесения другими принципами права, особенно в случае возникновения между ними противоречий. Критерием для такой работы должна выступать разумность, понимание цели каждой конкретной нормы права, недопущение как ее необоснованно широкого толкования, так и «правового пуризма». При этом Конституционный Суд РФ несет особую ответственность в данном деле в силу не только своего статуса и авторитета, но также и утвердившейся роли связующего моста между российским и европейским правосудием.

Глава 3. Реализация принципа правовой определенности в практике судов первой, апелляционной и кассационной инстанций

§ 1. Механизм имплементации практики ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ в российское право

Позиции ЕСПЧ и Конституционного Суда о правовой определенности, как было продемонстрировано в главе второй настоящей работы, близки. Однако, необходимо определить, каким образом возможно внедрить их практику в судах общей юрисдикции и арбитражных судах при рассмотрении ими конкретных дел. В этой связи следует заметить, что позиции ЕСПЧ о правовой определенности, несмотря на широкое научное обсуждение, в работе судов первой, апелляционной и кассационной инстанций (далее – ординарные суды) применяются не часто, хотя значения данного принципа не ограничиваются вопросами надзорного производства и распространяются на широкий круг правоотношений.

В.В. Лазарев указывал: «ЕСПЧ творит прецеденты. Отношение к прецеденту как к источнику права вообще в России скорее негативное. Считается, что наша романо-германская (континентальная) система отвергает прецедентное право. Раньше это было бесспорным и повсеместно принятым. Сегодня многое изменилось, однако старая аргументация используется во всей ее полноте в решении принципиальных практических вопросов»¹. Следовательно, вопрос о заимствовании практики толкования принципа правовой определенности Европейским Судом в российское право и судебную практику тесно связан с вопросом о возможности использования практики ЕСПЧ обычными российскими судами на сегодняшний день в принципе.

В совместной статье В.В. Лазарева и Д.А. Фурсова также отмечается, что «... постклассические правовые реалии, признающие конституционное правосудие, перформативировали привычные убеждения и в случае признания действующих норм неконституционными законодатель безоговорочно обязывается следовать судебной

¹ Лазарев В.В. Место и роль суда в правовой системе // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 22.

воле. В системах общего права для этого нет необходимости предпринимать какие-то дополнительные усилия. В романо-германских — законодатель обязан отреагировать на решение конституционного суда, и одной из форм такой реакции будет закрепление судебной правовой позиции в законодательной норме. Это позволяет отдельным авторам характеризовать Конституционный Суд РФ в качестве «квази-правотворческого органа». С некоторыми оговорками ситуацию, складывающуюся в связи с рядом решений конституционных судов, можно уподобить ситуации вокруг решений Европейского суда по правам человека. Нюансов много, но общие позиции ЕСПЧ требуют введения их в национальное законодательство»¹. В связи с этим авторы замечают, что необходима активизация научной деятельности, связанной с изучением судебной практики, проведения анализа отдельных судебных решений для возможности восприятия содержащихся в них правовых позиций законодателем. «Особое внимание должно уделяться правовым позициям КС РФ и ВС РФ, но предполагается, по возможности, также отслеживание и анализ прецедентных решений ЕСПЧ, других межгосударственных судебных органов, а также всех тех правоприменительных решений международных органов, которые по своим свойствам могут претендовать на вхождение в правовую систему Российской Федерации»².

Очевидно, что первым шагом в этом процессе должно быть точное уяснение соответствующих положений практики ЕСПЧ.

В параграфе 1 главы 2 продемонстрированы придаваемые значения принципу правовой определенности Европейским Судом. Кроме того, например, Ю.Ю. Ветютнев на конференции, посвященной эффективности юридических процедур³, отметил со ссылками на многочисленные научные труды, что понятие «эффективные средства правовой защиты» («effective remedies») согласно практике ЕСПЧ включает в себя следующие значения: «возможность обжалования»; «доступность»; «разумный срок процедуры»; «независимость органа»; «полнота и тщательность расследования»; «транспарентность (прозрачность)»; «обязатель-

¹ Лазарев В.В., Фурсов Д.А. Обоснование идеи имплементации судебных решений в законодательные акты // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 8.

² Там же. С. 13.

³ VI Бабаевский форум, конференция «Эффективность юридических процедур: теория, практика, техника». Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, 20-21 мая 2015 года.

ность решения (исполняемость)». Следовательно, раскрытие значений тех или иных понятий, содержащихся в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ), активно обсуждаются в отечественной науке.

Появление новых правовых позиций ЕСПЧ не остается без внимания Конституционного Суда РФ. Последний в своих Постановлениях регулярно заимствует практику Европейского Суда по вопросам интерпретации ЕКПЧ и осуществляет прямые ссылки на нее путем, которым на нее ссылается сам ЕСПЧ¹. Также Конституционным Судом РФ отмечалось, что права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией РФ, — это, по существу, те же права и свободы, которые признаны Конвенцией². Как отмечал судья данного суда К.В. Арановский, «... что касается поддержки практики Европейского суда по правам человека, то в России нет, пожалуй, иного, чем Конституционный Суд, юрисдикционного органа (тем более политического или административного), который стоял бы к ней ближе по настроениям, смыслу принимаемых решений и верности гражданской свободе»³.

Безусловно, в качестве довода о необходимости расширения практики использования правовых позиций Европейского Суда напрямую можно указать, что выполнение Постановлений ЕСПЧ, касающихся Российской Федерации, предполагает обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений. Суды в пределах своей компетенции должны действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, вытекающих из участия Российской Федерации в ЕКПЧ. С подобным доводом следует согласиться, отметив высокий уровень уважения к ЕСПЧ и вкладу, в том числе научному, который вносят многие его Постановления. Однако, проблема применения практики Европейского

¹ См. напр. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 № 25-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 26.06.2014 № 19-П; Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 № 1561-О

² Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П

³ Арановский К.В. Условия согласования практики международного и конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 3. С. 6.

Суда диктуется не столько предпочтениями судей, сколько действующим законодательством, регулирующим вопросы имплементации решений ЕСПЧ.

В частности, Постановлением Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П¹ было установлено, что «... в процессе производства по пересмотру вступившего в законную силу судебного постановления в порядке пункта 4 части четвертой статьи 392 ГПК РФ суд общей юрисдикции, обязанный подчиняться только Конституции РФ и федеральному закону (статья 120, часть 1, Конституции РФ) и разрешать гражданские дела на основании Конституции РФ, международных договоров РФ и законодательства РФ (часть первая статьи 11 ГПК РФ), может прийти к выводу о невозможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека без отказа от применения положений законодательства РФ, ранее признанных Конституционным Судом РФ не нарушающими конституционные права заявителя в его конкретном деле. В таком случае, принимая во внимание тот факт, что права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией РФ, — это, по существу, те же права и свободы, которые признаны Конвенцией, перед судом общей юрисдикции встает вопрос о конституционности указанных законоположений, повлекших нарушение соответствующих положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их интерпретации Европейским Судом по правам человека».

В рамках приведенного Постановления Конституционный Суд РФ установил, что в случае, если суд общей юрисдикции придет к выводу о невозможности исполнения постановления Европейского Суда без признания не соответствующими Конституции РФ законоположений, относительно которых ранее Конституционный Суд РФ констатировал отсутствие нарушения ими конституционных прав заявителя в конкретном деле, он правомочен приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности этих законоположений. В Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П Конституционный Суд РФ отметил, что суд общей юрисдикции, арбитражный суд, осуществляющий производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта по заяв-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П // Российская газета, № 285, 18.12.2013

лению лица, по жалобе которого Европейским Судом по правам человека было принято постановление, констатирующее нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод положениями законодательства РФ, примененными в деле этого лица, *обязан* (курсив мой — А.С.) приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке их соответствия Конституции РФ.

Следовательно, в первую очередь нужно рассмотреть способы имплементации практики ЕСПЧ в российское право, существующие на сегодняшний день, используя воспринятое юридической наукой понятие «механизм».

Слово «механизм» применительно к правовой действительности в теории права употребляется для отображения момента движения, функционирования правовой формы. В работах С.С. Алексеева представлена теория механизма правового регулирования, элементами которой считаются нормы права, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей, акты применения права. Это понятие выражает процесс перевода нормативности права в упорядоченность общественных отношений¹.

Аналогично, определяя механизм имплементации практики ЕСПЧ в российское право следует выделить отдельные его элементы. В этой связи М.А. Филатова указывала: «Исполнение решений ЕСПЧ, в широком его понимании, предполагает процесс масштабной имплементации стандартов Конвенции в ее толковании Европейским судом в повседневную правоприменительную практику.

В более узком смысле оно представляет собой принятие как мер общего характера (направленных на профилактику и недопущение в будущем нарушений, подобных установленному), так и индивидуальных, целью которых является восстановление нарушенных прав данного конкретного заявителя»².

В настоящее время в законодательстве России отсутствует нормативный правовой акт, предметом регулирования которого являлись бы отношения, возникающие в связи с обязанностью государства исполнять Постановления Европейского Суда. В частности, как отмечено в Докладе Правительства РФ о результатах

¹ Общая теория государства и права. Академический курс. Т.3. С. 96-97.

² Филатова М.А. О процессуальных механизмах исполнения постановлений Европейского суда по правам человека // Вестник ВАС РФ. 2013. № 9. С. 42.

мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2011 год, «... не регламентирован порядок исполнения его Постановлений, не установлена обязанность государственных органов и должностных лиц по приведению нормативных актов в соответствие с Конвенцией в связи с вынесением постановлений Европейского Суда, а также не установлены сроки разработки и внесения в Государственную Думу РФ законопроектов, направленных на реализацию Постановлений»¹.

В системе государственных органов РФ ответственным за взаимодействие России и ЕСПЧ является Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителе министра юстиции Российской Федерации² (далее — Уполномоченный), который имеет следующие основные функции:

- изучение правовых последствий постановлений Суда, вынесенных в отношении государств — членов Совета Европы, и подготовка с учетом практики Суда и Комитета министров Совета Европы рекомендаций по совершенствованию законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики, а также по участию Российской Федерации в международных договорах и по развитию норм международного права, отвечающих интересам Российской Федерации;

- обеспечение взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления при исполнении ими постановлений ЕСПЧ и решений Комитета министров Совета Европы в связи с жалобами о нарушении Российской Федерацией положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, включая восстановление нарушенных прав заявителей, выплату им присужденной Европейским Судом денежной компенсации и принятие мер общего характера³, направленных на устранение и (или) предотвращение нарушений Российской Федерацией положений указанной Конвенции.

¹ См. Доклад Правительства Российской Федерации о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2011 год // «Российская газета», № 65, 27.03.2013.

² См. п. 4 Указа Президента РФ от 29.03.1998 № 310 (ред. от 25.07.2014) «Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском суде по правам человека — заместителе Министра юстиции Российской Федерации» // «Российская газета», № 68, 08.04.1998

³ Положения о принятии мер общего характера были внесены в приведенный Указ Президента РФ 06.07.2010. См. Указ Президента РФ от 06.07.2010 № 836 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 29 марта 1998 г. № 310 «Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителе Министра юстиции Российской Федерации» и в Положение, утвержденное этим Указом» // «Собрание законодательства РФ», 12.07.2010, № 28, ст. 3655.

Также пунктом 5 Указа Президента РФ от 29.03.1998 № 310 предусмотрено, что Уполномоченный в соответствии с возложенными на него функциями обеспечивает совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти разработку соответствующих законопроектов и представляет в установленном порядке предложения об использовании права законодательной инициативы, если исполнение решений Европейского Суда связано с внесением изменений и дополнений в федеральные законы, обеспечивает совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти подготовку проектов соответствующих нормативных правовых актов и вносит их на рассмотрение соответствующих органов государственной власти, если исполнение решений ЕСПЧ связано с внесением изменений и дополнений в нормативные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ, иные нормативные правовые акты.

Приказом Минюста РФ от 30.06.2009 № 196 утверждено Положение об Аппарате Уполномоченного¹, согласно разделу 2 которого установлены аналогичные приведенным выше полномочия данного органа, направленные на правовое и организационно-техническое обеспечение деятельности Уполномоченного.

Пунктом 6 Указа Президента РФ от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» на Министерство юстиции были также возложены функции по мониторингу правоприменения в России в целях выполнения постановлений Европейского Суда, в связи с которыми необходимо принятие (издание), изменение или признание утратившими силу (отмена) законодательных и иных нормативных правовых актов РФ, а также функции по координации мониторинга правоприменения, осуществляемого федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов РФ, и его методическому обеспечению.

¹ См. Приказ Минюста РФ от 30.06.2009 № 196 «Об утверждении Положения об Аппарате Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации» // «Бюллетень Минюста РФ», № 8, 2009

Распоряжением Правительства РФ от 19.08.2011 № 1471-р был утвержден план мониторинга на 2011 — 2012 годы¹, во исполнение которого были подготовлены соответствующие доклады.

Как указано в приведенном выше докладе о правоприменении в 2011 году, опубликованному 23.03.2013, по результатам мониторинга Минюстом России выявлено 10 постановлений Европейского Суда, в связи с которыми необходимо внесение изменений в законодательство Российской Федерации².

В докладе о правоприменении в 2012 году, опубликованном 31.01.2014, отмечается, что по состоянию на 15 июля 2013 г. требуют выполнения 10 Постановлений Европейского Суда по конкретным делам, а также ряд постановлений Европейского Суда, объединенных в группы дел: «Гарабаев» (нарушение прав граждан при решении вопроса об их выдаче по запросу иностранных государств для осуществления уголовного преследования) и «Тимофеева» (чрезмерно длительное исполнение вступивших в силу судебных актов). Следует заметить, что обе группы дел связаны с нарушением принципа правовой определенности.

Из числа постановлений Европейского Суда, требующих выполнения, по 4 Постановлениям (от 28 октября 2003 г. по жалобе № 58973/00 «Ракевич против России», от 10 июня 2010 г. по жалобе № 1555/04 «Захаркин против России», от 22 марта 2012 г. по делу № 30078/06 «Константин Маркин против России», от 10 мая 2012 г. по делу № 33498/04 «Путинцева против России»), а также по Постановлениям, объединенным в группу дел «Гарабаев», подготовлены и находятся на рассмотрении Государственной Думы проекты федеральных законов, разработанные с учетом выводов Европейского Суда, или федеральными органами исполнительной власти проводится подготовка проектов нормативных правовых актов Российской Федерации³.

¹ См. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2011 № 1471-р «Об утверждении планов мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2011 – 2012 годы» // «Собрание законодательства РФ», 29.08.2011, № 35, ст. 5102

² Доклад опубликован на сайте Президента РФ URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d452b4f769a8822349.pdf> (дата обращения – 13.02.2015).

³ Доклад опубликован на сайте Президента РФ URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4bad4e0df7b5bf178.pdf> (дата обращения – 13.02.2015).

Кроме того, в докладе за 2012 год отмечается, что в целях исполнения других 6 Постановлений Европейского Суда и Постановлений, объединенных в группу дел «Тимофеева», предполагается организовать работу федеральных органов исполнительной власти. Так, в частности, предполагалось организовать работу, в том числе Минюста России, Минфина России, Минэкономразвития России во взаимодействии с Верховным Судом РФ, Высшим Арбитражным Судом РФ и Генеральной прокуратурой РФ — по разработке проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», направленного на реализацию Постановлений Европейского Суда, объединенных в группу дел «Тимофеева», в том числе по Постановлениям Европейского Суда по жалобам № 5734/08 «Илюшкин и другие против России», № 16967/10 «Калинкин и другие против России», а также в связи с коммуникацией Европейского Суда по жалобе № 29920/05 «Герасимов и 14 других против России» в части регламентации исполнения судебных актов, предусматривающих исполнение государством обязательств «в натуре»¹.

Таким образом, в России имплементация практики ЕСПЧ осуществляется путем принятия законов или подзаконных нормативных актов компетентными государственными органами или органами местного самоуправления по предметам их ведения. Также, как было установлено в главе второй настоящей работы, соблюдение Конвенции обеспечивается заимствованием практики ЕСПЧ в российскую судебную практику, в частности, конституционную. Однако, прежде чем рассмотреть статус имплементации такой практики в практику ординарных российских судов, необходимо установить правила, по которым данная процедура должна осуществляться.

¹ По последней жалобе на сегодняшний день принято очередное «пилотное постановление» в котором указывается на наличие структурной проблемы процессе обеспечения российскими властями действия Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на территории России. См. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-145212> (дата обращения – 13.02.2015).

Как отмечено в руководстве по имплементации Европейской Конвенции о правах человека¹, подготовленном Жаном-Франсуа Аканджи-Комбе (далее — «руководство по имплементации»), в отличие от стандартного набора обязательств, вытекающего из международных договоров, касающихся политических и культурных прав, среди которых выделяются «обязательство уважать» (государство не должно нарушать своих обязательств), «обязательство защищать» и «обязательство имплементировать», ЕКПЧ предусматривает иной набор обязательств: «позитивные обязательства» и «негативные обязательства»².

Негативные обязательства связаны с недопустимостью нарушения государством положений ЕКПЧ и вмешательства в осуществление гражданами предусмотренных ею прав³. Под позитивными обязательствами понимается необходимость принятия со стороны государства мер по предотвращению нарушения Конвенции, или, более конкретно, принятию разумных и подходящих мер для защиты прав человека⁴. Подобные меры могут быть юридическими⁵. Следовательно, государству следует соблюдать положения ЕКПЧ, в том числе, путем имплементации ее положений в национальное право⁶ по правилам доктрины «поля усмотрения» (*margin of appreciation*)⁷, т.е. свободно избирая методы такой имплементации с учетом конечной цели Конвенции: соблюдения обязательств, вытекающих из нее⁸.

В руководстве по имплементации отмечено: «... теория позитивных обязательств имеет общий эффект: она может применяться, в процедурном аспекте, к

¹ Указанный документ размещен на официальном сайте ЕСПЧ www.echr.coe.int под названием «Позитивные обязательства согласно Европейской конвенции по правам человека. Руководство по имплементации Европейской конвенции по правам человека».

² Akandji-Kombe J.-F. Positive obligations under the European Convention on Human Rights. A guide to the implementation of the European Convention on Human Rights. Human Rights Handbooks, №7. Strasbourg, 2007. P. 5.

³ См. также Пресняков М.В. Правовая определенность и принцип разумной сдержанности законодателя: проблема формальной и материальной правовой определенности // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 3 – 6.

⁴ См. Akandji-Kombe J.-F. Указ. соч. С. 7.

⁵ См. Там же.

⁶ В связи с тем, что Европейским Судом при рассмотрении вопросов о национальном правовом регулировании термин «право» рассматривается как включающий судебную практику, в рамках данного параграфа он, для краткости, также приводится в данном контексте.

⁷ Термин «*margin of appreciation*» зачастую переводится в отечественной литературе как «свобода усмотрения». Однако представляется правильным согласиться с А.И. Ковлером, что в большей степени отражать его суть будет понятие «поля усмотрения». См. Ковлер А.И. «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека // Международное правосудие. 2013. № 3. С. 52 – 63.

⁸ См. также Shany Y. Toward a General Margin of Appreciation Doctrine in International Law? // The European Journal of International Law Vol. 16 no.5. Firenze. 2005. P. 907-940.

любому положению, в частности, любому затрагивающему материальные нормы Конвенции»¹. Во многом на возможность признания нарушения «позитивных обязательств» влияет интерпретация ЕСПЧ статьи 1 Конвенции в совокупности с ее преамбулой, в частности, указанным в ней принципом верховенства права. Вместе с тем, ЕКПЧ закрепляет ограниченный круг прав и свобод. Однако нарушение тех или иных прав может интерпретироваться во взаимосвязи с нормами Конвенции. Например, в Постановлении ЕСПЧ по делу «Ринер против Болгарии» указано: «Несмотря на то, что «право на гражданство» аналогичное установленному в ст. 15 Всеобщей декларации прав человека, не гарантировано Конвенцией или Протоколами к ней, Суд ранее установил, что не исключена ситуация, когда произвольный отказ в предоставлении гражданства может, при определенных обстоятельствах, поднять вопросы соблюдения статьи 8 Конвенции из-за воздействия такого отказа на личную жизнь лица»². Следовательно, статья 1 ЕКПЧ ограничивает применение Конвенции содержащимися в ней иными материальными нормами. Данная взаимосвязь означает, что «... все позитивные обязательства преследуют единую цель, заключающуюся в эффективном применении Европейской Конвенции и эффективности прав, которые она защищает»³.

Следует отметить, что позитивные и негативные обязательства не имеют точного определения. ЕСПЧ при рассмотрении конкретного дела решает, какие обязательства были нарушены. Им констатируется нарушение тех или иных обязательств в зависимости от интерпретации схожих фактических обстоятельств, зачастую идентичных⁴. Следовательно, позитивные и негативные обязательства тесно взаимосвязаны и могут «перекрывать» друг друга, т.е. может иметь место нарушение негативных обязательств вместе с позитивными⁵.

¹ Akandji-Kombe J.-F. Указ. соч. С. 8.

² Riener v. Bulgaria Judgment of 23 May 2006 (Final of 23 August 2006) // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-75463> (дата обращения – 13.03.2015). См. также Karashev v. Finland (dec.), no. 31414/96, ECHR 1999-II, with further references and Slivenko v. Latvia (dec.) [GC], no. 48321/99, ECHR 2002-II (extracts)

³ Akandji-Kombe J.-F. Указ. соч. С. 9.

⁴ См. ECtHR Judgment on Case «Ciliz v. Netherlands» of 11.06.2000 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-59160> (дата обращения 27.03.2015) и ECtHR Judgment on Case «Ahmut v. Netherlands» // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58002> (дата обращения 27.03.2015). При аналогичных обстоятельствах в первом деле ЕСПЧ было признано нарушение негативных обязательств, а во втором – позитивных.

⁵ См. Akandji-Kombe J.-F. Указ. соч. С. 12-14.

Также следует учесть, что для нарушения позитивных обязательств государство не должно просто бездействовать, оно может не принять «необходимых мер», проявить пассивность по отношению к защите закрепленного в Конвенции права¹.

На основании данных исходных положений в руководстве по имплементации делается вывод, что вследствие наличия у стран-участников Конвенции позитивных обязательств, действие ЕКПЧ имеет «горизонтальный эффект». Так граждане, которые своими действиями нарушают права, предусмотренные Конвенцией, не попадают под юрисдикцию Европейского Суда. Однако, государство, не обеспечившее должных мер, направленных на расследование свершившегося нарушения и исправления возникшей в связи с нарушением ситуации, подлежит ответственности согласно ЕКПЧ². В руководстве по имплементации замечается, что горизонтальный эффект порождает так называемое «обязательство шизофрении» — «... обязательство [государства] принимать меры, необходимые для предотвращения или наказания нарушений, совершенных его собственными агентами, представителями»³. Например, в Постановлении по делу «Ассанидзе против Грузии» ЕСПЧ отметил: «Высшие должностные лица государства находятся под обязательством требовать от своих подчиненных соблюдать Конвенцию и не могут прикрываться своей невозможностью обеспечить ее уважение»⁴.

М.Р. Воскобитова указывала: «эффективная реализация прав человека и основных свобод напрямую связывается с тем, как государства исполняют свои позитивные обязательства, которые ... обязывают государства:

- законодательно (нормативно) урегулировать вопросы реализации прав человека и основных свобод, включая четкие и предсказуемые нормы о возможных основаниях для вмешательства в реализацию прав человека и о его порядке;
- организовывать подготовку и переподготовку государственных и муниципальных служащих таким образом, чтобы они могли эффективно обеспечивать защиту прав человека;

¹ Там же. С. 13.

² См. Там же. С. 14-16.

³ Там же. С. 15.

⁴ ECtHR Judgment on Case «Assanidze v. Georgia» of 08.04.2004. § 46 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-61875> (дата обращения 27.03.2015).

- организовывать в том числе общественные кампании, направленные на просвещение населения в сфере защиты прав человека;
- создавать эффективные средства правовой защиты, к которым любой пострадавший мог бы обратиться с тем, чтобы в результате такого обращения виновные были привлечены к ответственности, нарушенные права — восстановлены, а пострадавший мог бы получить компенсацию»¹.

Приведенная дихотомия позитивных/негативных обязательств, применительно к принципу правовой определенности, позволяет в каждом конкретном случае нарушения Конвенции сделать более точный вывод о наличии или отсутствии необходимости внесения изменений в национальное право путем устранения его дефектов в связи с обозначенными значениями данного принципа. Если нарушение негативных обязательств связано с действием, противоречащим Конвенции, то нарушение позитивных обязательств есть бездействие в надлежащем правовом регулировании, защите прав и свобод. Именно такое бездействие, когда у государства нет нормативного регулятора, позволяющего соотнести действия его должностных лиц и их соответствие конвенционному режиму, свидетельствует о правовой неопределенности. Нарушение позитивных обязательств поднимает вопрос о необходимости имплементации практики ЕСПЧ в национальное право.

Кроме того, при рассмотрении обязательств, вытекающих из ЕКПЧ, следует учитывать фундаментальное деление Европейским Судом обязательств на процессуальные (*procedural*) и материальные (*substantive*). Исходя из такого деления можно усмотреть ожидаемые от государства действия, которые оно обязано предпринять для имплементации практики ЕСПЧ в национальное право.

В руководстве по имплементации указано: «Материальные обязательства, таким образом, те, которые требуют базовых мер, необходимых для полного соблюдения гарантированных прав, например, установления надлежащих правил вмешательства полиции, запрета унижающего достоинство обращения или принудительного труда, комплектования тюрем, ... и т.д. В то же время, под процес-

¹ См. Воскобитова М.Р. Позитивные обязательства государств как гарантия обеспечения прав человека и основных свобод // Международное правосудие. 2011. № 1. С. 86.

суальными обязательствами понимаются те, которые подразумевают организацию внутренних процедур для лучшей защиты человека, настоятельно требующей закрепления соразмерного возмещения за нарушение прав. Это обеспечивает основу права отдельных лиц (утверждающих о нарушении их прав) на эффективное расследование, и, в более широком контексте, обязательство государства установить уголовное законодательство, которое в равной степени сдержанное и эффективное; а также, в контексте статьи 8, требование о том, чтобы родители участвовали в процедурах, которые могут оказать эффект на их семейную жизнь (усыновление, размещение детей, опека, права визита и т.д.)»¹.

Следовательно, можно заключить, что нарушение процессуальных обязательств, вытекающих из материальных норм ЕКПЧ, влечет нарушение материальных конвенционных обязательств, т.е. норм Конвенции. В связи с наличием в рамках каждой отдельной статьи ЕКПЧ у государства позитивных обязательств, имплементация практики ЕСПЧ включает принятие универсального правового регулирования, независимо от его закрепления в законе или судебной практике, а также, процедуры исполнения такого регулирования.

В этой связи, для определения порядка имплементации практики ЕСПЧ о правовой определенности в отечественное право высока важность определения материально-правовой и процессуально-правовой природы данного принципа в зависимости от придаваемых ему Европейским Судом значений.

В российской юридической литературе встречаются похожие предложения по разграничению правовой определенности на материально-правовую и процессуально-правовую. М.В. Пресняковым отмечено: «... в конечном итоге правовая определенность представляет собой не определенность права, а определенность прав индивида в рамках конкретных правоотношений. Определенность правовых предписаний, недопустимость их произвольного изменения и т.п. являются лишь средствами достижения этой общей цели. Определенность права и определенность правового положения личности можно соотнести как формаль-

¹ Akandji-Kombe J.-F. Указ. соч. С. 16.

ный и материальный аспекты правовой определенности»¹. Автор, следовательно, разделяет «формальную» определенность и «материальную» определенность. В частности, М.В. Пресняков указывает: «...в рассматриваемом контексте термин «формальный» по своему семантическому смыслу отсылает к особенностям юридической формы или процедуры. Поэтому под формальной стороной правовой определенности, очевидно, следует понимать определенность формы выражения правовых предписаний. Следовательно, формальный аспект правовой определенности относится непосредственно к законам и иным нормативно-правовым актам (и только к ним) и обозначает внешний аспект такой определенности. В частности, как Европейский суд по правам человека, так и Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечали, что правовая определенность предполагает ясность, доступность и непротиворечивость закона, правовых предписаний.

Материальный, или фактический, аспект правовой определенности, в свою очередь, предполагает определенность действительного положения лица, например, точность и стабильность приобретаемых на основе закона субъективных прав и обязанностей. Между тем здесь следует понимать, что право по своей сути есть форма, оно формально, что называется, по определению. Поэтому материальная определенность не может быть заложена в праве как таковом. Являясь внеправовой категорией, она не вытекает из права, однако может обеспечиваться при помощи правовых средств»².

На основании предложенного деления можно предположить, что «формальная определенность», т.е. ясное закрепление прав и обязанностей в праве, относится к материально-правовому аспекту принципа правовой определенности, поскольку подразумевает возможность для лица уяснить суть права и реализовать его. Соответствует материально-правовой определенности в большей степени выделенное значение ясности правового регулирования, а также стабильности правового регулирования, поскольку подразумевает урегулирование государством

¹ Пресняков М.В. Правовая определенность и принцип разумной сдержанности законодателя: проблема формальной и материальной правовой определенности // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 4.

² Там же. С. 5-6.

прав, закрепленных непосредственно в нормах Конвенции и Конституции РФ. Иные значения: неопровержимость судебных решений, строгость установленных законом сроков — в большей степени являются процессуальными (относятся к материальной определенности в интерпретации М.В. Преснякова), обеспечивающими должную процедуру соблюдения закрепленных в ЕКПЧ и Конституции РФ прав (например, на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом) и статуса граждан.

Отсюда, формально, можно разделить правовую определенность на материально-правовую и процессуально правовую. Первая служит цели соблюдения позитивных обязательств, вытекающих из Конвенции, т.е. формального и ясного закрепления прав и свобод, предусмотренных ЕКПЧ, в национальном праве. Вторая заключается в эффективном их соблюдении путем не нарушения и уважения.

На основании изложенного, можно заключить, что имплементация практики ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ о принципе правовой определенности должна осуществляться в двух аспектах: материально-правовом и процессуально-правовом. Поводом для такой имплементации является нарушение государством позитивных обязательств, вытекающих из Конвенции или Конституции РФ.

Подводя итог, следует определить механизм имплементации практики Европейского Суда по правам человека в российское право.

Под механизмом имплементации практики ЕСПЧ в российское право следует понимать процесс перевода правовых позиций Европейского Суда по правам человека в российскую правовую систему. Механизм имплементации практики ЕСПЧ включает в себя следующие элементы:

- уяснение правовых позиций ЕСПЧ в точном и полном их содержании;
- установление соответствия правовых позиций ЕСПЧ Конституции РФ Конституционным Судом РФ;
- внесение изменений в российское законодательство при наличии такой необходимости;
- реализация правовых позиций ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ в судебной практике.

При этом, субъектами реализации механизма имплементации практики ЕСПЧ являются:

- 1) Европейский Суд по правам человека и иные органы Совета Европы, осуществляющие мониторинг исполнения Европейской Конвенции;
- 2) Конституционный Суд Российской Федерации;
- 3) Федеральные органы законодательной власти;
- 4) Федеральные органы исполнительной власти (Министерство Юстиции РФ, Министерство экономического развития РФ и т.д. в зависимости от компетенции конкретного органа и сферы законодательства, подлежащего пересмотру);
- 5) Верховный Суд Российской Федерации.

Кроме того, для раскрытия правовых позиций ЕСПЧ и их сопоставления с позициями Конституционного Суда РФ необходим постоянный анализ актов, принимаемых данными судами. Подобная деятельность может осуществляться научными учреждениями по примеру учрежденного в 2014 году Отдела имплементации судебной практики в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

§ 2. Соотношение принципа правовой определенности, законности и справедливости

Рассмотренные проблемы имплементации позиций ЕСПЧ о правовой определенности, как было указано выше, могут быть разрешены благодаря активной деятельности Конституционного Суда РФ, воспринявшего в своей практике основное сущностное содержание значений, придаваемых данному принципу Европейским Судом. Однако, для практического воплощения обозначенных данными судами идеалов правовой определенности в повседневную практику при сохранении должного баланса гибкости и строгости правового регулирования необходимо соотносить правовую определенность, справедливость и законность в праве исходя из решений ЕСПЧ и КС РФ, обращавших внимание на противоречия этих принципов.

Понятие «справедливость» в правовом регулировании является многоаспектным и дискуссионным. Не вдаваясь в теоретические рассуждения о смысле данного принципа и ценности в праве, допустимо сослаться на определение И.Г. Дудко, который указывал: «Авторитетность норм конституции зависит от их справедливости. Под справедливостью понимается связь содержания конституции с интересами влиятельных в данном обществе социальных групп, с массовым (обыденным) сознанием большей части общества, с формами общественного сознания (религия, нравственность), а также способность конституции противостоять произволу. Кроме того, это способность конституции создавать в обществе стабильность и правопорядок»¹.

В. Волков и А. Дмитриева отмечали: «С точки зрения общества в целом (социальной системы) работа судебной системы обеспечивает выполнение двух основных функций: поддержание доверия и порядка. Равновесие в этом случае тождественно **справедливости**. ... если некоторые решения признаются как «справедливые», они уравнивают интересы социальных групп, снимая напряжение или разрешая конфликт»². Далее авторы указывают: «Поддержание порядка связано как с наличи-

¹ Дудко И.Г. Авторитетность конституции // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 4.

² Как судьи принимают решения... С. 138.

ем законов, представляющих собой правила или запреты, регулирующие поведение людей, так и с самой идеей **законности**, легитимирующей отдельные порядки, установленные теми или иными кодексами»¹. На основании этого В. Волков и А. Дмитриева заключают, что «... справедливость и законность являются теми базовыми ценностями, на которые должна быть ориентирована любая судебная система, чтобы обеспечивать выполнение на нее социальных функций — поддержания доверия и порядка»². Также данными авторами приводится социологическое исследование, проводимое путем анкетирования судей с целью определения основных ценностей, которыми они руководствуются в своей деятельности. Данное исследование привело к следующему заключению: «... ценностная ориентация судей обладает достаточно высокой монолитностью. На первом месте судьи располагают «обеспечение законности», на втором — «защиту прав граждан», на третьем — «обеспечение справедливости»³. В этой связи интерес представляет вопрос: каким образом данные ориентиры судей могут обеспечить верховенство права и правовую определенность?

Как отмечает Кеннет Галлант, «... принцип законности в уголовном праве в различных системах включают «правило против *ex post facto* законов», «принцип неретроактивности преступлений и наказаний», «требование *lex certa* (право должно быть ясным и определенным)», «требование *lex stricta* (право должно быть точно сформулировано)», и «правило *jus de non evocando* (против перемещения разбирательства из регулярного в специальный суд)»⁴. Им выделяются четыре составляющие данного принципа. Первая подразумевает защиту индивидуальных прав человека. Вторая — легитимность управления. Третья включает законность в уголовном праве в структуру демократического (или даже недемократического) управления путем наделения законотворческими полномочиями надлежащего органа государственной власти, что можно обозначить в качестве демократизма и разделения властей. Четвертая относится к обеспечению целей криминализации⁵. Среди ука-

¹ Как судьи принимают решения... С. 138

² Там же.

³ Там же. С. 146.

⁴ Gallant K. The Principle of Legality in International and Comparative Criminal Law. New York, 2009. P. 13.

⁵ Основных из них Кеннет Галлант выделяет три: возмездие, изоляция и реабилитация. См. там же. С. 26.

занных составляющих для определения соотношения законности и правовой определенности наибольшее значение имеет первая — защиты прав человека.

Кеннет Галлант указывает: «Важность принципа законности, как защиты лица в уголовном праве, по меньшей мере тройственна. Законность, во-первых, устанавливает, что тот, кто желает избежать уголовной ответственности, может это сделать благодаря осведомленности о том, какие действия государство или иное правотворческое и правоприменительное образование будет рассматривать в качестве уголовно-наказуемых, и какое наказание в дальнейшем за них последует. Это обеспечивает предсказуемость суждения о правовых последствиях действий»¹. Также им отмечается, что это правило тесно связано с запрещением коллективных наказаний при отсутствии соучастия в преступлении и запрещению ретроактивности преступлений и наказаний².

Далее Кеннет Галлант замечает: «Уведомление [о противозаконности] требует не только чтобы право существовало, но также чтобы оно было применимо по отношению к лицу, совершающему противоправное действие, в момент его совершения. Право не применимо к нарушителю, если он не был осведомлен о требовании соотносить свое поведение со стандартами, установленными правом. Также право должно быть доступно для тех, на кого оно распространяется. Следовательно, доступность права через его публикацию — это главная задача принципа уголовно-правовой законности, воспринятая в большинстве существующих обществ»³.

Таким образом, в рассуждениях Кеннета Галланта о принципе законности прослеживается тождественность целей данного принципа с такими значениями правовой определенности, как «ясность правового регулирования» и «строгость установленных законом сроков». Данным автором отмечено: «Законность в уголовном праве является необходимой для исторической концепции верховенства права, которая направлена на сдерживание тирании, возникающей из произвольного применения принудительной силы»⁴. Учитывая, что правовая определенность по сути является компонентом верховенства права, а также свойством, присущим праву,

¹ Gallant K. Указ. соч. С. 20.

² См. там же.

³ Gallant K. Указ. соч. С. 20.

⁴ Там же. С. 21.

можно утверждать, что законность подразумевает правовую определенность и существует благодаря ней. Данные принципы имеют одну функцию: защиты от произвола. Отсутствие правовой определенности приводит к беззаконию, как обратной стороне законности. Беззаконие означает правовую неопределенность.

Вместе с тем, как подтверждается практикой ЕСПЧ, сама по себе законность является более узким принципом по сравнению с правовой определенностью, поскольку требует соответствия действий субъектов права только закону. Европейский Суд при рассмотрении каждого дела, чаще, безусловно, по делам о лишении свободы в рамках статьи 5 Конвенции, соотносит закон с требованием о его «качестве», вытекающем из верховенства права и правовой определенности. Таким образом, правовая определенность, как свойство и принцип права, является критерием оценки закона на исполнимость им тех функций, которые обеспечиваются в равной степени законностью и правовой определенностью. Законность, однако, имеет иные составляющие, помимо защиты прав человека, среди которых легитимность, демократизм и разделение властей, а также обеспечение целей криминализации. Но и они, в свою очередь, во многом достигаются благодаря определенности, как исходному критерию законности.

Так можно проследить взаимосвязь законности и правовой определенности, как принципов, обеспечивающих стабильность правового регулирования и, как следствие, легитимность права. В частности, Кеннет Галлант замечает по поводу запрета ретроактивного действия закона, что он (запрет) «... вселяет уважение к праву как таковому, а также поддерживает его легитимность и соблюдение не исключительно по причине страха наказания»¹. Кроме того, им указано: «Законность также привносит уверенность в то, что действия, которые не нарушают закон, как он установлен, не будут наказаны, снижая страх нелегитимности правотворчества и правоприменения. Законность также способствует легитимности в той степени, в которой направляет законодателей на написание ясных законов, которые могут быть применены предсказуемо, что не позволит судам узурпировать полномочия законодателя путем применения неясных законов. Такое применение будет, по определению, не-

¹ Gallant K. Указ. соч. С. 23.

предсказуемым, как минимум до дачи соответствующих пояснений [о толковании закона] судом. Непредсказуемость (по крайней мере, которая направлена против обвиняемого) может избегаться, если суды всегда будут применять наиболее ограничительную интерпретацию из доступных. Не смотря на главное правило о том, что уголовные законы должны строго соблюдаться, во многих правовых системах сомнения, касающиеся толкования уголовного закона, не всегда разрешаются в пользу подсудимого»¹.

Отсюда, принцип правовой определенности направлен на защиту прав граждан и обеспечение законности. Законность и определенность, как принципы права, имеют одинаковые функции. Законность, в свою очередь, является критерием легитимности существующего правопорядка и стабильности. Правовая определенность обеспечивает законность.

Конституционным Судом РФ, как и ЕСПЧ, часто указывалось, что определенность может входить в противоречие со справедливостью. Однако в иных ситуациях, например, в Постановлении от 29.01.2004 № 2-П Конституционный Суд РФ указал, что справедливость предполагает определенность. Представляется, что справедливость судебного разбирательства обеспечивается как законностью, так и правовой определенностью. В случае наличия «существенного нарушения» или «судебной ошибки» справедливым будет отойти от правовой определенности для их устранения. Однако излишний формализм является «правовым пуризмом» и не перевешивает требований определенности.

Отсюда, законность может обеспечивать как справедливость, так и формализм. Однако, в рассмотренных случаях данная законность является процессуально-правовой. Вместе с тем, нормы материального права устанавливают права и обязанности сторон за пределами судебного заседания. Такие значения правовой определенности, как неопровержимость судебных решений, строгость установленных законом сроков, так или иначе относятся к сроку совершения действий или сроку действия права, т.е. носят процедурный характер. Вместе с тем, значение правовой определенности, обозначенное в качестве ясности правового регулирования, подразумевает как

¹ Gallant K. Указ. соч. С. 24.

процессуально-правовую ясность (ясность статуса лица, содержащегося под стражей для установления его прав и обязанностей), а также материально-правовую ясность, т.е. «качество закона», который не должен допускать двусмысленных толкований. С учетом практики ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ видится тенденция, согласно которой ординарными российскими судами приоритет должен отдаваться материально-правовой определенности перед процессуально-правовой. Приведенное ЕСПЧ правило о балансе строгости и гибкости закона относимо к процессуально правовому регулированию. Однако критерием для установления излишней строгости норм материального права, т.е. их несправедливости, должен быть срок исковой давности или привлечения к ответственности. В иных случаях формально-определенные и доведенные до всеобщего сведения положения закона должны исполняться неукоснительно. «Качественная» законность должна возобладать.

Так же в вопросах о соотношении интересов граждан и государства в основном внимание ЕСПЧ и Конституционным Судом РФ акцентируется на приоритете интересов граждан в случае наличия у них разумных ожиданий получения от государства того, что оно обязано предоставить, а также защита от произвола. Однако, при наличии «настоятельных требований общественного интереса», допускается отойти от интересов гражданина в пользу государства.

В этой связи следует обратить внимание на проблему ретроспективного правоприменения, которое может быть осуществлено российскими судами на основании Постановления Верховного Суда РФ.

Конституционным Судом РФ в Постановлении от 21.01.2010 № 1-П отмечалось, что «исходя из анализа практики ЕСПЧ ... государство не может произвольно вмешиваться в процесс судебного разрешения дела. Если, проиграв дело в суде, государство добилось возобновления производства по делу путем принятия нового законодательства и придания ему обратной силы, то это свидетельствует о возможном нарушении права на справедливое судебное разбирательство»¹. Кроме того, в указанном Постановлении была обозначена позиция, согласно которой ухудшать положение лиц не должны ни новый закон, ни новое толкование дей-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 6.

ствующего закона. На основании этого правила Конституционным Судом РФ делается вывод о недопустимости пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам, если оно носит публично-правовой характер, либо гражданско-правовой, но им затрагиваются интересы неопределенного круга лиц, либо заведомо более слабой стороны в правоотношении¹.

В свою очередь ВАС РФ в Постановлении Пленума от 30.06.2011 № 52 «О применении положений АПК РФ при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам» в п. 11 обозначил позицию, согласно которой придание обратной силы правовой позиции недопустимо лишь при ухудшении положения лица, привлекаемого или привлеченного к публично-правовой ответственности. Указанная позиция была продублирована в Постановлении Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 12.

В.И. Еременко высказал обоснованные возражения относительно того, что участники гражданского оборота не могут нести ущерб, подобный участникам публично-правовых отношений, по причине издания постановления высшего суда, меняющего правоприменительную практику, и сделал вывод: «По замыслу составителей Постановления № 52 принцип недопустимости придания обратной силы нормам, ухудшающим положение лиц, не распространяется на все иные случаи (помимо публично-правовой ответственности — А.С.), что, несомненно, приведет к подрыву стабильности гражданского оборота»². Как отмечено Конституционным судом РФ в Постановлении от 21.01.2010 № 1-П и в приведенных в нем постановлениях Европейского Суда, ухудшение положения лиц возможно по делам, где

¹ По тексту Постановления: «Во всяком случае недопустимо придание обратной силы толкованию правовых норм, ухудшающему положение подчиненной (слабой) стороны в публичном правоотношении. ... При этом не исключается возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов на основании правовой позиции, впоследствии сформулированной в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, если это необходимо для восстановления и защиты таких прав и интересов, которые в силу их конституционно-правового значения не допускают сохранения судебного акта в силе, в том числе если в результате нового толкования улучшается положение лиц, привлекаемых к налоговой, административной или иной публично-правовой ответственности, а также в исключительных случаях по делам, вытекающим из гражданских правоотношений, если этого требуют – по своему существу публичные – интересы защиты неопределенного круга лиц или заведомо более слабой стороны в правоотношении».

² См.: Еременко В.И. Перспективы развития прецедентного права в России // Адвокат. 2013. № 6. С.17-27

речь не идет об ответственности, а ставится вопрос о возможном получении определенных благ (к примеру — пенсий¹).

Также необходимо учитывать, что придание обратной силы постановлениям высших судов расходится с романо-германской доктриной права. Так в одной из своих статей, посвященных проблемам судебного прецедента, судьи Конституционного суда РФ К.В. Арановский и С.Д. Князев отмечали различия в подходах к обратной силе судебного решения в англо-саксонской и романо-германской правовых семьях. Обращая внимание на то, что в системе общего права суды не создают новых норм, а лишь провозглашают уже имеющееся право, они указывали на возможность последующего пересмотра дела, основанного на отмененном прецеденте, если при рассмотрении данного прецедента были допущены ошибки, выявленные вышестоящей судебной инстанцией. Таким образом, дело, основанное на неверном прецеденте, подлежит пересмотру, поскольку обозначил наличие определенного права вышестоящий суд, а не суд инстанции, изначально создавший неверный прецедент. Кроме того, в системе общего права отсутствует обратная сила закона, так как власть не открывает и не провозглашает *common law*, а вводит новые нормы, не предназначенные исправлять прошлые судебные ошибки.

С другой стороны, в континентальной традиции «судебная практика принципиально не свободна от логических пассажей, на которых держатся идеи прецедента и его ретроспективная сила».

Однако, по причине того, что эта практика привязана к закону, она не должна быть основанием для пересмотра законченных дел вслед его запоздалому истолкованию. В свою очередь, при признании закона несоответствующим Конституции, Конституционный Суд РФ, по аналогии с дисквалификацией прецедента, признает, что права в таком законе нет. Отсюда вытекает возможность пересмотра дела в связи с признанием закона неконституционным². Принимая во внимание, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод содержит права, аналогичные изложенным в главе 2 Конституции РФ, следует согласиться также с Т.Т. Алиевым,

¹ См. напр. Постановление Европейского суда по правам человека от 19.06.2008 по делу «Ерогова (Yerogova) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2009. № 11. С. 78 – 90.

² См. Арановский К.В., Князев С.Д. Судьба судебного прецедента в романо-германском праве // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4. С. 30 – 39.

отметившим, что нарушение данной Конвенции порой является и нарушением Конституции РФ. Следовательно, устранение нарушений Конвенции Европейским Судом одновременно устранил нарушения Конституции РФ, что будет соответствовать принципу верховенства права¹. Учитывая принцип субсидиарности в деятельности ЕСПЧ, следует отметить, что использование решений данного суда в качестве новых обстоятельств является адекватным средством реализации возможности восстановления прав заинтересованных лиц². В свою очередь, акты Пленума или Президиума Верховного суда РФ, при их использовании в качестве новых обстоятельств, при пересмотре судебных решений, не обладают подобными признаками, но по своей силе превосходят закон, по общему правилу обратной силы не имеющий³.

Поскольку при толковании закона новых норм права не создается и не изменяется, сложно согласиться с пересмотром вступивших в силу судебных решений в связи с изданием Постановления Пленума или Президиума соответствующего высшего суда, даже при условии наличия в нем специальной на то оговорки. Принимая во внимание, что для отмены судебного решения в порядке надзора должно быть допущено «фундаментальное нарушение», можно сделать вывод о недопустимости нарушения принципа правовой определенности ввиду появления нового толкования нормы высшим судом, что не является исправлением существенных или фундаментальных ошибок, а лишь выражает иную точку зрения по делу⁴. Так в деле «Колоскова против России» ЕСПЧ исследовался вопрос о применимости правовых позиций двух Постановлений Пленума Верховного суда от 2005 и 2007 годов в качестве оснований для отмены решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам⁵. Евро-

¹ Алиев Т.Т. Перспективы развития института вновь открывшихся и новых обстоятельств по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 2. С. 42.

² См. об этом Ильин А.В. Некоторые вопросы, связанные с признанием постановления Европейского суда по правам человека основанием для пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 5. С. 44-50.

³ Алиев Т.Т. К вопросу о новых обстоятельствах в гражданском процессе в аспекте реализации главы 42 ГПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 12. С. 27.

⁴ По справедливому замечанию Булыкина А.А. появление в последующем иной правовой позиции лишь подтверждает наличие судебной ошибки, которая может быть и несущественной. См. Булыкин А.А. Высший арбитражный суд Российской Федерации в роли законодателя // Арбитражный и гражданский процесс. № 2, 2013. С. 58.

⁵ По жалобе Пенсионного фонда 31 марта 2008 г. городской суд отменил ранее вынесенное судебное решение ввиду вновь открывшихся обстоятельств. Суд признал, в частности, что в ранее вынесенном решении не были учтены

пейский Суд указал, что в первом случае «наличие различных правовых интерпретаций закона является основанием скорее для простого обжалования, чем обстоятельством, обосновывающим отмену судебного решения»¹. По поводу второго Постановления «Европейский Суд напоминает, что вновь открывшимися обстоятельствами считаются обстоятельства, которые существовали в момент рассмотрения дела судом, но были неизвестны суду и стали известны ему лишь после окончания рассмотрения дела. Поскольку разъяснения 2007 года были изданы после вынесения постановлений городскими судами, они не могут являться основанием для их отмены»². Помимо прочего, отсюда следует вывод, что суд не может при изменении своей позиции указать на это, как на существенное обстоятельство, способное повлечь отмену решений, основанных на толковании, допущенном высшим судом ранее.

Таким образом, на сегодняшний день в российской правовой системе доктринально всесторонне не урегулирован вопрос об обеспечении правовой определенности при использовании толкования права высшими судами в качестве новых обстоятельств. Так решение, вынесенное по делу, рассмотренному в соответствии с действующим законодательством и судебной практикой, при отсутствии каких-либо процессуальных нарушений и ошибок в применении материального права, может быть отменено в связи с изменением мнения высшего суда относительно толкования правовой нормы по иному делу. Отсюда у лиц, участвующих в деле, всегда имеется перспектива при наличии вступившего в законную силу решения суда, а также полной осведомленности о состоянии законодательства и практики его применения, понести ущерб в связи с возникновением новых обстоятельств в виде Постановления Пленума или Президиума Верховного Суда РФ, которого на момент рассмотрения дела еще не существовало. Указанная ситуация, в контексте изложенного выше, порождает неопределенность для лиц, участвующих в деле, несмотря на ограниченные сроки подобного пересмотра. Именованное подобных оснований возобновления производства по делу «новыми обстоятельствами» не снимает поставленных вопросов, а лишь по-

разъяснения законодательства о трудовых пенсиях, данные в Постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации, вынесенных в декабре 2005 года и марте 2007 года.

¹ Постановление ЕСПЧ от 21.10.2010 по делу «Колоскова против Российской Федерации» § 14 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 1. С.76-78.

² См. там же.

могает избежать возникавших ранее противоречий в понятиях. Однако, сегодня российскими судами и законодательными органами поддерживается позиция, согласно которой отход от правовой определенности при таких обстоятельствах является справедливым без оговорок о том, чем изменение толкования права Верховным Судом РФ должно вскрыть наличие существенного нарушения или судебной ошибки.

Приведенный пример в совокупности с продемонстрированной статистикой правоприменительной практики ординарных судов демонстрирует важность теоретического осмысления и практического внедрения правил соотношения принципа правовой определенности с иными принципами права, а также соотношения его значений. Представляется, что наиболее эффективным способом такого внедрения будет принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О порядке применения арбитражными судами и судами общей юрисдикции принципа правовой определенности», которым допустимо утвердить следующие положения:

1. Принцип правовой определенности является компонентом принципа верховенства права и означает состояние правового регулирования, при котором для субъектов права обеспечены, во-первых, ясность правовых норм, во-вторых, ясность вытекающих из них прав и обязанностей, и, в-третьих, уверенность в окончательности результата правоприменительной деятельности.

2. Принцип правовой определенности как правило употребляется в следующих значениях: ясность правового регулирования; стабильность правового регулирования; неопровержимость судебных решений; строгость установленных законом сроков. При этом следует учитывать, что правовое регулирование является ясным в случае, если исходя из норм права возможно установить содержание прав и обязанностей сторон правоотношений. Также правовое регулирование является стабильным, если исходя из существующих норм права возможно осуществление ожиданий граждан, связанных с данными нормами.

3. Принцип правовой определенности имеет материально-правовое и процессуально-правовое выражение. Так ясное закрепление прав и обязанностей в праве, относится к материально-правовому аспекту принципа правовой определенности, поскольку подразумевает возможность для лица уяснить суть права и

реализовать его. Соответствует материально-правовой определенности в большей степени значение ясности правового регулирования, а также стабильности правового регулирования, поскольку они подразумевают урегулирование государством прав и свобод, закрепленных непосредственно в нормах Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также Конституции РФ. Неопровержимость судебных решений, строгость установленных законом сроков — в большей степени являются процессуальными, обеспечивающими должную процедуру соблюдения закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также Конституции РФ прав и свобод. При конкуренции указанных значений правовой определенности приоритет должен отдаваться материально-правовой определенности с учетом положений п. 4 настоящего Постановления.

4. Принцип правовой определенности может входить в противоречие с иными принципами права. При этом предпочтение должно отдаваться тому принципу, который обеспечивает установление разумного баланса интересов личности, общества и государства. Отход от принципа правовой определенности должен быть основан на наличии существенного нарушения, допущенного в ходе осуществления правосудия, либо судебной ошибки.

Принятие приведенных условных отправных положений позволит внести весомый вклад в устранение ситуаций, когда суды используют принцип правовой определенности для обеспечения удобства собственного функционирования, а не осуществления своего главного назначения, которым, по верному замечанию Н.А. Колоколова, является «... разрешение политических, социальных, экономических и прочих видов конфликтов»¹.

¹ Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен. М., 2007. С. 254.

§ 3. Принцип правовой определенности в практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции

Необходимость имплементации практики конституционной и конвенционной интерпретации принципа правовой определенности, приведенной выше, в отечественное законодательство, практику российских судов общей юрисдикции и арбитражных судов диктуется универсальностью данного принципа, его высокой значимостью и практической пользой. Выявленные значения принципа правовой определенности позволяют установить два ключевых момента, которые необходимо учитывать судам при осуществлении ссылок на правовую определенность в судебных актах. Во-первых, это ситуации, в которых он подлежит применению, а во-вторых — пределы применения. Последние определяются значимостью функций правовой определенности, благодаря которым можно определить приоритетность той или иной охраняемой ценности.

В традициях отправления правосудия российскими судами использование принципа правовой определенности только начинает свое становление, несмотря на внушительный массив практики Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ. Допустимо предположить, что данная проблема происходит из трудности реформирования устоявшихся методов отправления правосудия, а также представлений судей о роли суда в данном процессе. В.В. Волков рассматривая проблему эволюции российских судов с момента принятия Конституции РФ 1993 года употребил термин «институциональная инерция» применительно к ситуации с наличием в рядах современных судей людей большого количества работников, получивших образование и практический опыт в советское время и применяющих апробированные годами воззрения на право и статус сторон судебного разбирательства к сегодняшним реалиям¹.

Кроме того, весомый вклад в проблему вносит перегруженность российских судов, в силу которой они вынуждены фильтровать большой массив работы, распределяя ее на основную и второстепенную. Также проблема имплементации

¹ См. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. М., 2012, С. 11.

практики применения принципа правовой определенности ЕСПЧ в системе арбитражных судов и судов общей юрисдикции РФ тесно связана с осведомленностью высших региональных судебных инстанции о такой практике, ее анализе и внедрении в процессе судопроизводства, осведомленностью о значении той или иной позиции в ракурсе проанализированных Европейским Судом правовых отношений. Представляется, что на сегодняшний день данная работа находится только на начальной стадии. Например, 13.11.2010 в рамках конференции о реализации ЕКПЧ¹ Пермским краевым судом был подготовлен документ, именуемый «Значение Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики Европейского Суда в реформировании российской судебной системы на краевом уровне», где было представлено обобщение практики ЕСПЧ по 59 делам, принятым за период 2009-2010 годов². В то же время, в указанный период времени только против России было принято Европейским Судом 707 Постановлений из общего числа Постановлений ЕСПЧ за данный период, составившего 6302³. В приведенном Заключении отмечается: «Анализ судебных постановлений показал, что при вынесении постановлений суды Пермского края исходили и из складывающейся судебной практики Европейского Суда по правам человека».

Московский городской суд упоминает принцип правовой определенности в 17 541 актах⁴, в основном, кассационных определениях об отказе в передаче жалобы на рассмотрение. Среди них 324 акта не содержит каких-либо пояснений о значении принципа правовой определенности, помимо указания на его нарушение. Также 23 акта Мосгорсуда заимствуют позиции Конституционного Суда РФ о правовой определенности по вопросам о ясности правового регулирования. Оставшаяся часть, 17 194 акта Мосгорсуда, содержат интерпретацию принципа

¹ Новости официального сайта Уполномоченного по правам человека в Республике Татарстан // URL: <http://upch.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/69815.htm> (дата обращения 12.08.2014)

² Значение Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики Европейского Суда в реформировании российской судебной системы на краевом уровне // СПС Консультант Плюс

³ HUDOC European Court of Human Rights official site // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/Pages/search.aspx#> (дата обращения 12.08.2014).

⁴ Статистика получена на основании актов Мосгорсуда, содержащихся в СПС «Консультант Плюс».

правовой определенности в значении неопровержимости судебных решений¹ для обоснования отказа в рассмотрении надзорной жалобы.

Подобная односторонняя направленность воззрений судов на принцип правовой определенности может иметь причиной непопулярность использования практики ЕСПЧ в ординарных судебных инстанциях. Например, в правоприменительной практике Пермского краевого суда на 17.10.2014 было осуществлено указание на принцип правовой определенности в 69 решениях, среди которых 6 Постановлений и 63 Определения. Указание на практику ЕСПЧ или ссылки на ЕСПЧ были осуществлены в 11 случаях.

Особо следует отметить форму осуществляемых ссылок. Так в определении Пермского краевого суда от 04.05.2011 по делу № 33-3558 указано: «В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда по правам человека заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру». В то же время, ссылок на какое-либо конкретное Постановление не осуществлено по тексту процитированного судебного решения, как и в остальных одиннадцати постановлениях. Кроме того, все акты Пермского краевого суда, имеющие ссылки на практику ЕСПЧ, касающуюся принципа правовой определенности, содержат его трактовку исключительно в значении «неопровержимости судебных решений». Рассматривая практику высших судов России, Пермский краевой суд трактует принцип правовой определенности и в иных значениях. Так в Определении от 02.12.2013 по делу № 33-11189/2013 данным судом указано, что правовая определенность предполагает в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ, отраженной в Постановлении от 24 мая 2001 года № 8-П, стабильность правового регулирования. Аналогичные позиции представлены в 28 актах данного суда, касающихся выплаты пенсий².

Представляются, что подобная ситуация связана напрямую с редким и фрагментарным заимствованием Верховным Судом РФ позиций о правовой определен-

¹ Данные получены путем применения фильтра в системе поиска СПС Консультант Плюс. В фильтр вносились стандартные формулировки, используемые судами при обосновании недопустимости отмены вступившего в законную силу судебного решения.

² См. напр. Определение Пермского краевого суда от 28.05.2014 по делу № 33-4374; Постановление президиума Пермского краевого суда от 11.03.2011 по делу № 44-г-101; Определение Пермского краевого суда от 12.03.2014 по делу № 33-2225.

ности у Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ. По состоянию на 31 декабря 2014 года Президиумом и Пленумом Верховного Суда РФ было принято всего 24 Постановления, содержащих ссылки на принцип правовой определенности¹.

В Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 05.11.2014 № 120-П14 указано, что «...практика содержания обвиняемых под стражей без конкретных правовых оснований или ясных правовых норм, регламентирующих их положение, что в итоге приводит к возможности лишения их свободы в течение неограниченного периода времени без санкции суда, несовместима с предусмотренными Конвенцией принципами правовой определенности и недопустимости произвольного применения полномочий»².

На основании Постановления ЕСПЧ по делу «Ефимова против России» от 19.02.2013³ Верховный Суд РФ в Постановлении от 21.05.2014 № 44-П14 установил, что содержание под стражей без юридических оснований и при отсутствии четких правил, которые бы регулировали эту ситуацию, несовместимо с принципом правовой определенности. Аналогичная ситуация наблюдается в Постановлениях Верховного Суда РФ от 16.04.2014 № 1-П14, от 24.03.2010 № 18-П10 и от 21.07.2010 № 5-П10, где принцип правовой определенности был заимствован из акта ЕСПЧ по конкретному делу заявителя.

В обзоре законодательства и судебной практики, утвержденном Постановлением Президиума Верховного Суда РФ, отмечается, что отсутствие в судебном акте конкретного срока продления меры пресечения и конечной даты этого срока нарушает принцип правовой определенности⁴. В обзоре за 2007 год⁵ указано, что «Законодатель ... не принял мер для создания правовой определенности, в результате чего педагогические работники не могли предвидеть в дальнейшем исключение из педагогического стажа работы в должности «пионервожатая». Таким образом, принцип правовой определенности употреблен один раз в значении «стабильности правового

¹ Информация получена из СПС «Гарант» и СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 05.11.2014 № 120-П14

³ См. ECtHR Judgment on Case Yefimova v. Russia // <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-116740> (дата обращения 19.04.2014).

⁴ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2010 года // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, 2010.

⁵ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2007 года // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2007, № 11.

регулирования». В остальных случаях Президиум и Пленум Верховного Суда РФ употребляют принцип правовой определенности в значении неопровержимости судебных решений.

Следует, однако, отметить, что стандарт определенности, как свойство нормативного акта, содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части», в пункте 25 которого указано, что «проверяя содержание оспариваемого акта или его части, необходимо также выяснять, является ли оно определенным», т.е. установить возможность «неоднозначного толкования». Таким образом, поводом для отмены нормативного акта судом общей юрисдикции является «обнаружившееся неопределенность» равно как и при рассмотрении Конституционным Судом РФ вопроса о соответствии федерального закона Конституции РФ.

Следовательно, Верховным Судом РФ принцип правовой определенности используется в тех же самых значениях, что и Конституционным Судом РФ, но объем практики данных судов по поводу данного принципа и уделяемое ему внимание не сопоставим.

В системе арбитражных судов принцип правовой определенности имплементирован в правоприменительный процесс в большем объеме.

Пленумом и Президиумом Высшего арбитражного суда России было принято 66 решений со ссылками на принцип правовой определенности¹. Причем впервые он упоминается в Постановлении Президиума ВАС РФ от 14.11.1995 № 9401/93, т.е. еще до ратификации ЕКПЧ Россией. Согласно данному Постановлению, «Постановление (Правительства РФ) также вносит правовую определенность в вопрос о закреплении за общественным Международным центром Рерихов одного из помещений усадьбы — флигеля, которым фактически пользуется центр»². Таким образом, значимость правовой определенности, как принципа ясности правового регулирования, была обозначена ВАС РФ еще в 1995 году.

¹ Данные получены из СПС Консультант Плюс по состоянию на 27. 02.2015, т.е. после упразднения ВАС РФ.

² Постановление Президиума ВАС РФ от 14.11.1995 № 9401/93 // «Вестник ВАС РФ», 1996, № 2.

В оговорках об обратной силе Постановлений Пленума ВАС РФ принцип правовой определенности употребляется так же в значении ясности правового регулирования. Например, в п. 4 Постановлении Пленума ВАС РФ от 06.12.2013 № 87 указано: «4. Вступившие в законную силу судебные акты арбитражных судов, принятые на основании нормы права в истолковании, расходящемся с содержащимся в настоящем постановлении толкованием, могут быть пересмотрены на основании пункта 5 части 3 статьи 311 АПК РФ, если для этого нет других препятствий. Вместе с тем в целях соблюдения принципа правовой определенности и во избежание нарушения разумных ожиданий участников гражданского оборота разъяснения, содержащиеся в абзацах втором и третьем пункта 2 настоящего постановления, не могут служить основанием для пересмотра судебных актов, принятых до его опубликования на сайте Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, по новым обстоятельствам»¹.

Также в Постановлении Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 99 указано: «В целях реализации принципа правовой определенности и эффективного рассмотрения дела в разумный срок вопрос о необходимости обращения к председателю суда с мотивированным заявлением о продлении срока рассмотрения дела в порядке, предусмотренном частью 2 статьи 152 АПК РФ, рекомендуется разрешать на стадии подготовки дела к судебному разбирательству». Отсюда, принцип правовой определенности употреблен в контексте процессуальных сроков.

В Постановлении Президиума ВАС РФ от 21.12.2004 № 9366/04 по делу № А14-1469-03/50/13 указано, что «...в целях правовой определенности акты законодательства о налогах и сборах обратной силы не имеют», т.е. исследуемый принцип употреблен в значении строгости установленных законом сроков.

В Постановлении Президиума ВАС РФ от 05.12.2006 № 11801/06 по делу № А40-16661/02-75-172 принцип правовой определенности употреблен в значении неопровержимости судебных решений. В частности, в нем отмечается в связи с раскрытием данного принципа, что «... судебный акт, выносимый при окончательном разрешении дела, не вызывает сомнений».

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 06.12.2013 № 87 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных со взысканием потерь ресурсоснабжающих организаций, вызванных межтарифной разницей» // «Вестник ВАС РФ», № 2, М. 2014. См. также п. 11 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» // «Вестник ВАС РФ», № 5, М. 2014.

Семнадцатый арбитражный апелляционный суд ссылается в своих решениях на практику ЕСПЧ не приводя ссылок на конкретные дела. Например, в Постановлении от 06.09.2012 № 17АП-8498/2012-АК по делу № А60-14032/2012 указано, что «Позиция Европейского суда по правам человека о недопустимости при рассмотрении спора чрезмерных правовых или практических преград означает неправомерность отказа заявителю в осуществлении его субъективного права на судебную защиту по формальным основаниям». Следует заметить, что указанная трактовка обосновывала восстановление пропущенного срока на судебное взыскание налоговым органом с предпринимателя налога на добавленную стоимость в пользу государства.

Среди Федеральных арбитражных судов ссылки на Постановления ЕСПЧ не осуществляются ФАС Дальневосточного округа¹, ФАС Западно-Сибирского округа², ФАС Центрального округа³.

Следует заметить, что данная проблема уже обозначена в юридической литературе и предложено ее решение. В совместной статье А.А. Васяева и С.А. Князькина отмечается, что использование позиций ЕСПЧ со ссылками на конкретные решения, их реквизиты, параграфы и абзацы «...проверить не только полноценность ссылки, но и точный смысл и содержание правовой позиции Европейского суда по рассматриваемому вопросу»⁴. Также данными авторами обосновывается необходимость ссылок на конкретные статьи и пункты; недопустимость заимствования позиций ЕСПЧ без учета их контекста; обязательность использования официальных источников опубликования Постановлений ЕСПЧ и точной цитаты актов Европейского Суда вместо их пересказа; использование пилотных Постановлений ЕСПЧ⁵.

¹ Автором не выявлено ни одного решения данного суда, содержащего ссылки на принцип правовой определенности в трактовке ЕСПЧ.

² Указанным судом сделаны ссылки на практику ЕСПЧ без привязки к конкретным делам в аспекте «неопровержимости судебных решений».

³ В решениях данного суда принцип правовой определенности рассматривается как «неопровержимость судебных решений». В Постановлениях ФАС Центрального округа от 07.04.2008 по делу № А14-6272/2007/261/13 и от 04.04.2008 по делу № А14-6272/2007/261/13 указано, что «ссылка заявителя на практику ЕСПЧ не состоятельна, поскольку она имела места в отношении судов общей юрисдикции».

⁴ Васяев А.А., Князькин С.А. Правила использования решений Европейского суда по правам человека в устной и письменной речи участников уголовного судопроизводства // Адвокат. 2014. № 2. С. 25 – 26.

⁵ См. Васяев А.А., Князькин С.А. Указ. соч. С. 24 – 26.

В то же время, ссылки на конкретные Постановления ЕСПЧ, содержащие позиции о правовой определенности, осуществляются Судом по Интеллектуальным правам¹ (только как о «неопровержимости судебных решений»), ФАС Волго-Вятского округа² (только как о «неопровержимости судебных решений»), ФАС Восточно-Сибирского округа³ (только как о «неопровержимости судебных решений»), ФАС Московского округа (как «неопровержимость судебных решений»⁴ и единообразие судебной практики⁵), ФАС Поволжского округа⁶ (только как «неопровержимость судебных решений»), ФАС Северо-Западного округа⁷ (только как «неопровержимость судебных решений»), ФАС Северо-Кавказского округа (как «неопровержимость судебных решений» и обоснование недопустимости восстановления срока исковой давности⁸), ФАС Уральского округа⁹ (только как «неопровержимость судебных решений»).

В Постановлении ФАС Московского округа по делу об обжаловании определения суда об утверждении мирового соглашения указано, что «... отсутствие формальной процессуальной возможности для обжалования определения Арбитражного суда города Москвы от 07.07.2010 в данном конкретном случае не означает, что такое определение вообще не подлежит обжалованию и судебной проверке, поскольку им существенно нарушены права и законные интересы ответчика (должника), защищаемые в судебном порядке, которые не могут быть восстановлены без устранения или изменения ошибочного судебного акта»¹⁰, что является одним из позитив-

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17.12.2013 № С01-313/2013 по делу № А72-3926/2012

² Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 17.02.2014 по делу № А43-31432/2012

³ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 29.02.2012 по делу № А58-8818/07. Среди всех пяти постановлений данного суда ссылки имеются только на постановление по «делу Рябых».

⁴ Постановление ФАС Московского округа от 04.08.2014 № Ф05-8105/2014 по делу № А40-13934/2010.

⁵ Постановление ФАС Московского округа от 25.12.2013 № Ф05-16421/2013 по делу № А40-151241/12-12-698.

⁶ Постановление ФАС Поволжского округа от 15.04.2014 по делу № А12-23806/2010. Следует отметить, что данным судом вынесено наибольшее в системе окружных арбитражных судов количество постановлений (46 постановлений) с указанием на принцип правовой определенности. Практически во всех Постановлениях судом сделана ссылка исключительно на дело «Праведная против России».

⁷ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 26.10.2011 по делу № А56-1871/2005.

⁸ Данным судом сделаны ссылки в том числе на Постановления Европейского Суда по правам человека от 22.06.2000 по делу «Коэм и другие против Бельгии» и от 07.07.2009 «Станьо против Бельгии», т.е. на решения, принятые не против России. См. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 21.02.2013 по делу № А77-809/2012.

⁹ В Постановлениях ФАС Уральского округа от 09.12.2011 № Ф09-7668/11 по делу № А71-1629/2011, от 23.06.2011 № Ф09-2483/11-С5 по делу № А60-33318/2010-С2; от 23.06.2011 № Ф09-2476/11-С5 по делу № А60-33319/2010-С2 суд ссылается на Постановление ЕСПЧ по делу «Сутяжник против России», отмечая, что отсутствие подведомственности арбитражного суда не является основанием для отмены вступившего в силу судебного решения.

¹⁰ Постановление ФАС Московского округа от 13.12.2010 № КГ-А40/15518-10 по делу № А40-49794/03-10-506.

ных примеров толкования принципа правовой определенности, встречающихся в судебной практике довольно редко.

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев российские суды используют принцип правовой определенности исключительно для обоснования недопустимости пересмотра вступившего в законную силу судебного решения. Как отмечено в аналитическом материале А. Киселева ФАС округов реже прибегают к упоминанию принципа правовой определенности как мотива отклонения жалобы, по сравнению с кассационными судами общей юрисдикции¹. В этой связи следует отметить, что, Верховный Суд РФ дал по этому поводу важное указание в п. 12 Постановления Пленума от 27.06.2013 № 21: «... необходимость соблюдения разумных сроков судопроизводства не может оправдывать ограничение иных прав, предусмотренных в статье 6 Конвенции (например, права на процессуальное равенство сторон в судебном процессе; права обвиняемого задать вопрос показывающему против него свидетелю). Поэтому суд не должен под предлогом соблюдения разумных сроков судопроизводства отказывать в исследовании доказательств, необходимых для полного и объективного разрешения дела, а также для обеспечения процессуального равенства сторон»². Отсюда, общее указание на недопустимость одностороннего понимания прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, с целью процессуальной экономии и вопреки справедливому балансу интересов сторон судебного разбирательства, Верховным Судом РФ уже дано.

Следовательно, проблема имплементации практики ЕСПЧ о правовой определенности в российское законодательство является проблемой конфликта интересов. С одной стороны, судебная власть нуждается в разгрузке, что порождает необходимость действенной реализации принципа процессуальной экономии. С другой стороны, принцип справедливости судебного разбирательства требует полного и всестороннего рассмотрения дела и установления истины по делу. Вместе с тем, имеется множество признаков того, что принцип правовой определен-

¹ Киселев А. Конституционная основа отмены судебных решений в кассационной инстанции // СПС Консультант Плюс. 2014.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // «Российская газета», № 145, 05.07.2013.

ности воспринят судебной системой, в основном, с целью процессуальной экономии, достигаемой за счет отказа в пересмотре судебных решений исходя из корпоративных интересов. Следовательно, определяя причины узкого использования судами субъектов России и федеральных арбитражных округов принципа правовой определенности и фрагментарного заимствования позиций высших судов, следует обратить внимание на понятие «правоприменительной политики». Как указано в совместной статье С.Б. Полякова и Е.Ю. Нечкиной, «... правоприменительная политика — это цели деятельности правоприменительных органов, определенные ими исходя из своих корпоративных интересов, а также задачи, планируемые и контрольные мероприятия по их реализации в деятельности их должностных лиц, не соответствующие целям закона и правовой политики»¹.

Рассматривая проблему однонаправленного применения принципа правовой определенности с данной стороны следует согласиться с Н.С. Колоколовым, отметившим: «В современных условиях судья, принимая решение, всегда должен помнить, что уровень его справедливости должен быть столь высок, чтобы спустя столетия наши потомки не сомневались бы в правильности сделанных судом выводов. Несправедливые, конъюнктурные судебные решения существовали всегда. Однако их наличие (несмотря порой на их высокие количественные показатели) — это своего рода исключение из общего правила, только подчеркивающее его значимость. Ибо отказ от правосудия как формы разрешения социальных конфликтов всегда чреват забвением права вообще как формы социального сознания человечества»².

Кроме того, заслуживает внимания проведенное В. Волковым и А. Дмитриевой исследование кадрового состава судейского корпуса. Авторами указано: «... исследование фиксирует присутствие аппаратно-бюрократической субкультуры, рост которой объясняется доминирующим способом набора судейских кадров —

¹ См. Поляков С.Б., Нечкина Е.Ю. Понятие правоприменительной политики // Адвокат. 2013. № 8 С. 42. По вопросу процессуального формализма см. также: Алексеевская Е.И. Справедливость акта мирового судьи в гражданском процессе // Мировой судья. 2014. № 6. С. 12 – 15; Алексеевская Е.И. О соблюдении принципа правовой определенности в производстве в суде надзорной инстанции // «Законы России: опыт, анализ, практика», 2008, № 4; Поляков С.Б., Нечкина Е.Ю., Сидоренко А.И. Правовая неопределенность бизнеса – часть уголовной политики в России? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3(14). С.77 – 89.

² Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен. М., 2007. С. 263.

молодые женщины из аппарата судов. Эти кадры не только имеют преимущества в сильно забюрократизированной судебной системе, поскольку знают, как составлять документы, и привыкли к высоким нагрузкам, но и удобны, поскольку на первое место ставят такие качества, как ответственность и дисциплинированность, не имеющие специфического отношения к профессии судьи, а важные для любого подчиненного работника большой иерархической организации. ... Противостоят им кадры старой закалки, зрелые мужчины из прокуратуры и следственных органов, которые привыкли полагаться на свой опыт, понимание виновности или невиновности подсудимого и чувство справедливости. Они в большей степени соответствуют профессии судьи, чем вчерашние сотрудники аппарата, но их социализация пришлась на тот период или приходила в тех организациях, где права граждан не ставились во главу угла»¹.

Не оценивая качество имеющегося в работе В. Волкова и А. Дмитриевой обобщения полученного ими эмпирического материала, можно предположить, что представленная ситуация скорее верна. Указанные проблемы, в свою очередь, порождают трудности с восприятием европейской доктрины о правах человека, господстве (верховенстве) права и его компонентах. В связи с приведенными примерами из практики Пермского краевого суда и Мосгорсуда, а также арбитражных судов округов, допустимо утверждать, что помимо определения теоретического сущностного смысла правовой определенности, которым должны руководствоваться суды, следует также обозначить способ, благодаря которому позиции высших судов будут восприняты «механически».

Как указывала М.Е. Глазкова «... в современном арбитражном процессе получила отражение идея правовой определенности, разрабатывавшаяся еще в процессуальной науке дореволюционного периода. В содержание данного принципа ученые включали требование единообразия судебной практики (Е.В. Васьковский), определенности правовых предписаний, требований (И.А. Покровский). В XXI в. данная основа отправления правосудия понимается как:

¹ Там же. С. 155.

1. ограничение временными рамками судебной процедуры (включая стадию пересмотра принятых по делу судебных актов);
2. стабильность правового регулирования и существующих правоотношений;
3. ограничение возможности придания обратной силы актам законодательных и юрисдикционных органов, предсказуемость решений высших судов и стабильность выраженных в них правовых позиций;
4. недопустимость неоднократного пересмотра окончательного (вступившего в силу, подлежащего исполнению) решения по делу и др»¹.

В то же время, первый, второй и четвертый пункты приведенной цитаты, как правило, обосновывают именно отказ в рассмотрении жалобы на действия суда нижестоящей инстанции, мотивируя неумажительностью причины пропуска срока подачи жалобы, стабильностью сложившихся между сторонами правоотношений и недопустимостью отмены вступившего в силу решения суда.

Свирин Ю.А. предлагает закрепить принцип правовой определенности в специальной норме ГПК РФ². Автор указывает, что «... такое закрепление позволит избежать многих судебных ошибок, к сожалению, имеющих место в судебной практике, поскольку будет способствовать не только единому правопониманию, но и единому правоприменению»³.

Представляется, что законодательное закрепление правовой определенности было бы, безусловно, шагом к увеличению значимости данного принципа. В то же время, его конкретизация, как и любого принципа права, с выделением его отдельных значений и случаев применения, должна оставаться в рамках судебного толкования и в соответствии со стандартами правосудия, вытекающими из ЕКПЧ и Конституции РФ, являющихся «живыми инструментами» правосудия. Однако для ординарных судебных инстанций при этом остается проблема выбора ориентированности на практику того или иного суда. В связи с этим, следует отметить,

¹ Глазкова М.Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Анкил, 2012. С. 136

² Свирин Ю.А. Принцип правовой определенности в гражданском процессе // Современное право. 2013. № 11. С. 98.

³ Свирин Ю.А. Указ. Соч. С. 98.

что для наиболее оперативного решения обозначенных проблем таким ориентиром, исходя из современных реалий, должен являться Конституционный Суд РФ.

Так по результатам опросов адвокатов и судей А. Бурков указывал по поводу применения ЕКПЧ российскими судами, что «... главная проблема, которую выявили юристы Центра защиты прав СМИ, было отсутствие у судей знаний положений Конвенции. Аналогичная причина неприменения Конвенции в судебных делах была отмечена и юристами Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека общественного объединения «Сутяжник»¹. Кроме того, автор отмечает: «Анализируя материалы интервью, можно прийти к выводу, что ситуация по принятию судьями решений с учетом положений Конвенции представляет замкнутый круг. Судьи не обращаются к Конвенции, так как их к этому не мотивируют стороны процесса. Практикующие юристы не склонны строить свои позиции на основании Конвенции, потому что они уверены в непродуктивности такого способа ведения дел. При этом инициатива сторон играет ключевую роль в применении судом Конвенции по конкретному делу. Юристы общественных организаций добились успехов в применении Конвенции в связи с тем, что в отличие от адвокатов юристы общественных организаций, ведя дела, стремятся не только помочь конкретному клиенту, но и решить более глобальные юридические проблемы»². Указанные результаты исследования представляются близкими к истине с учетом приведенной выше статистики применения принципа правовой определенности ординарными судебными инстанциями.

Кроме того, необходимо также отметить, что в российской правоприменительной практике существует проблема применения Постановлений ЕСПЧ в рамках дел, по которым лицо, ссылающееся на данное Постановление, не являлось заявителем, при решении вопроса о возобновлении дела по новым обстоятельствам. Процессуальное законодательство поддерживает два противоположных подхода.

Так п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ установлено, что пересмотр «по новым обстоятельствам» может быть инициирован в т.ч. при установле-

¹ Как судьи принимают решения... С. 332.

² Как судьи принимают решения... С. 340.

нии Европейским Судом нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ.

В Определении Конституционного Суда РФ от 04.04.2013 № 505-О указано, что отсутствие в пункте 4 части четвертой статьи 392 ГПК РФ указания на возможность пересмотра по новым обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу, в связи с установлением Европейским Судом нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, допущенного при рассмотрении аналогичного дела по заявлению другого лица, не может рассматриваться как нарушающее конституционные права заявителей.

Также в Определении Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 № 455-О-О со ссылкой на приведенное выше Постановление указано, что 15 января 2009 года Европейским Судом по правам человека по жалобе «Бурдов против России (2)» было принято «пилотное» Постановление, которое вступило в силу 4 мая 2009 года. В этом Постановлении Европейский Суд констатировал нарушение Россией положений Конвенции в отношении конкретного заявителя — гражданина А.Т. Бурдова, а также признал наличие в России структурной проблемы, выражающейся в существовании несовместимой с требованиями Конвенции практики уклонения государства от погашения долгов, установленных судебными решениями, в отношении которой «потерпевшие стороны не располагают эффективным внутригосударственным средством правовой защиты». В связи с этим Европейский Суд обязал российские власти «создать эффективное национальное средство правовой защиты или комплекс таких средств, способных обеспечить адекватное и достаточное возмещение в связи с неисполнением или несвоевременным исполнением решений национальных судов».

Одновременно Европейский Суд приостановил на один год (до 4 мая 2010 года) рассмотрение жалоб против Российской Федерации соответствующей категории, в том числе жалобы В.М. Фурсова, и предложил российским властям, исходя из конкретных обстоятельств, в течение года самостоятельно обеспечить восстановление нарушенных прав заявителя. При этом Европейский Суд указал, что в случае,

если государство не предпримет достаточных мер по восстановлению нарушенных прав, по истечении срока исполнения «пилотного» Постановления производство по указанным жалобам будет возобновлено и продолжено в обычном порядке.

Основываясь на приведенных доводах Конституционный Суд РФ заключил, что возобновление производства по делу заявителя по новым обстоятельствам ГПК РФ не предусмотрено, поскольку его жалоба ЕСПЧ не рассмотрена.

В соответствии с п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52 согласно пункту 4 части 3 статьи 311 АПК РФ с заявлением о пересмотре судебного акта по новым обстоятельствам в связи с установленным ЕСПЧ нарушением положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении арбитражным судом конкретного дела могут обратиться лица, участвовавшие в деле, в связи с принятием решения по которому состоялось обращение в Европейский Суд, а также иные лица, не участвовавшие в данном деле, о правах и обязанностях которых арбитражный суд принял судебный акт. Таким образом, Пленум ВАС РФ расширил круг субъектов, имеющих возможность подавать заявления о возобновлении производства по делу в связи с таким новым обстоятельством, как Постановление ЕСПЧ.

Кроме того, п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ предусмотрен аналогичный пересмотр при установленном ЕСПЧ нарушении положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанного с:

- а) применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод;
- б) иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Отсюда, при принятии пилотного или иного Постановления ЕСПЧ, содержащего требования о принятии мер общего характера, процессуально их немедленное исполнение в ретроактивном порядке (по новым обстоятельствам) возможно только в рамках УПК РФ и АПК РФ.

Однако, если не рассматривать Постановление ЕКПЧ в качестве нового обстоятельства, а применять позицию ЕСПЧ о толковании Конвенции в рамках простого судебного разбирательства, то такое применение допускается согласно п. 4 ст. 15 Конституции РФ. О наличии у судов общей юрисдикции такой возможности дал разъяснение Верховный Суд в Постановлении Пленума от 10.10.2003 № 5, указав, что «... толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 31 — 33)»¹. Согласно п. b ч. 3 ст. 31 указанной Венской конвенции наряду с контекстом договора учитывается последующая практика его применения, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования. Следовательно, на основании п. 10 приведенного Постановления Пленума суды общей юрисдикции могут ссылаться на положения ЕКПЧ с учетом его толкования Европейским Судом.

Однако в связи с изложенным стоит всё же критически отнестись к замечанию О.С. Чернышовой о том, что «... решения ЕСПЧ должны быть законодательно отнесены к «новым обстоятельствам», которые влекут за собой возобновление производства по делу, в случаях применения федерального закона, не соответствующего положениям Европейской Конвенции 1950 г.»². Представляется, что из Постановления ЕСПЧ не следует несоответствия закона Конвенции напрямую, подобная функция имеется только у Постановления Конституционного Суда РФ. Европейский Суд выносит свое решения не оценивая текст закона как таковой, а учитывает практику его применения. Следовательно, нельзя судить о законе, как о не соответствующем напрямую ЕКПЧ, хотя возможно установить, что качество закона, в связи с установившейся практикой его применения, не отвечает конвенционным положениям, в том числе принципу правовой определенности.

На основании изложенного, можно заключить, что приоритет по отношению к российскому законодательству имеют только такие Постановления ЕСПЧ, которые

¹ См. п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета, № 244, 02.12.2003.

² О.С. Чернышова Реализация конституционного права личности на судебную защиту в Европейском Суде по правам человека // Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М., 2005. 28 с.

не противоречат положениям Конституции РФ и ее официальному толкованию, данному Конституционным Судом РФ, который является ориентиром для иных российских судов. Как было указано выше, Пермским краевым судом принцип правовой определенности применялся в значениях, отличных от неопровержимости судебных решений, в пользу граждан именно в свете практики Конституционного Суда РФ. Например, в определении Пермского краевого суда от 02.12.2013 по делу № 33-11189/2013 указано, что правовая определенность предполагает в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ, отраженной в Постановлении от 24 мая 2001 года № 8-П, стабильность правового регулирования. Аналогичные позиции представлены в 28 актах данного суда, касающихся выплаты пенсий¹. Конституционным Судом подобные вопросы были рассмотрены во многом благодаря наличию по ним решений Европейского Суда².

Представляется справедливым замечания А.Н. Кокотова о том, что «... конкретизируя позиции Европейского Суда по правам человека применительно к особенностям российского законодательства и рассматриваемых им дел в собственных позициях, Конституционный Суд тем самым решает задачу имплементации как положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, так и решений ЕСПЧ в российское законодательство. В силу этого правовые позиции Конституционного Суда позволительно понимать в качестве инструмента, родственного общим мерам по исполнению решений ЕСПЧ, если последние не сводить исключительно к мерам исполнения конкретных решений в делах, в которых Россия являлась стороной»³.

П.А. Калиниченко также указывала: «Первый раз Конституционный Суд РФ рассмотрел вопросы, связанные с применением норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод еще в 1996 г., до ее ратификации Россией.

¹ См. напр. Постановление Президиума Пермского краевого суда от 11.03.2011 по делу № 44-г-101.

² См. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П // «Собрание законодательства РФ», 08.02.2010, № 6, ст. 699 (Постановление)

³ Кокотов А.Н. О правотворческом содержании решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 23.

Конституционный Суд РФ демонстрирует полное понимание подхода к применению ЕКПЧ и решений ЕСПЧ»¹.

Данные доводы подтверждают и обосновывают позицию В.Д. Зорькина о том, что Конституционный Суд РФ по своей сути может быть «проводником Конвенции и решений ЕСПЧ в российской правовой системе»². Можно заключить, что принятие Постановлений Конституционным Судом РФ, подтверждающих позицию ЕСПЧ, *de facto* является единственным действенным средством обеспечения имплементации практики ЕСПЧ в отечественную правоприменительную практику. Действенную унификацию практики ЕСПЧ и российских судов, касающуюся применения принципа правовой определенности, может обеспечить только Конституционный Суд РФ, что определяется характером ЕКПЧ, как живого инструмента реализации принципа верховенства права и его компонента — правовой определенности, но также subsidiarностью ЕСПЧ и современными юридическими и политическими реалиями.

Вместе с тем, необходимо отметить, что прецедентная практика ЕСПЧ должна оказывать соответствующее влияние напрямую на отечественное правосудие. Однако, для претворения этого в жизнь необходимо принять меры по обеспечению доступности такой практики для ординарных судебных инстанций, что включает комплекс организационных и просветительских мероприятий, к которым следует отнести, в первую очередь, следующие:

- перевод и официальное опубликование текстов Постановлений ЕСПЧ в максимально короткий срок после их принятия;
- количественное увеличение практики использования ссылок на Конвенцию и Постановления ЕСПЧ лицами, участвующими в деле;
- систематизация правовых позиций ЕСПЧ по отдельным вопросам высшими судами Российской Федерации.

Также следует учесть, что помимо имплементации практики ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ перед российскими судами стоит задача устранения

¹ Калиниченко П.А. Европеизация российской судебной практики (на примере влияния права Европейского союза на решения российских судов) // *Lex russica*. 2013. № 11. С. 1230.

² См. Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // *Журнал конституционного правосудия*. 2012. № 5. С. 6 – 11.

направленности правосудия на одностороннее понимание принципа правовой определенности, которое существует на сегодняшний день в виде уклона в сторону использования процессуально-правового элемента данного принципа. Разрешению данной проблемы должно способствовать раскрытие порядка соотношения правовой определенности с другими принципами права.

Следовательно, исправление подобной ситуации возможно путем принятия акта толкования принципа правовой определенности, обязательного для арбитражных судов и судов общей юрисдикции — Постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором содержались бы основные значения принципа правовой определенности, а также приоритеты для преодоления противоречий значений названного принципа и противоречий с другими принципами права на основе анализа его функций.

Имплементация практики ЕСПЧ о принципе правовой определенности может осуществляться двумя способами: непосредственного заимствования текстов Постановлений ЕСПЧ российскими судами, либо через практику Конституционного Суда РФ, которой обобщается и конкретизируется практика Европейского Суда по правам человека. При этом приоритетным должно являться второе направление, поскольку, во-первых, российские суды имеют доступ к практике Конституционного Суда РФ и изучение его практики не осложнено отсутствием официальных текстов актов ЕСПЧ на русском языке, и, во-вторых, таким образом исключается возможность применения правовой позиции, которая может противоречить российскому конституционному режиму.

Заключение

Основываясь на проведенном анализе российской и зарубежной правовой доктрины, а также правоприменительной практики ЕСПЧ и российских судов, можно сделать выводы, охватывающие общетеоретические и практические проблемы применения принципа правовой определенности при рассмотрении конкретных дел.

1. Общенаучные категории «определенность» и «неопределенность», находящиеся в диалектической взаимосвязи, определяют характер правового регулирования, как способа упорядочивания общественных отношений, основанного на точности регламентации, наряду с альтернативой. При этом, неопределенность в праве может быть условно подразделена на положительную и отрицательную (негативную). Негативная неопределенность в праве порождает явление правовой неопределенности, которое подлежит устранению путем принятия закона или его конкретизирующего толкования. Отсутствие негативной неопределенности в праве означает правовую определенность.

2. Правовая определенность является принципом права, поскольку имеет общее правоприменительное значение, распространяется на всё правовое регулирование, и наделяется значениями, конкретизируемыми судами при осуществлении правосудия. При этом, важным фактором, позволяющим судить о правовой определенности как о принципе права, является возможность выделения ее функций.

3. Принцип правовой определенности эволюционирует в практике судов вместе с меняющимися общественными отношениями. При этом система ЕСПЧ, как и российское конституционное правосудие, подразумевают толкование данного принципа наиболее эффективным образом, т.е. направленным на действенную реализацию конвенционных и конституционных прав, основанную на разумном балансе интересов государства и личности. Вместе с тем, в результате изучения практики ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ можно заключить, что конституционное правосудие наделяет принцип правовой определенности бóльшим со-

держанием, чем конвенционное, т.е. придает ему больше значений. Данное обстоятельство связано с тем, что ЕКПЧ является договором о правах человека, в то время, как Конституция РФ включает основы правового устройства российского государства, т.е. охватывает существенно больший круг правоотношений. Так Конституционный Суд РФ часто приводит стабильность правового регулирования в качестве значения принципа правовой определенности, подразумевающее воплощение в жизнь законных ожиданий граждан и недопустимость произвольного лишения их благ, предоставленных государством. При этом, принцип правовой определенности вытекает, в трактовке Конституционного Суда РФ, из провозглашенного в Конституции РФ принципа равенства.

4. Основываясь на практике ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ можно выделить совпадающие значения принципа правовой определенности в их практике: «неопровержимость судебных решений»; «строгость установленных законом сроков»; «ясность правового регулирования». Вместе с тем, Конституционный суд наделяет исследуемый принцип также еще одним значением — «стабильность правового регулирования».

5. Исходя из выделенных значений правовой определенности можно также определить совпадающие в практике ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ функции данного принципа: «обеспечение ясности прав и обязанностей в рамках действующего правового регулирования»; «защита от произвола»; «поддержание доверия граждан к государству»; «обеспечение эффективности применения права».

6. Исследованная правоприменительная практика демонстрирует развитие российского правосудия на уровне Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ за последние двадцать лет в соответствии с европейскими стандартами. Правовые позиции данных судов отражают направление правовой мысли ЕСПЧ о правилах толкования принципа верховенства права и его компонента — принципа правовой определенности. При этом наблюдается возрастающее значение определенности в сфере правового регулирования.

7. Современная практика высших российских судов в части использования практики ЕСПЧ кардинально отличается от аналогичной практики низших по

отношению к ним судебных инстанций. Причиной тому служит ряд факторов, среди которых можно выделить:

7.1. Отсутствие официальных опубликованных текстов Постановлений ЕСПЧ на русском языке;

7.2. Неприменение Постановлений ЕСПЧ самими участниками судебного разбирательства;

7.3. Возможность коллизий Постановлений ЕСПЧ с Конституцией РФ, подлежащих устранению Конституционным Судом РФ;

7.4. «Институциональная инерция», под которой понимается наличие у судей и аппарата судов трудностей с восприятием доктринально новых правовых позиций в рамках утвердившейся практики осуществления правосудия, правопонимания и правовой культуры;

7.5. Высокий уровень загруженности, по причине которого суды не реализуют возможности привлечения дополнительного обоснования принимаемых решений ссылками на Постановления ЕСПЧ, ограничиваясь отечественным законодательством и иными правовыми актами, а также позициями высших российских судов, что в совокупности достаточно для законности и обоснованности решения.

В связи с данными трудностями ординарные судебные инстанции если и приводят Постановления ЕСПЧ в своих актах, то без осуществления ссылок на конкретные его прецеденты, а описывают общее значение практики ЕСПЧ, заимствованное из актов вышестоящих российских судов.

8. Принцип правовой определенности должен рассматриваться во взаимодействии с иными принципами права, в частности с законностью и справедливостью. При этом, исходя из смысла правовой определенности, можно заключить, что данный принцип подразумевает законность при реализации всех заключенных в него значений. С другой стороны, справедливость правового регулирования обеспечивается как соблюдением требований правовой определенности, так и отходом от нее при наличии существенного нарушения или судебной ошибки. Следовательно, приоритет должен отдаваться принципам, обеспечивающим реализацию материальных прав и свобод, а не процессуальных правил. Данное правило

справедливо и для разных значений правовой определенности: материальный компонент данного принципа должен иметь приоритет над процессуальным.

9. Наиболее эффективное взаимодействие с ЕСПЧ со стороны Российского государства осуществляется Конституционным Судом РФ. Последний способен не только донести смысл обозначенных Европейским Судом правовых позиций, но и оценивать их соответствие Конституции РФ. По этой причине, а также в связи с обозначенными выше проблемами, именно Конституционным Судом РФ может осуществляться действенная имплементация практики ЕСПЧ в российскую судебную практику.

10. Для внедрения принципа правовой определенности в российскую правоприменительную практику в полном смысле передаваемых ему значений ЕСПЧ и Конституционным Судом РФ наиболее целесообразно принять Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О порядке применения арбитражными судами и судами общей юрисдикции принципа правовой определенности», которым должны быть утверждены основные правила использования данного принципа. При этом, такое Постановление должно содержать перечень придаваемых принципу правовой определенности значений и функций. Кроме того, в данный акт следует включить краткую инструкцию по соотносению принципа правовой определенности с иными принципами права для решения вопроса о возможности отхода от определенности и обеспечения справедливости правового регулирования.

Список использованных источников и литературы

1. Нормативные акты

Международные акты

1. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (Заключена в г. Вене 21.03.1986) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1.— М., 1996. С. 87 — 113.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // «Бюллетень международных договоров», № 3, 2001.
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 2. С. 3 — 28.
4. Устав Совета Европы (Принят в г. Лондоне 05.05.1949) // Бюллетень международных договоров. 1997. № 5. С. 12 — 21.
5. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // «Российская газета», № 67, 05.04.1995.
6. Рекомендация № R (2000) 2 по пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями ЕСПЧ // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 61 — 64.
7. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec (2004) 5 государствам — участникам Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод по вопросу контроля за соответствием проектов законов, действующих законов и практики их применения стандартам, закрепленным в Европейской конвенции по правам человека (принята Комитетом министров 12 мая 2004 г. на 114-й сессии) // URL: http://sutyajnik.ru/rus/ECtHR/recomm/rec2004_5_rus.htm (дата обращения — 12.02.2014)

Внутригосударственные акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Российская газета», № 249, 22.12.2001.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // «Российская газета», № 220, 20.11.2002.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // «Российская газета», № 137, 27.07.2002.
5. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // «Российская газета», № 138 - 139, 23.07.1994.
6. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // «Российская газета», № 3, 06.01.1997.
7. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 06.10.2003, № 40.
8. Указ Президента РФ от 29.03.1998 № 310 (ред. от 25.07.2014) «Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском суде по правам человека — заместителе Министра юстиции Российской Федерации» // «Российская газета», № 68, 08.04.1998.
9. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2011 № 1471-р «Об утверждении планов мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2011 — 2012 годы» // «Собрание законодательства РФ», 29.08.2011, № 35, ст. 5102.
10. Приказ Минюста РФ от 30.06.2009 № 196 «Об утверждении Положения об Аппарате Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителя Министра юстиции Российской Федерации» // «Бюллетень Минюста РФ», № 8, 2009

11. Постановление Минтруда РФ от 29.12.1999 № 54 «О применении ограничений, установленных Федеральным законом «О порядке исчисления и увеличения государственных пенсий» // «Российская газета», № 23, 02.02.2000.

Судебная практика

1. Заключение Конституционного Суда РФ от 23.03.1993 № 3-1 // «Собрание законодательства РФ», 01.04.1993, № 13.

2. Информация о постановлении ЕСПЧ от 20.10.2005 по делу «Политическая партия «Уранио Токсо» и другие заявители против Греции» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2006, № 4.

3. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2010 года // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, 2010.

4. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2007 года // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2007, № 11.

5. Определение Верховного Суда РФ от 09.02.2007 № 41-В06-80 // СПС «Гарант».

6. Определение Верховного Суда РФ от 26.09.2008 № 82-В08-5 // СПС «Гарант».

7. Определение Конституционного Суда РФ от 01.03.2010 № 430-О-О // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 4, 2010.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 01.12.2005 № 521-О // СПС «Консультант Плюс».

9. Определение Конституционного Суда РФ от 02.04.2009 № 471-О-П // СПС «Консультант Плюс».

10. Определение Конституционного Суда РФ от 03.04.2012 № 476-О // СПС «Консультант Плюс».

11. Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 № 1561-О // СПС «Гарант».

12. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 № 101-О // «Собрание законодательства РФ», 10.07.2006, № 28.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2007 № 423-О-П // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 6, 2007.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 966-О-П // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 2, 2008.
15. Определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2013 № 322-О // «Собрание законодательства РФ», 01.04.2013, № 13, ст. 1636.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 06.11.2014 № 2528-О // СПС «Гарант».
17. Определение Конституционного Суда РФ от 07.02.2012 № 275-О-О // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 5, 2012.
18. Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 289-О-П // СПС «Консультант Плюс».
19. Определение Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 № 454-О-О // «Вестник Центризбиркома РФ», № 9, 2010.
20. Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 438-О // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 2, 2006.
21. Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 № 158-О // СПС «Гарант».
22. Определение Конституционного Суда РФ от 12.04.2005 № 113-О // «Собрание законодательства РФ», 30.05.2005, № 22.
23. Определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2006 № 135-О // СПС «Консультант Плюс».
24. Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2014 № 134-О // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 17.02.2014.
25. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2008 № 193-О-П // «Собрание законодательства РФ», 05.05.2008, № 18.

26. Определение Конституционного Суда РФ от 15.11.2007 № 788-О-О // СПС «Консультант Плюс».
27. Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2007 № 233-О-П // «Собрание законодательства РФ», 28.05.2007, № 22, ст. 2687.
28. Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2007 № 234-О-П // «Собрание законодательства РФ», 28.05.2007, № 22, ст. 2688;
29. Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2008 № 1054-О-П // «Собрание законодательства РФ», 30.03.2009, № 13, ст. 1574.
30. Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 174-О-О // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 4, 2012.
31. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2007 № 536-О-О // СПС «Консультант Плюс».
32. Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2009 № 1512-О-О // СПС «Консультант Плюс».
33. Определение Конституционного Суда РФ от 18.10.2012 № 1946-О // СПС «Консультант Плюс».
34. Определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2007 № 836-О-О // СПС «Консультант Плюс».
35. Определение Конституционного Суда РФ от 19.02.2009 № 501-О-О // СПС «Консультант Плюс».
36. Определение Конституционного Суда РФ от 19.02.2009 № 98-О-О // СПС «Консультант Плюс».
37. Определение Конституционного Суда РФ от 19.04.2007 № 300-О-О // СПС «Консультант Плюс».
38. Определение Конституционного Суда РФ от 19.04.2007 № 317-О-О // СПС «Консультант Плюс».
39. Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2010 № 1428-О-О // СПС «Консультант Плюс».
40. Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2014 № 415-О // СПС «Консультант Плюс».

41. Определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2014 № 653-О// СПС «Консультант Плюс».
42. Определение Конституционного Суда РФ от 20.10.2005 № 459-О // СПС «Консультант Плюс».
43. Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 590-О-О // СПС «Консультант Плюс».
44. Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 № 925-О // СПС «Гарант».
45. Определение Конституционного Суда РФ от 23.03.2010 № 437-О-О // СПС «Консультант Плюс».
46. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 № 1035-О-О // СПС «Консультант Плюс».
47. Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 № 2317-О // СПС «Гарант».
48. Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 2152-О // СПС «Консультант Плюс».
49. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1171-О // СПС «Гарант».
50. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2196-О // СПС «Гарант».
51. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1851-О // СПС «Гарант».
52. Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2009 № 795-О-О // СПС «Консультант Плюс».
53. Определение Конституционного суда РФ от 28.05.2013 № 710-О // СПС «Гарант».
54. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2012 № 865-О // СПС «Консультант Плюс».
55. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1419-О // СПС «Консультант Плюс».

56. Определение Московского городского суда от 20.12.2013 № 4Г/1-12603 // СПС «Гарант».

57. Определение Московского городского суда от 20.12.2013 № 4Г/1-12603 // СПС «Гарант».

58. Определение Пермского краевого суда от 12.03.2014 по делу № 33-2225 // СПС «Гарант».

59. Определение Пермского краевого суда от 28.05.2014 по делу № 33-4374 // СПС «Гарант».

60. Постановление ЕСПЧ от 07.07.1989 «Серинг против Соединенного Королевства» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1.— М., 2000. С. 637 — 658.

61. Постановление ЕСПЧ от 19.06.2008 по делу «Ерогова против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2009. № 11. С.78 — 90.

62. Постановление ЕСПЧ от 21.10.2010 по делу «Колоскова против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 1. С.76 — 78.

63. Постановление ЕСПЧ от 28.10.1999 по делу «Зелински и Прадаль и Гонсалес и другие против Франции» // СПС «Консультант Плюс».

64. Постановление ЕСПЧ по делу «Безруковы против Российской Федерации» от 10.05.2012 // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2013, № 11.

65. Постановление ЕСПЧ по делу «Вельская против Российской Федерации» от 05.10.2006 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2008. № 3. С. 85 — 88.

66. Постановление ЕСПЧ по делу «Российская консервативная партия предпринимателей против России» // СПС «Консультант Плюс».

67. Постановление ЕСПЧ по делу «Сухобоков против Российской Федерации» от 13.04.2006 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2007. № 3. С. 51, 59 — 65.

68. Постановление ЕСПЧ от 01.04.2010 по делу «Царева против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2010. № 3.

69. Постановление ЕСПЧ от 04.10.2011 по делу «Зафранас против Греции» // Избранные постановления Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2012. № 3. С. 107 — 116.

70. Постановление ЕСПЧ от 04.11.2010 по делу «Муминов против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2011, № 12.

71. Постановление ЕСПЧ от 04.11.2010 по делу «Эйдельман и другие «пенсионеры-эмигранты» против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 1.

72. Постановление ЕСПЧ от 08.01.2009 по делу «Худякова против Российской Федерации» // «Российская хроника Европейского Суда», 2009, № 4

73. Постановление ЕСПЧ от 08.07.2010 по делу «Абдулажон Исаков против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2011. № 3. С. 10, 95 — 113

74. Постановление ЕСПЧ от 08.11.2005 по делу «Худоеров против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 7. С. 57 — 99.

75. Постановление ЕСПЧ от 10.01.2012 по делу «Арутюнян против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 9.

76. Постановление ЕСПЧ от 10.05.2001 по делу «Z. и другие против Соединенного Королевства» // СПС «Консультант Плюс».

77. Постановление ЕСПЧ от 10.05.2012 по делу «Безруковы против Российской Федерации» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2013, № 11.

78. Постановление ЕСПЧ от 11.07.2013 по делу «Хлюстов против Российской Федерации» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2014, № 4.

79. Постановление ЕСПЧ от 11.10.2007 по делу «Насруллоев против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюлле-

тению Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2008. № 3. С. 101 — 115.

80. Постановление ЕСПЧ от 12.02.2009 по делу «Нолан и К. против Российской Федерации» // «Российская хроника Европейского Суда», 2010, № 1.

81. Постановление ЕСПЧ от 12.05.2010 по делу «Ходжаев против Российской Федерации» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2011, № 3.

82. Постановление ЕСПЧ от 12.06.2008 по делу «Щебет против Российской Федерации» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2009, № 5.

83. Постановление ЕСПЧ от 13.06.1979 по делу «Маркс против Бельгии» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М, 2000. С. 231 — 270.

84. Постановление ЕСПЧ от 13.06.1979 по делу «Маркс против Бельгии» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1.- М.: Норма, 2000. С. 231 — 270.

85. Постановление ЕСПЧ от 14.03.2013 по делу «Касымахунов и Сайбаталов против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2014. № 2. С. 11, 60 — 83.

86. Постановление ЕСПЧ от 15.01.2009 по делу «Бурдов против Российской Федерации (№ 2)» // Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2009. № 4. С. 79 — 106.

87. Постановление ЕСПЧ от 17.12.2009 по делу «Джураев против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2010. № 5. С. 3, 54 — 62.

88. Постановление ЕСПЧ от 18.04.2013 по делу «Агеевы против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2014. № 1. С. 8, 118 — 154.

89. Постановление ЕСПЧ от 18.11.2004 по делу «Праведная против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 5, СПС «Консультант Плюс».

90. Постановление ЕСПЧ от 18.11.2004 по делу «Праведная против Российской Федерации» от 18.11.2004 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2005. № 5. С. 47, 76 — 83.

91. Постановление ЕСПЧ от 18.11.2011 по делу Дело «Компания «Эм-джи-эн лимитед» против Соединенного Королевства» // СПС «Гарант».

92. Постановление ЕСПЧ от 18.12.1996 по делу «Лоизиду против Турции» // СПС «Гарант».

93. Постановление ЕСПЧ от 19.06.2008 по делу «Рябикин против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2009. № 1. С. 106 — 123 и др.

94. Постановление ЕСПЧ от 20.02.2014 по делу «Шишков против Российской Федерации» // «Прецеденты Европейского Суда по правам человека», 2014, № 2 (02).

95. Постановление ЕСПЧ от 20.05.2010 по делу «Хайдаров против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2011. № 3. С. 10, 76 — 95.

96. Постановление ЕСПЧ от 20.07.2004 по делу «Никитин против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99) // СПС «Консультант Плюс».

97. Постановление ЕСПЧ от 20.09.2011 по делу «ОАО «Нефтяная компания Юкос» против Российской Федерации» // «Российская хроника Европейского Суда», 2012, № 3.

98. Постановление ЕСПЧ от 21.06.2007 по делу «Кудрина против Российской Федерации» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», М. 2008, № 9.

99. Постановление ЕСПЧ от 21.10.2010 по делу «Гафоров против Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

100. Постановление ЕСПЧ от 23.07.2009 по делу «Сутяжник против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2010. № 3.

101. Постановление ЕСПЧ от 23.09.2010 по делу «Искандаров против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2011. № 6.

102. Постановление ЕСПЧ от 24.04.2008 по делу «Исмоилов и другие против Российской Федерации»; «Российская хроника Европейского Суда», 2009, № 2.

103. Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 по делу «Рябых против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 12.

104. Постановление ЕСПЧ от 26.02.2009 по делу «Эминбейли против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2010. № 1. С. 81 — 95.

105. Постановление ЕСПЧ от 27.02.2014 по делу «Джабраилов и другие против Российской Федерации» // «Прецеденты Европейского Суда по правам человека», 2014, № 10(10).

106. Постановление ЕСПЧ от 28.10.1999 по делу «Брумареку против Румынии» // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58337> (дата обращения — 27.07.2013).

107. Постановление ЕСПЧ от 29.07.2010 по делу «Каримов против Российской Федерации» // «Российская хроника Европейского Суда», 2011, № 4.

108. Постановление ЕСПЧ от 29.07.2010 по делу «Шапошников против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2011. № 7.

109. Постановление ЕСПЧ от 29.10.2010 по делу «Кононцев против Российской Федерации» // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2011, № 3.

110. Постановление ЕСПЧ от 7 июля 2009 года по делу «Станьо против Бельгии» // СПС «Консультант Плюс»

111. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 17-П // «Собрание законодательства РФ», 15.07.2013, № 28.

112. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.06.2004 № 11-П // «Собрание законодательства РФ», 14.06.2004, № 24.
113. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П // «Собрание законодательства РФ», 12.02.2007, № 7.
114. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 № 7-П // «Собрание законодательства РФ», 12.04.2004, № 15.
115. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П // Российская газета, № 285, 18.12.2013.
116. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П // СПС «Гарант».
117. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П // «Собрание законодательства РФ», 30.05.2005, № 22.
118. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П // «Собрание законодательства РФ», 19.07.2010, № 29.
119. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П // «Собрание законодательства РФ», 25.02.2013, № 8.
120. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2013 № 9-П // «Собрание законодательства РФ», 27.05.2013, № 21.
121. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 8-П // «Собрание законодательства РФ», 25.07.2005, № 30 (ч. II).
122. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 9-П // «Собрание законодательства РФ», 25.07.2005, № 30 (ч. II).
123. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П // «Собрание законодательства РФ», 28.05.2007, № 22, ст. 2686
124. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2012 № 22-П // «Собрание законодательства РФ», 29.10.2012, № 44.
125. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 № 12-П // «Собрание законодательства РФ», 05.07.2004, № 27.
126. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2005 № 11-П // «Собрание законодательства РФ», 28.11.2005, № 48.

127. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 № 13-П // «Собрание законодательства РФ», 28.07.2003, № 30.

128. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2010 № 7-П // СПС «Консультант Плюс».

129. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2002 № 11-П // «Собрание законодательства РФ», 08.07.2002, № 27.

130. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.2001 № 3-П // «Собрание законодательства РФ», 05.03.2001, № 10.

131. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.2006 № 1-П // «Собрание законодательства РФ», 06.03.2006, № 10.

132. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2010 № 9-П // «Собрание законодательства РФ», 03.05.2010, № 18.

133. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 20-П // «Собрание законодательства РФ», 15.08.2011, № 33.

134. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2011 № 29-П // «Собрание законодательства РФ», 09.01.2012, № 2.

135. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П // «Собрание законодательства РФ», 08.02.2010, № 6.

136. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 6.

137. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П // «Собрание законодательства РФ», 03.06.2013, № 22.

138. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 № 25-П // СПС «Гарант».

139. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П // «Собрание законодательства РФ», 09.01.2012, № 2.

140. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П // «Собрание законодательства РФ», 04.04.2005, № 14.

141. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 № 12-П // «Российская газета», № 98, 30.04.2014.

142. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2004 № 19-П // СПС «Гарант».

143. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П // «Собрание законодательства РФ», 06.01.2014, № 1.

144. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 № 11-П // «Собрание законодательства РФ», 13.07.2009, № 28.

145. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 30-П // «Собрание законодательства РФ», 06.01.2014, № 1.

146. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.06.2014 № 19-П // СПС «Консультант Плюс».

147. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 8-П // «Собрание законодательства РФ», 09.04.2012, № 15.

148. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П // «Собрание законодательства РФ», 16.06.2008, № 24.

149. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.11.2008 № 11-П // «Собрание законодательства РФ», 22.12.2008, № 51.

150. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2000 № 5-П // «Собрание законодательства РФ», 03.04.2000, № 14.

151. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.01.2004 № 2-П // «Собрание законодательства РФ», 09.02.2004, № 6.

152. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.10.2010 № 19-П // «Собрание законодательства РФ», 15.11.2010, № 46.

153. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.03.2012 № 9-П // «Собрание законодательства РФ», 09.04.2012, № 15.

154. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2012 № 29-П // «Собрание законодательства РФ», 17.12.2012, № 51.

155. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2005 № 6-П // «Собрание законодательства РФ», 06.06.2005, № 23.

156. Постановление Пленума ВАС РФ от 06.12.2013 № 87 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных со взысканием потерь ресур-

соснабжающих организаций, вызванных межтарифной разницей» // «Вестник ВАС РФ», № 2, М. 2014.

157. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» // «Вестник ВАС РФ», № 5, М. 2014.

158. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета, № 244, 02.12.2003.

159. Постановление Президиума ВАС РФ от 14.11.1995 № 9401/93 // «Вестник ВАС РФ», 1996, № 2.

160. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 05.11.2014 № 120-П14 // СПС «Гарант».

161. Постановление президиума Пермского краевого суда от 11.03.2011 по делу № 44-Г-101// СПС «Гарант».

162. Постановление Президиума Пермского краевого суда от 11.03.2011 по делу № 44-Г-101// СПС «Гарант».

163. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17.12.2013 № С01-313/2013 по делу № А72-3926/2012 // СПС «Гарант».

164. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 17.02.2014 по делу № А43-31432/2012 // СПС «Гарант».

165. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 29.02.2012 по делу № А58-8818/07 // СПС «Гарант».

166. Постановление ФАС Московского округа от 04.08.2014 № Ф05-8105/2014 по делу № А40-13934/2010 // СПС «Гарант».

167. Постановление ФАС Московского округа от 13.12.2010 № КГ-А40/15518-10 по делу № А40-49794/03-10-506 // СПС «Гарант».

168. Постановление ФАС Московского округа от 25.12.2013 № Ф05-16421/2013 // СПС «Гарант».

169. Постановление ФАС Московского округа от 25.12.2013 по делу № А40-151241/12-12-698 // СПС «Гарант».

170. Постановление ФАС Поволжского округа от 15.04.2014 по делу № А12-23806/2010 // СПС «Гарант».

171. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 26.10.2011 по делу № А56-1871/2005 // СПС «Гарант».

172. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 18.07.2012 по делу № А20-3347/2011 // СПС «Гарант».

173. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 21.02.2013 по делу № А77-809/2012 // СПС «Гарант».

174. Постановление ФАС Уральского округа от 04.04.2008 по делу № А14-6272/2007/261/13 // СПС «Гарант».

175. Постановление ФАС Уральского округа от 09.12.2011 № Ф09-7668/11 // СПС «Гарант».

176. Постановление ФАС Уральского округа от 23.06.2011 по делу № А71-1629/2011 // СПС «Гарант».

177. Постановление ФАС Уральского округа от 23.06.2011 № Ф09-2483/11-С5 по делу № А60-33318/2010-С2 // СПС «Гарант».

178. Постановление ФАС Уральского округа от 23.06.2011 № Ф09-2476/11-С5 по делу № А60-33319/2010-С2 // СПС «Гарант».

179. Постановление ФАС Центрального округа от 07.04.2008 по делу № А14-6272/2007/261/13 // СПС «Гарант».

180. ECtHR Judgment on Case «Poitr Baranowski v. Poland» of 02.01.2008 Application no. 39742/05 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-82496> (дата обращения — 09.10.2013).

181. ECtHR Judgment on Case «Ahmut v. Netherlands» // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58002> (дата обращения 27.03.2015).

182. ECtHR Judgment on Case «Assanidze v. Georgia» of 08.04.2004. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-61875> (дата обращения 27.03.2015).

183. ECtHR Judgment on Case «Ciliz v. Netherlands» of 11.06.2000 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-59160> (дата обращения 27.03.2015)

184. ECtHR Judgment on Case «Giorgi Nikolashvili v. Georgia» of 13.01.2009 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-90590> (дата обращения 01.04.2013)

185. ECtHR Judgment on Case «Itslyayev v. Russia» of 09.10.2008 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-88790> (дата обращения 19.01.2014).

186. ECtHR Judgment on Case «Yefimova v. Russia» // <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-116740> (дата обращения 19.04.2014).

187. ECtHR Judgment on case «Gerasimov and others v. Russia» of 01.10.2014 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-145212> (дата обращения 03.01.2015).

188. ECtHR Judgment on Case «Baranowski v. Poland» of 28 March 2000 Application no. 28358/95 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58525> (дата обращения 24.03.2014).

189. ECtHR Judgment on Case «Golder v. The United Kingdom» of 21.02.1975 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57496> (дата обращения 07.03.2015).

190. ECtHR Judgment on Case «Jecius v. Lithuania» of 31 July 2000 Application no. 34578/97 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58781> (дата обращения 24.03.2014).

191. ECtHR Judgment on Case «Marckx v. Belgium» of 13.06.1979 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57534> (дата обращения 07.03.2015).

192. ECtHR Judgment on Case «Sunday Times v. The United Kingdom» of 26.04.1979 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57584> (дата обращения 07.03.2015).

193. ECtHR Judgment on Case «Riener v. Bulgaria» of 23 May 2006 (Final of 23 August 2006) // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-75463> (дата обращения — 13.03.2015).

194. I/A Court H. R., Case of the Supreme Court of Justice (Quintana Coello et al.) v. Ecuador. Preliminary Objection, Merits, Reparations and Costs. Judgment of August 23, 2013. Series C №. 266 // URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_266_ing.pdf (дата обращения 01.04.2014)

2. Монографии, учебная литература, сборники статей

195. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения М., 2001. 752 с.

196. Алексеев С.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М., 2010. 781 с.

197. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. 416 с.

198. Бирюков М.М. Европейское право: до и после Лиссабонского договора: учебное пособие. М., 2013. 240 с.

199. Боголюбов С.А. Концепции развития российского законодательства: обсуждение в парламенте // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 107 — 118.

200. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М., 2014. 157 с.

201. Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов // СПС «Консультант Плюс»

202. Глазкова М.Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: монография. М., 2012. 200 с.

203. Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др.; под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. 960 с.

204. Гук П.А. Судебное нормотворчество: Теория и практика. Монография / LAP LAMBERT Academic Publishing. Saarbrücken, 2012. 148 с.
205. Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека. СПб. 2004. 267 с.
206. Доклад Правительства Российской Федерации о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2011 год // «Российская газета», № 65, 27.03.2013.
207. Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть: Курс лекций. М., 2010. 416 с.
208. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013, 496 с.
209. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. М., 2012, 368 с.
210. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М., 2008. 568 с.
211. Киселев А. Конституционная основа отмены судебных решений в кассационной инстанции // СПС «Консультант Плюс». 2014.
212. Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен. М., 2007. 328 с.
213. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М., 2006. 269 с.
214. Лазарев В.В. Избранные труды. [В 3 т.]. Т. II: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. М., 2010. 504 с.
215. Лейст О.Э. Сущность права. М. 2002. 288 с.
216. Нешатаева Т.Н. Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику: монография. М., 2013. 304 с.
217. Нешатаева Т.Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М., 2007. 320 с.
218. Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М., 2008. 248 с.

219. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград, 1917. 234 с.
220. Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб, 2001. 642 с.
221. Поляков С.Б. Неопределенность закона // Третий Пермский конгресс ученых-юристов: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (12 октября 2012 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т; Отв. ред. О.А. Кузнецова. Пермь, 2012. 289 с.
222. Правовые акты: оценка последствий: научно-практическое пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2011. 224 с.
223. Реутов В.П. Функциональная природа системы права. Пермь. 2002. 163 с.
224. Свирин Ю.А. Дивергенция в системе права: монография. М.: Астра Полиграфия, 2012. 392 с.
225. Словарь международного права / Т.Г. Авдеева, В.В. Алешин, Б.М. Ашавский и др.; отв. ред. С.А. Егоров. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2014. 495 с.
226. Смбатян А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М., 2012. 270 с.
227. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М., 2012. 976 с.
228. Akandji-Kombe J.-F. Positive obligations under the European Convention on Human Rights. A guide to the implementation of the European Convention on Human Rights. Human Rights Handbooks, №7. Strasburg, 2007. 70 p.
229. CDL-AD(2011)003 rev, Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия), Доклад о верховенстве права, принятый Венецианской комиссией на ее 86-й пленарной сессии (Венеция, 25-26 марта 2011 года).
230. CDL-AD(2011)003 rev, Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия), Доклад о верховенстве права, принятый Венецианской комиссией на ее 86-й пленарной сессии (Венеция, 25-26 марта 2011 года).
231. Gallant K. The Principle of Legality in International and Comparative Criminal Law. New York, 2009. 632 p.

232. Kammerhofer J. Uncertainty in international law. A Kelsenian perspective. New York, 286 p.

233. Schwarze J. Deficiencies in European Community Competition Law // Critical analysis of current practice and proposals for change. Stuttgart, 2008. 88 p.

3. Диссертации

234. Алексеева Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2015. 263 с.

235. Назаренко Т.Н. Неопределенность в российском праве. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2006. 227 с.

4. Авторефераты диссертаций

236. Абдаршитова В.З. Теоретико-правовые основы исполнения решений Европейского Суда по правам человека / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2008. 29 с.

237. Аверьянов К.Ю. Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников (форм) права России / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2013. 23 с.

238. Алисиевич Е.С. Толкование норм Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод как правомочие Европейского Суда по правам человека / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2006. 20 с.

239. Аристова К.С. Принцип субсидиарности в деятельности Европейского Суда по правам человека / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2012. 26 с.

240. Виноградов М.В. Защита в Европейском Суде по правам человека прав лиц, осужденных к лишению свободы / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2010. 30 с.

241. Винокуров Ю.Е. Характер прокурорско-надзорной деятельности и предпосылки повышения ее эффективности // Административное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 619 — 623.

242. Волосюк П.В. Решения Европейского Суда по правам человека как источник уголовного права России // Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. Ставрополь, 2005. 24 с.

243. Девятова О.В. Решения Европейского суда по правам человека в механизме уголовно-процессуального регулирования / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. Ижевск, 2007. 27 с.

244. Деменева А.В. Юридические последствия Постановлений Европейского Суда по правам человека для Российской Федерации / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. Казань, 2009. 26 с.

245. Демин А.В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодаления / Автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М, 2014. 48 с.

246. Зенин А.А. Международно-правовой контроль исполнения Постановлений Европейского Суда по правам человека в Российской Федерации / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2012. 22 с.

247. Иодковский Э.В. Решения Европейского Суда по правам человека в гражданском судопроизводстве / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2014. 26 с.

248. Капустин А.Я. Международное право и вызовы XXI века // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 5 — 19.

249. Корнилина А.А. Влияние Постановлений Европейского Суда по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М., 2003. 32 с.

250. Корольков П.А. Влияние практики Европейского Суда по правам человека в сфере толкования и применения конвенционных уголовно-процессуальных норм на развитие международного права и российского законодательства / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2011. 26 с.

251. Липкина Н.Н. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека относительно свободы усмотрения государств при осуществлении вмешательства в права и основные свободы / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2008. 26 с.

252. Машкова К.В. Исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека в гражданском и арбитражном процессах / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2014. 30 с.

253. Метлова И.С. Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников российского права / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М., 2007. 25 с.

254. Обухова Е.С. Интеграция Российской Федерации в европейское правовое пространство в контексте деятельности Европейского Суда по правам человека / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2006. 24 с.

255. Перчаткина С.А. Реализация Решений Европейского Суда по правам человека органами судебного конструкционного контроля: сравнительно-правовое исследование / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2011. 30 с.

256. Садчикова О.В. Решения Европейского Суда по правам человека и их значение для российской правоприменительной практики / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2009. 22 с.

257. Терехов К.И. Процессуальные особенности деятельности Европейского Суда по правам человека / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2011. 25 с.

258. Чернышев И.А. Правовые позиции Конституционного Суда России и Европейского Суда по правам человека: генезис и взаимовлияние / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. СПб, 2010. 23 с.

259. Чернышева О.С. Реализация конституционного права личности на судебную защиту в Европейском Суде по правам человека / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М., 2005. 25 с.

260. Чертов А.А. Европейский Суд по правам человека и развитие международного права прав человека / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2007. 26 с.

261. Чуркина Л.М. Контроль как мера обеспечения исполнения Постановлений Европейского Суда по правам человека / Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М, 2012. 26 с.

262. Юзвиков Д.В. Вопросы уголовного права в практике Европейского Суда по правам человека // Автореф. ... дис. канд-та юрид. наук. М., 2004. 32 с.

5. Статьи периодических изданий

263. Алексеевская Е.И. О соблюдении принципа правовой определенности в производстве в суде надзорной инстанции // «Законы России: опыт, анализ, практика», 2008, № 4. С. 48 — 52.

264. Алексеевская Е.И. Справедливость акта мирового судьи в гражданском процессе // Мировой судья. 2014. № 6. С. 12 — 15

265. Алиев Т.Т. К вопросу о новых обстоятельствах в гражданском процессе в аспекте реализации главы 42 ГПК РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 12. С. 23 — 27.

266. Алиев Т.Т. Перспективы развития института вновь открывшихся и новых обстоятельств по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 2. С. 37 — 42.

267. Алисиевич Е.С. О значении толкования Европейским судом положений Конвенции о защите прав человека // «Право и политика», 2005, № 7 С. 18 — 26.

268. Андрущенко Е.А. Концепции автономности и субсидиарности в деятельности Европейского суда по правам человека // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 20 — 25.

269. Арановский К.В. Условия согласования практики международного и конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 3. С. 1 — 10.

270. Арановский К.В., Князев С.Д. Судьба судебного прецедента в романо-германском праве // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4. С. 30 — 39.

271. Баранов В.М., Казанцев Н.М. Налоговые правовые позиции судов: теория, практика, перспектива // Журнал российского права. 2012. № 4. С. 127 — 131.

272. Баренбойм П.Д. Концепция Зорькина — Танчева о соотношении современных доктрин верховенства права и правового государства // Законодательство и экономика. 2011. № 10. С. 17 — 25;

273. Баренбойм П.Д. Разграничение, конвергенция или замена доктрин правового государства и верховенства права? // Законодательство и экономика. 2013. № 4. С. 5 — 12.

274. Беляева О.А. Аннулирование торгов антимонопольным органом по жалобе лица, не принимавшего в них участия // Комментарий судебно-арбитражной практики / под ред. В.Ф. Яковлева. М., 2012. Вып. 18. С. 131 — 146.

275. Бондарь Н.С. Правовая определенность — универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 4 — 10.

276. Булыкин А.А. Высший арбитражный суд Российской Федерации в роли законодателя // Арбитражный и гражданский процесс. № 2, 2013. С. 54 — 60.

277. Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права // Публично-правовые исследования (электронный журнал). 2012. № 2 С. 38 — 75; № 3. С. 27 — 53.

278. Виноградов В.А. Правовое государство и верховенство права: теоретические конструкции и реализация // Закон. 2013. № 12. С. 97 — 101.

279. Власенко Н.А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 60 — 75.

280. Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 32 — 44.

281. Власенко Н.А., Назаренко Т.Н. Неопределенность в праве: понятие и формы // Государство и право. М., 2007. № 6. С. 5 — 12.

282. Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции: понятие и множественность институциональных моделей // Международное уголовное право и международная юстиция, 2008, № 3, С. 3 — 13.

283. Воскобитова М.Р. Позитивные обязательства государств как гарантия обеспечения прав человека и основных свобод // Международное правосудие. 2011. № 1. С. 78 — 86.

284. Гаджиев Г.А. Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 17 — 26.

285. Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 16 — 28.

286. Гаджиев Г.А., Коваленко К.А. Принцип правовой определенности в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 5. С. 12 — 19.

287. Грачева С.А. Доктрина верховенства права и судебные правовые позиции // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 33 — 45;

288. Гущина Н.А., Глухоедов М.С. Коллизии отдельных постановлений ЕСПЧ и актов Конституционного Суда Российской Федерации // Современное право. 2013. № 9. С. 71 — 75.

289. Дайчак В. Цивилистическая традиция и современная дискуссия о наднациональных принципах частного права. Замечания относительно неосновательного обогащения // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10. С. 26 — 40.

290. Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и стабильность окончательных судебных решений в уголовном процессе // Судья. 2014. № 10. С. 33 — 36.

291. Дудко И.Г. Авторитетность конституции // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 3 — 8.

292. Еременко В.И. Перспективы развития прецедентного права в России // Адвокат. 2013. № 6. С. 17 — 27.

293. Елисеев С.Г., Чертков А.Н. Свобода, равенство и справедливость в системе правовых ценностей // Законодательство и экономика. 2014. № 11. С. 72 — 80.

294. Жуйков В.М. О предложении реформирования мировой юстиции в Российской Федерации путем "радикальной автономизации" // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 42 — 46.

295. Залоило М.В., Черкашина-Шмидт О.В. Интегративное правопонимание: новый подход // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 143 — 147.

296. Зорькин В.Д. Верховенство права и встреча цивилизаций // Журнал конституционного правосудия, 2008, № 1 С. 2 — 9.

297. Зорькин В.Д. Верховенство права и конституционное правосудие // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М., 2006. С. 12 — 34.

298. Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 5. С. 6 — 11.

299. Ильин А.В. Некоторые вопросы, связанные с признанием постановления Европейского суда по правам человека основанием для пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 5. С. 44 — 50.

300. Калиниченко П.А. Европеизация российской судебной практики (на примере влияния права Европейского союза на решения российских судов) // Lex russica. 2013. № 11. С. 1224 — 1234.

301. Ковлер А.И. «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека» // Международное правосудие. 2013. № 3. С. 52 — 63.

302. Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 3. С. 3 — 9.

303. Козлова Н.В. Изменения гражданского процессуального законодательства в свете требований ЕСПЧ // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 20 — 23.

304. Кокотов А.Н. О правотворческом содержании решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 21 — 24.

305. Лазарев В.В. Место и роль суда в правовой системе // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 17 — 30.

306. Лазарев В.В., Фурсов Д.А. Обоснование идеи имплементации судебных решений в законодательные акты // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 5 — 21.

307. Марышева Н.И., Хлестова И.О. Конституционный принцип национального режима иностранных граждан // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 5 — 12.
308. Моисеенко А.Б. Об определенности правового регулирования в части применения правовых позиций Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации после его упразднения // Арбитражные споры. 2014. № 3. С. 106 — 116.
309. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. К новому парламентскому измерению евразийской интеграции // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 5 — 15.
310. Поляков С.Б., Нечкина Е.Ю. Понятие правоприменительной политики // Адвокат. 2013. № 8 С. 36 — 42.
311. Поляков С.Б., Нечкина Е.Ю., Сидоренко А.И. Правовая неопределенность бизнеса — часть уголовной политики в России? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3(14). С. 77 — 89.
312. Пресняков М.В. Правовая определенность и принцип разумной сдержанности законодателя: проблема формальной и материальной правовой определенности // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 3 — 6.
313. Рабцевич О.И. Проблема общих принципов права в международном праве // «Право и политика», 2007, № 11 С. 80 — 85.
314. Рехтина И.В. Предпосылки принципа правовой определенности (*res judicata*) в источниках права Древней Руси X — XVI вв. // История государства и права. 2014. № 15. С. 16 — 21.
315. Свирин Ю.А. Принцип правовой определенности в гражданском процессе // Современное право. 2013. № 11. С. 95 — 98.
316. Тихомиров Ю.А. Правовой суверенитет: сферы и гарантии // Журнал российского права. 2013. № 3. С. 5 — 20.
317. Филатова М.А. О процессуальных механизмах исполнения постановлений Европейского суда по правам человека // Вестник ВАС РФ. 2013. № 9. С. 40 — 60.
318. Фогельсон Ю.Б. Мягкое право и верховенство права // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 22 — 33.

319. Фурсов Д.А. Формирование обновленного состава ВС РФ // Вестник гражданского процесса. 2014. № 3. С. 242 — 252.
320. Худолей К.М. Конституционность решений ЕСПЧ и их исполнимость // Вестник Пермского университета. 2013. № 2. С. 93 — 101.
321. Чикулаев Р.В. Опыт участия арбитражных заседателей в рассмотрении дел, связанных с ценными бумагами // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 10. С. 20 — 24.
322. Шугуров М.В. Вопросы этики судей в деятельности ЕСПЧ // Закон. 2013. № 11. С. 46 — 57.
323. A. D'Amato Legal Uncertainty / California Law Review Vol. 71 Issue 1. California, 1983. P. 1 — 55.
324. Bernitz U. Retroactive Legislation in a European Perspective — On the Importance of General Principles of Law // Scandinavian Studies in Law. Stockholm. 2000. P. 43 — 58.
325. G. Dari-Mattiacci, B. Deffains Uncertainty of Law and the Legal Process // Amsterdam Center for Law & Economics Working Paper №о. 2005-10. Amsterdam, 2005. P. 1 — 37.
326. Hale B. Argentoratum Locutum: Is Strasbourg or the Supreme Court Supreme? / Human Rights Law Review. Volume 12. Issue 1, Oxford, 2012. P. 65 — 78.
327. Mahoney P. Right to a Fair Trial in Criminal Matters under Article 6 E.C.H.R. // Judicial Studies Institute Journal Volume 4 No. 2. Dublin, 2004 P. 107 — 129.
328. Schlang P.J. Rules and Standards // 33 UCLA L. Rev. 379 California, 1985. P. 412 — 439.
329. Shany Y. Toward a General Margin of Appreciation Doctrine in International Law? // The European Journal of International Law Vol. 16 no.5. Firenze, 2005. P. 907 — 940.
330. Stein R. Rule of Law: What Does it Mean? // Minnesota Journal of International Law, Volume 18, Issue 2. 2009. P. 293 — 303.

Приложение № 1. Значения, придаваемые принципу правовой определенности в Постановлениях ЕСПЧ против России

СТАТИСТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В АКТАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Значения	2003	2004	2005	2006	2007 ¹	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Всего
Неопровержимость судебных решений	1	2	7	13	40	24	28	26	6	4	6	8	0	165
Строгость установленных законом сроков	0	0	2	0	2	4	2	3	5	2	2	5	1	28
Ясность правового регулирования	1	0	1	2	7	7	9	10	5	11	9	3	3	68
Не раскрыто ЕСПЧ	0	0	0	0	2	2	6	2	0	0	1	0	0	13
Все значения	2	2	9	15	50	36	45	40	16	17	18	16	4	271

АНАЛИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПРОТИВ РОССИИ (ИЗВЛЕЧЕНИЕ²)

№№	Название дела	Номер жалобы	Год жалобы	Дата	Текст Постановления	Значение
1	CASE OF YEVGENIY BOGDANOV v. RUSSIA	22405/04	2004	26.02.2015	116. The Court has already examined and found a violation of Article 5 § 1 of the Convention in a number of cases concerning the practice of holding defendants in custody solely on the basis of the fact that a bill of indictment has been submitted to the trial court. It has held that the practice of keeping defendants in detention without a specific legal basis or clear rules governing their situation - with the result that they may be deprived of their liberty for an unlimited period without judicial authorisation - is incompatible with the principles of legal certainty and protection from arbitrariness, which are common threads throughout the Convention and the rule of law (see Fursenko v. Russia, no. 26386/02, §§ 77-79, 24 April 2008; Lebedev v. Russia, no. 4493/04, §§ 52-59, 25 October 2007; Melnikova v. Russia, no. 24552/02, §§ 53-56, 21 June 2007; Belevitskiy v. Russia, no. 72967/01, §§	Ясность правового регулирования

¹ В рамках исследуемого периода в одном из Постановлений (CASE OF RUSSIAN CONSERVATIVE PARTY OF ENTREPRENEURS v. RUSSIA) принцип правовой определенности употреблен дважды в двух разных значениях.

² Полная статистика опубликована по адресу в сети Интернет URL: <https://sites.google.com/a/tender-consult.com/legal-certainty/> (дата обращения 10.01.2016)

					86-93, 1 March 2007; Korchuganova v. Russia, no. 75039/01, §§ 55-59, 8 June 2006; Nakhmanovich v. Russia, no. 55669/00, §§ 67-68, 2 March 2006; and Khudoyorov v. Russia, no. 6847/02, §§ 144-51, ECHR 2005-X). The Court does not see any reason to reach a different conclusion in the present case. Consequently, the Court finds that the applicant's detention between 20 August and 26 December 2003 was contrary to Article 5 § 1 (c) of the Convention.	
2	CASE OF KHALIKOV v. RUSSIA	66373/13	2013	26.02.2015	68. The applicant did not question before the Court the lawfulness of his detention in the extradition proceedings from 17 April to 17 October 2013. As regards the detention imposed in the expulsion proceedings, he admitted that he had violated the immigration rules and failed to register his residence in Russia within the statutory time-limit, but claimed that the authorities had become aware of that fact on 17 April 2013, when he was arrested and found not to have a passport. However, it was not until six months later that the prosecutor instituted expulsion proceedings against him. The applicant claimed that the real purpose of the expulsion proceedings was to keep him under the authorities' control in order to organise by any means his return to the country which sought his extradition. Other than the requirement that the expulsion order be executed within the two-year time-limit, the Code of Administrative Offences did not contain any provisions governing the length of detention pending expulsion and therefore lacked legal certainty. Moreover, the relevant provisions were open to the interpretation that by the expiry of that two-year time-limit the applicant would again be liable to expulsion and, consequently, to detention on that ground. Lastly, the applicant claimed that such a long stay in detention significantly exceeded the maximum custodial sentence permissible under the Code of Administrative Offences and that his detention pending expulsion was of a punitive, rather than preventive, nature.	Ясность правового регулирования
3	CASE OF YURIY RUDAKOV v. RUSSIA	48982/08	2008	15.01.2015	60. The Court must moreover ascertain whether domestic law itself is in conformity with the Convention, including the general principles expressed or implied therein. On this last point, the Court stresses that where deprivation of liberty is concerned it is particularly important that the general principle of legal certainty be satisfied. It is therefore essential that the conditions for deprivation of liberty under domestic law be clearly defined and that the law itself be foreseeable in its application, so that it meets the standard of "lawfulness" set by the Convention, a standard which requires that all law be sufficiently precise to allow a person, who is given appropriate advice if necessary, to foresee, to a degree that is reasonable in the circumstances, the consequences which a given action may entail (see Jėčius v. Lithuania, no. 34578/97, § 56, ECHR 2000-IX, and Baranowski v. Poland, no. 28358/95, §§ 50-52, ECHR 2000-III).	Ясность правового регулирования

4	CASE OF MALIKA YUSUPOVA AND OTHERS v. RUSSIA	14705/09 4386/10 67305/10 68860/10 70695/10	2009	15.01.2015	156. The Court reiterates that the purpose of the six-month rule is to promote legal certainty, to ensure that cases are dealt with within a reasonable time and to protect the parties from uncertainty for a prolonged period of time. The rule also provides the opportunity to ascertain the facts of the case before memory of them fades away with time (see <i>Abuyeva and Others v. Russia</i> , no. 27065/05, § 175, 2 December 2010). The Court has jurisdiction to apply the rule of its own motion, even if the Government have not raised that objection (see <i>Sabri Güneş v. Turkey</i> [GC], no. 27396/06, § 29, 29 June 2012).	Строгость установленных законом сроков
5	CASE OF DAVYDOV v. RUSSIA	18967/07	2007	30.10.2014	35. The Court reiterates that legal certainty, which is one of the fundamental aspects of the rule of law, presupposes respect for the principle of <i>res judicata</i>, that is, the principle of the finality of judgments. A departure from that principle is justified only when made necessary by circumstances of a substantial and compelling character (see <i>Brumărescu v. Romania</i> [GC], no. 28342/95, § 61, ECHR 1999-VII, and <i>Ryabykh v. Russia</i>, no. 52854/99, §§ 51-52, ECHR 2003-IX), such as the need to correct a “fundamental defect” or a “miscarriage of justice”. However, these notions do not lend themselves to precise definition. The Court has to decide, in each case, to what extent the departure from the principle of legal certainty is justified (see <i>Sutyazhnik v. Russia</i>, no. 8269/02, § 35, 23 July 2009, with further references). 39. The Court further reiterates that the binding and enforceable judgment unconditionally ordered the Ministry to pay the applicant certain sums of money on a monthly basis, with subsequent indexation. The judgment was thus specific enough to create an asset within the meaning of Article 1 of Protocol No. 1 (see <i>Vasilopoulou v. Greece</i>, no. 47541/99, § 22, 21 March 2002, and <i>Malinovskiy v. Russia</i>, no. 41302/02, § 43, ECHR 2005-VII (extracts)). The quashing of this judgment in breach of the principle of legal certainty frustrated the applicant’s reliance on the binding judicial decision and deprived him of the opportunity to receive a judicial award he had legitimately expected to receive (see <i>Gorfunkel v. Russia</i>, no. 42974/07, § 36, 19 September 2013). There has accordingly been a violation of Article 6 § 1 of the Convention and Article 1 of Protocol No. 1.	Неопровержимость судебных решений
7	CASE OF KOKSHAROVA v. RUSSIA	25965/03	2003	02.10.2014	23. The Court reiterates that the quashing by way of supervisory review of a judicial decision which has become final and binding may render the litigant’s right to a court illusory and infringe the principle of legal certainty (see, among many other authorities, <i>Ryabykh v. Russia</i> , no. 52854/99, §§ 56-58, ECHR 2003-IX). Departures from that principle are justified only when made necessary by circumstances of a substantial and compelling character (see <i>Kot v. Russia</i> , no. 20887/03, § 24, 18 January 2007, and	Неопровержимость судебных решений

					Protsenko v. Russia, no. 13151/04, §§ 25-34, 31 July 2008).	
8	CASE OF PETIMAT ISMAILOVA AND OTHERS v. RUSSIA	25088/11 44277/11 44284/11 44313/11 48134/11 49486/11 52076/11 52182/11 55055/11 56574/11 64266/11 66831/11	2011	18.09.2014	330. The Court reiterates that the purpose of the six-month rule is to promote legal certainty, to ensure that cases are dealt with within a reasonable time and to protect the parties from uncertainty for a prolonged period of time. The rule also provides the opportunity to ascertain the facts of the case before memory of them fades away with time (see Abuyeva and Others v. Russia, no. 27065/05, § 175, 2 December 2010).	Строгость установленных законом сроков
9	CASE OF LUKINYKH v. RUSSIA	34822/04	2004	10.07.2014	22. The Court further reiterates that the quashing of a judgment in a manner which has been found to have been incompatible with the principle of legal certainty and the applicant's "right to a court" cannot be accepted as justification for the failure to enforce that judgment (see Sukhobokov, cited above, § 26). In the present case the judgment in the applicant's favour was enforceable until at least 16 September 2004 and it was incumbent on the State to abide by its terms (see, among others, Velskaya v. Russia, no. 21769/03, § 18, 5 October 2006, and Markovtsi and Selivanov, cited above, § 29). However, in the present case the State avoided paying the judgment debt for two years.	Неопровержимость судебных решений

Приложение № 2. Значения, придаваемые принципу правовой определенности в актах Конституционного Суда РФ

СТАТИСТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В АКТАХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Значения	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Всего
Неопровержимость судебных решений	0	0	0	3	3	9	6	6	7	10	19	16	21	100
Строгость установленных законом сроков	0	0	0	1	0	3	0	4	9	9	9	13	154	202
Стабильность правового регулирования	1	0	4	4	7	7	2	2	3	0	0	6	4	40
Ясность правового регулирования	0	0	2	4	1	2	2	3	5	6	13	14	8	63
Все значения	1	1	6	12	11	21	10	15	24	27	41	49	187	405
Постановления	1	1	6	6	1	2	3	3	7	4	7	11	6	58
Определения	0	0	0	6	10	19	7	12	17	23	34	38	181	347

АНАЛИЗ АКТОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ИЗВЛЕЧЕНИЕ¹)

№№	Форма	Дата	Номер	Название	Примечания	Раскрытие значения
1	Постановление	19.06.2002	11-П	"По делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС" (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года), Федеральных законов от 12 февраля 2001 года "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС", от 19 июня 2000 года "О	Отказ федерального законодателя от определения размера возмещения вреда в зависимости от заработка и переход к новому способу - в зависимости от степени утраты здоровья - предполагает соблюдение требований, вытекающих, в частности, из необходимости эффективного индексирования в соответствии с изменением показателей прожиточного минимума, а также принципа правовой определенности и стабильности правовых отношений, исходя из которых государство должно стремиться обеспечить достойную жизнь этих граждан. Следовательно, сам по себе переход к новому способу определения размера возмещения вреда, как основанный на признании конституционного принципа равенства всех перед законом и вытекающего из этого равенства ценности жизни и здоровья всех граждан, пострадавших от чернобыльской катастрофы, не противоречит Конституции Российской Федерации.	Стабильность правового регулирования

¹ Полная статистика опубликована по адресу в сети Интернет URL: <https://sites.google.com/a/tender-consult.com/legal-certainty/> (дата обращения 10.01.2016)

				минимальном размере оплаты труда" и от 7 августа 2000 года "О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации" в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Октябрьского районного суда города Краснодара, жалобами граждан и общественных организаций чернобыльцев"		
2	Постановление	18.07.2003	13-П	"По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с запросами Государственного Собрания - Курултая Республики Башкортостан, государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан"	Нарушается принцип законного суда и таким определением подсудности, при котором одна и та же категория дел подведомственна судам разной юрисдикции или разного уровня. Рассматриваемые же в настоящем деле нормы - как по буквальному смыслу, так и по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, - толкуются как допускающие проверку в судах общей юрисдикции только таких учредительных актов субъектов Российской Федерации, которые приняты "органом государственной власти субъекта Российской Федерации" или "законодательным (представительным) органом субъекта Российской Федерации". Тем самым исключается проверка учредительных актов субъектов Российской Федерации, принимаемых специальным конституционным законодателем или на референдуме, и, следовательно, нарушается как провозглашенный Конституцией Российской Федерации принцип равноправия всех субъектов Российской Федерации в их взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти, так и принцип правовой определенности , поскольку уровень охраны конституций (уставов) субъектов Российской Федерации, который непосредственно влияет и на их конституционный статус, может изменяться субъектом Российской Федерации в одностороннем порядке в нарушение требований статьи 66 (часть 5) Конституции Российской Федерации.	Ясность правового регулирования
3	Постановление	29.01.2004	2-П	"По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн)	Принципы правовой справедливости и равенства, на которых основано осуществление прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации как правовом и социальном государстве, в том числе права на социальное обеспечение (в частности, пенсионное обеспечение), по смыслу статей 1, 2, 6 (часть 2), 15 (часть 4), 17 (часть 1), 18, 19 и 55 (часть 1) Конституции Российской Федерации, предполагают правовую определенность и	Стабильность правового регулирования

				Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан"	связанную с ней предсказуемость законодательной политики в сфере пенсионного обеспечения. Это, как и точность и конкретность правовых норм, которые лежат в основе соответствующих решений правоприменителей, включая суды, необходимо для того, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты.	
4	Постановление	06.04.2004	7-П	"По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 87 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и Постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2001 года N 538 "О деятельности негосударственных организаций по лоцманской проводке судов" в связи с жалобой международной общественной организации "Ассоциация морских лоцманов России" и автономной некоммерческой организации "Общество морских лоцманов Санкт-Петербурга"	Предпринимательская деятельность в организационно-правовой форме акционерного общества затрагивает интересы большого числа лиц - акционеров, инвесторов, а также публичные интересы. Осуществляя регулирование порядка создания и правового положения акционерных обществ, прав и обязанностей их акционеров, а также обеспечивая защиту прав и интересов акционеров, государство действует в определенных Конституцией Российской Федерации пределах, исходя из того, что оно не вправе лишать акционерные и другие хозяйственные общества их правомочий, составляющих основное содержание конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности. Поскольку в процессе предпринимательской деятельности акционерного общества могут сталкиваться интересы кредиторов и акционеров, акционеров и менеджмента, акционеров - владельцев крупных пакетов акций и миноритарных акционеров, одной из основных задач законодательства об акционерных обществах является обеспечение баланса их законных интересов с учетом того, что Конституция Российской Федерации закрепляет принцип, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (статья 17, часть 3), и гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1). Право на судебную защиту предполагает конкретные гарантии, которые позволяют реализовать его в полном объеме и обеспечивают эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости с учетом принципа правовой определенности.	Ясность правового регулирования